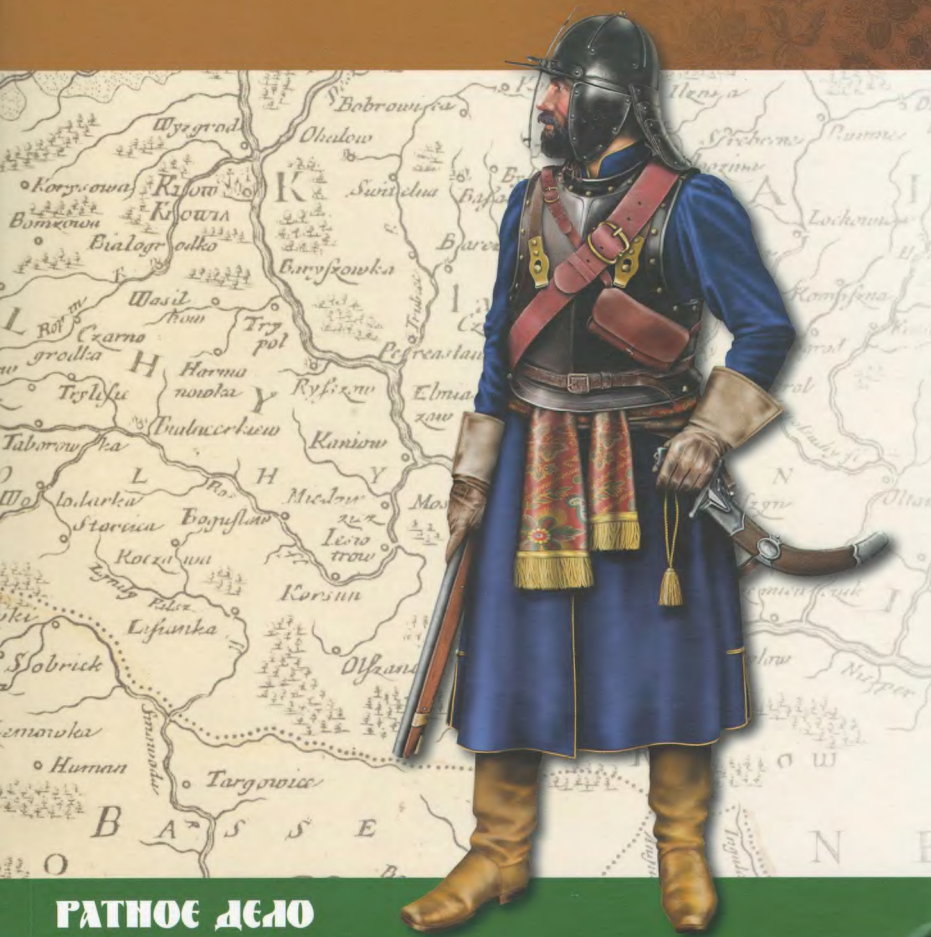

И.Б. Бабулин

КАНЕВСКАЯ БИТВА

16 июля 1662 года

ЗАБЫТАЯ ПОБЕДА

РАТНОЕ ДЕЛО

Атака копейщиков под Каневым в 1662 г. Худ. В. Типикин.

Днепр под Каневым. Наши дни

РАТНОЕ ДЕЛО

И.Б. Бабулин

**КАНЕВСКАЯ БИТВА
16 ИЮЛЯ 1662 г.**

Москва • 2015

УДК 355.48(438:47)(091)"1662"

ББК 63.3(2)45-68

Б12

Бабулин, Игорь Б.

Каневская битва 16 июля 1662 г. / Игорь Бабулин – М.: Фонд «Русские Витязи», 2015. - 88 с. (Ратное дело). - ISBN 978-5-9906036-5-3

Научный редактор серии: А.В. Малов.

16 (26) июля 1662 г. войска Московского государства одержали свою самую большую победу в Русско-польской войне 1654–1667 гг. как по общей численности сражающихся сторон, так и по потерям проигравшей стороны. В Каневской битве противник потерял 8 тыс. убитыми, пленными и утонувшими в Днепре. В качестве трофеев победителям достались 117 знамен, 22 орудия и весь обоз побежденных. Парадокс в том, что эта битва почти неизвестна историкам. Более того, о победе русских войск и верных царю казаков левого берега Днепра постарались забыть вскоре после завершения войны с Речью Посполитой. Причина такого отношения к Каневской виктории достаточно проста: основным противником русской армии в этой битве были казаки Правобережной Украины под началом гетмана Юрия Хмельницкого, сражавшиеся на стороне польского короля.

На обложке:

Белгородский рейтар в 1662 году. Рисунок Ю. Юрова

ISBN-13: 978-5-9906036-5-3

© Бабулин И.Б., текст, примечания, схемы, подбор илл., 2015

© Юров Ю. М., рисунок на обложке, 2015

© Фонд «Русские Витязи», издание, 2015

9 785990 603653 >

СОДЕРЖАНИЕ

Забытая победа.....	4
Вооруженные силы противоборствующих сторон	11
Походы Ю. Хмельницкого на Переяслав и другие военные события на Украине в октябре 1661–июне 1662 года.....	23
Каневская битва 16 (26) июля 1662 года.....	39
Поход М. Приклонского на Правобережье и бой под Бужиным 3 (13) августа 1662 года	55
Отход русской армии к Лубнам и бои на реке Суле	69
Итоги кампании 1662 года на Украине	78
Примечания.....	81

ЗАБЫТАЯ ПОБЕДА

16 (26) июля 1662 г. войска Московского государства одержали свою самую большую победу в Русско-польской войне 1654–1667 гг. В битве под Каневым противник потерял 8 тыс. убитыми, пленными и утонувшими в Днепре. В качестве трофеев победителям достались 117 знамен, 22 орудия и весь обоз побежденных. Несмотря на такой блестящий успех, Москва не праздновала свой триумф. Не успел гонец привезти царю радостную весть о победе, как столицу потряс «Медный бунт», вызванный недовольством населения обесцениванием медных денег. В дальнейшем России, занятой тяжелой борьбой с Крымским ханством и восстанием

башкир, так и не удалось развить наступление на Правобережной Украине. Более того, о победе русских войск и верных царю казаков левого берега Днепра постарались забыть вскоре после завершения войны с Речью Посполитой. Причина такого отношения к Каневской виктории достаточно проста: основным противником русской армии в этой битве были казаки Правобережной Украины под началом гетмана Юрия Хмельницкого, сражавшиеся на стороне польского короля. Неформальное табу на изучение истории конфликтов предков русских и украинцев в прошлом, существовавшее как в имперский период, так и в советское время, привело к тому, что вплоть до настоящего времени Каневская битва фактически неизвестна историкам. Лишь мимоходом упоминали о ней отдельные авторы исторических исследований, посвященных истории Украины, не выделяя в длинной череде других военных событий. О битве под Каневым не найти статей в справочниках и энциклопедиях, хотя по численности участников и потерям проигравшей стороны ее можно отнести к крупнейшим сражениям XVII столетия.

Определенные сложности в исследовании обозначенной темы заключаются в том, что осмотр места сражения, также как проведение на нем археологических раскопок, в настоящее время невозможно, поскольку в 1974–1976 гг. поле битвы было залито водами Каневского водохранилища.

Однако прежде чем начать детальное исследование военной кампании 1662 г. на Украине в целом и Каневской битвы в частности, нам следует вернуться на полтора года назад и кратко рассказать о предшествующих событиях, которые произошли в конце 1660–1661 гг.

Поздней осенью 1660 г. Россия потеряла Украину. Шестой год войны с Речью Посполитой и Крымским ханством закончился катастрофой

«Парсуна» Царя Алексея Михайловича. Худ. Б. Салтанов, 1682 г. ГИМ

Гетман Юрий Хмельницкий.
Неизв. худ. XIX в. с рисунка XVII в.
из коллекции В. В. Тарновского

под Чудновым, в результате которой основные силы русских войск, находившиеся на Украине (15 тыс. чел.), были уничтожены. Накануне этой трагедии, в ходе наступления на Львов, армия под командованием воеводы В.Б. Шереметева оказалась в окружении значительно превосходящих ее по численности польско-татарских войск под Любаром. С тяжелыми боями русские стали отходить к Чуднову, рассчитывая на помощь идущего к ним казацкого войска гетмана Юрия Хмельницкого. Соединение с гетманом могло бы изменить ход всей кампании и заставить врага отступить, но украинские казаки вошли только до Слободищ. После небольшой стычки безвольный гетман предпочел вступить в переговоры с противником и перейти на сторону польского короля, что лишило русскую армию шанса на благоприятное окончание похода. Измена украинских казаков решила исход всей кампании. Ожесточенная и отчаянная битва русских воинов в кольце врагов, продолжавшаяся почти два месяца, закончилась капитуля-

цией оставшихся в живых бойцов, страдающих от голода, холода, болезней, отсутствия пороха и боеприпасов. Командующий боярин В.Б. Шереметев был отправлен татарами в Крым, где в качестве пленника провел 21 год в пещерной крепости Чуфут-Кале.

Воодушевленные своей победой под Чудновым поляки рассчитывали на скорое падение Киева и других городов Украины, в которых находились царские гарнизоны. Однако малочисленные русские отряды, стоявшие в Киеве, Чернигове, Нежине и Переяславе, позволили России продолжить борьбу за Украину. Польское войско, истощенное большими потерями от боев и болезней, так и не смогло форсировать Днепр. Гетманы Речи Посполитой распустили свою армию на зимние квартиры, рассчитывая на то, что перешедший на сторону короля Юрий Хмельницкий самостоятельно выбьет русских из четырех оставшихся у них городов-крепостей.

Однако уже в октябре 1660 г. переяславский (Яким Сомко), нежинский (Василий Золотаренко) и черниговский (Аникий Силич) полковники отказались признать переход Войска Запорожского на сторону Речи Посполитой. Гетман-предатель, пытаясь привлечь их в свой лагерь, неоднократно посылал письма казакам с призывом выступить против царских гарнизонов Левобережья. Полковники не подчинились гетману. Когда 23 октября 1660 г. в Переяслав из Белгорода прибыл воевода кн. Борис Мышецкий с отрядом, полковник Яким Сомко, приходившийся дядей Юрию Хмельницкому, заявил о своей верности царю. В Переяславе в то время находился воевода кн. Василий Богданович Волконский, с которым было оставлено четыре стрелецких приказа.

В ноябре 1660 г. Яким Сомко, ставший организатором и руководителем оппозиции гетману, начал активную борьбу против своего племянника. Сначала он выслал своих казаков против Прилук и Лубен. Прилуцкий полковник Федор Терещенко был арестован казаками и выдан Сомко, а лубенский полковник Федор Шамрицкий подчинился ему без сопротивления. Хотя в Лубнах власть Сомко оказалась непрочной. В декабре 1660 г. Шамрицкий вновь перешел на сторону Хмельницкого.

В 1660 г. на раде в Козельце Сомко был избран гетманом и послал о том извещение

Польский король Ян II Казимир.
Гравюра Даниэля Шульца XVII в.

в Москву. Однако вследствие доноса его противника – влиятельного епископа Мстиславского и Оршанского Мефодия (Максима Филимоновича), написавшего в Москву, будто бы Сомко добился звания гетмана насилем, – оставлен был в звании наказного гетмана. Тем не менее в следующем 1661 г. власть Сомко признали зеньковский (Василий Шиман-Шимановский), полтавский (Федор Жученко) полковники, затем снова лубенский. Попытки Юрия Хмельницкого разгромить своего дядю окончились безрезультатно. С целью ликвидации московских форпостов гетман со своим войском переходил Днепр в декабре 1660 г. и феврале 1661 г. В августе 1661 г. он совершил неудачный поход на Переяслав, осадил город, но был вынужден отступить назад.

Таким образом, осенью 1661 г., спустя всего год после Чудновской катастрофы, Яким Сомко подчиняет всю Левобережную Украину и с по-

мощью русских войск возвращает ее под власть царя Алексея Михайловича. На волне достигнутых успехов, казалось бы, не было среди старшины вождя, более достойного гетманской булавы, чем Сомко. Однако с ростом его власти и влияния в казацкой среде у него появились два серьезных соперника – нежинский полковник Василий Золотаренко и кошевой Запорожской Сечи Иван Брюховецкий. В октябре 1661 г. Сечь избрала гетманом Ивана Брюховецкого, который сблизился с епископом Мефодием и начал с Сомко борьбу за булаву. Все попытки Сомко добиться официального признания его гетманом не имели успеха, так как встречались в Москве с доносами Ивана Брюховецкого, который не переставал уверять московское правительство, что Сомко – человек ненадежный и замышляет измену. Несмотря на то, что почти весь 1661 г. Сомко энергично вел борьбу с приверженцами Хмельницкого, при царском дворе ему не доверяли.

Гетманская Украина де-факто разделилась между Россией и Речью Посполитой по двум берегам Днепра. Правобережье находилось под контролем польского короля, а левобережные казацкие полки признали власть русского царя. Однако вражда между основными кандидатами в гетманы на левом берегу сильно осложняла ведение боевых действий против Юрия Хмельницкого. Обе стороны готовились к решающему столкновению, которое произошло летом 1662 г.

Первые описания событий военной кампании 1662 г. на Украине появились в казацких летописях XVIII в. Самойло Величко¹ и Григория Грабянки². В качестве источников указанные авторы использовали более раннюю «Летопись Самовидца»³, а также письма (фактически – реляции) гетмана Юрия Хмельницкого польскому королю Яну Казимиру. В летописях Каневская битва предстает как полный разгром гетманского войска и гибель двадцати тысяч казаков, в то время как в письмах Хмельницкого это сражение изображено как рядовое поражение его войска. Более того, последующий за ней бой под Бужиным 3 (13) августа 1662 г. и отход войск кн. Г.Г. Ромодановского к Лубнам Хмельницкий преподносит королю как реванш и «незабвенную победу» над русскими. Письма гетмана Юрия Хмельницкого о кампании 1662 г. были

опубликованы еще в 1859 г. в четвертом томе «Памятников, изданных временною комиссиею для разбора древних актов»⁴ и достаточно хорошо известны исследователям.

В дальнейшем в работах практически всех историков, ссылавшихся на письма гетмана, заметна тенденция уменьшить значение разгрома казаков под Каневым и преувеличить роль менее значимого Бужинского боя, и это при том, что все другие источники единогласно описывают Каневскую битву как сокрушительное поражение Юрия Хмельницкого. Одним из таких, наиболее достоверных источников является «Летопись Самовидца».

«Летописью Самовидца» (т. е. очевидно) была названа впервые опубликованная в 1846 г. П.А. Кулишем казацкая летопись неизвестного автора. Большинство исследователей согласны с тем, что предполагаемым автором летописи был Роман Ракушка-Романовский (ок. 1622–1703 гг.). В 1658 г. Ракушка-Романовский был нежинским сотником, а в 1659 г. полковым судьей. Если это так, то он, как автор, является не только очень важным свидетелем событий, но и непосредственным участником кампании на Украине 1662 г.

Неизвестный автор «Краткого описания Малороссии», вероятно, использовавший «Летопись Самовидца», весьма похожим образом описывает эти военные действия⁵. В дополнение к названным источникам отметим, что отдельные сведения о событиях, связанных с кампанией 1662 г., можно найти в летописях Ф. Софоновича⁶, Я. Лизогуба⁷, И. Ерлича⁸ и древнике П. Гордона⁹.

Письма Хмельницкого цитировались всеми исследователями, в то время как документы русского командующего, относящиеся к кампании 1662 г. (отписки кн. Г.Г. Ромодановского), хранящиеся в РГАДА, были опубликованы только в 1930 г. советским историком Н.Н. Петровским и до настоящего времени мало знакомы историкам¹⁰.

Основываясь на реляциях Хмельницкого о Каневской битве и сражении под Бужиным, писали все видные российские историки XIX в. Так, в частности, С.М. Соловьев в своей «Истории России» сообщает о Каневской битве только то, что «Ромодановский с главными силами своими и с Золотаренком вступил в Переяс-

SEFERKAZI AGA GRAM VIZIR DE TARTARI

Великий визирь крымского хана Сеферь Газы ага. Гравюра Леонарда Хена XVII в.

лавль, соединился здесь с Самком и 16 июля напал на таборы Хмельницкого, который потерпел совершенное поражение»¹¹. В то же время историк намного больше внимания уделяет Бужинскому бою, повторяя текст письма Хмельницкого о том, что гетману «с татарами удалось разбить под Бужином московский отряд, бывший под начальством стольника Приклонского, и прогнать его за Днепр (3 августа); по донесению Хмельницкого королю, 1 августа под Крыловом истреблено было больше 3000 царского войска; под Бужином погибло 10 000, козаки и татары взяли семь царских пушек, множество знамен, барабанов и разных военных снарядов...»¹².

Н.И. Костомаров дает более подробное описание Каневской битвы в основном по «Летописи Самовидца». Что касается Бужинского боя, то историк выражает обоснованное сомнение в достоверности слов Хмельницкого, ссылаясь на указанную летопись. Костомаров делает вывод, что «Приклонский потерял

Шлем царя Алексея Михайловича из походной казны 1654–1656 гг. Привезен из Турции А. Прончищевым в 1633 г. Государственная Оружейная палата Московского Кремля

мало, и, защищаясь, успел с табором своим переправиться на левый берег. Потерпели наиболее малорусы; у них не стало терпения идти в таборе, они выскочили из табора и пустились скорее вплавь через Днепр, тогда мелководный, но и то с другого берега пушечными выстрелами русские разогнали татар и мешали истрелять пловущих. Переправившись через Днепр, Приклонский соединился с Ромодановским, и все войско поспешно отступило»¹³.

В.В. Волк-Карачевский также выражал свое недоверие реляции Хмельницкого о Бужинском бое: «Донесение Юрия о своих успехах мне кажется преувеличенным, потому что эти успехи нисколько не подняли его престижа на Украине, да и Самовидец (который, по утверждению г. Левицкого, издавшего его летопись, несомненно участвовал в этом походе), ни слова не говорит о таком страшном пора-

жении врагов. Также преувеличенным кажется и известие о том, что татары погнались за отступающим Ромодановским и разбили его наголову, причем взяли даже 8 пушек»¹⁴.

Польский историк Ф. Равита-Гавронский, посвятивший специальное исследование гетману Юрию Хмельницкому, о кампании 1662 г. на Украине написал всего одно предложение, что она «была без серьезных последствий»¹⁵.

Украинский историк М. Аркас ни одним словом не упоминает заслуги русских в победе под Каневым. Согласно ему, «Сомко нагнал его (Хмельницкого. – И.Б.) под Каневым и в прах разбил его войско, погубив более 10 000 казаков...»¹⁶.

В 30-е годы XX в. украинский историк И. Крипьякевич в работе, посвященной «Истории украинского войска» отмечал, что Хмельницкий под Каневым всего лишь «потерпел значительное поражение», в то время как под Бужиным «13 сепня, разом с татарами, так погромив Москву, що на поле осталось 10 000 трупов; артиллерия, табор, прапоры...»¹⁷.

В 60-е годы XX в. советский историк Е.И. Стецюк основательно запутала ход Каневской битвы, добавив от себя мифический бой «под Ржищевым»¹⁸, где якобы и произошел разгром войска Хмельницкого. При этом она ссылалась на «Летопись Самовидца», хотя в летописи упоминается лишь поражение татарского отряда под Оржицей (а не Ржищевым), местечком в Горошинской сотне Лубенского полка, сейчас – поселок в Оржицком районе Полтавской области. В те же годы А.М. Апанович писала о том, что гетман был разгромлен вблизи Канева, однако «в результате огромного численного превосходства вражеских сил российский-казачий отряд потерпел поражение под Крыловым и Бужиным»¹⁹.

Уже в наши годы В.В. Каргалов в своей книге о полководцах XVII в. дает неверное описание хода Каневской битвы, признавая, однако, что разгром Хмельницкого «был полным». В то же время он фактически отрицает поражение Приклонского под Бужиным: «Потеряв небольшое число ратников в арьергардных боях, воевода Приклонский вышел к Днепру... Возле самой воды Ромодановский поставил батареи, и когда полк Приклонского начал переправляться – надежно прикрыл переправу

ствем дальнoбойных пушек... Приклонский переправился благополучно»²⁰.

Украинские историки В.А. Смолий и В.С. Степанков в работе «Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 рр.)» значительно занижают численность войска Ю. Хмельницкого в Каневской битве, без каких бы то ни было ссылок на источники (11 тыс., в т. ч. 6–8 тыс. казаков). Относительно Бужинского боя они пишут, что когда воевода Приклонский направился к Бужину, то «12 августа на него напали казаки Подольского и Брацлавского полков и татары. На следующей день воевода выступил к переправе, но в бою был полностью разбит Ю. Хмельницком, на помощь которому пришла орда»²¹.

Н.О. Савчук в работе о гетманстве Юрия Хмельницкого повторила ошибочное описание Каневской битвы из названной работы Е.И. Стецюк. Согласно ее книге, войска Я. Самойла и Г. Ромодановского «нанесли ощутимый удар украинской армии и на правом берегу Днестра под Ржищевым»²². Описание Бужинского боя у Савчук также далеко от истины.

Т.В. Чухлиб в статье «Бужинская битва 1662», опубликованной в десяти томной «Энциклопедии истории Украины» (2003 г.) определяет это сражение как битву «между казаками во главе с гетманом Ю. Хмельницким и российскими войсками, которая состоялась 22–23 (12–13) августа 1662 года вблизи местечка Бужин (ныне в составе с. Тиньки Чигиринского района Черкасской области)...». Согласно тексту Чухлиба, части под командованием воеводы Приклонского, направленные на Правобережную Украину, двигались в направлении Бужина. «22 (12) августа на них напали казаки Подольского и Брацлавского полков во главе с Ю. Хмельницким. Отступление до переправы через Днепр, российские войска были полностью разбиты казаками, которым на помощь прибыли татарские загоны Селима и Мегмета Гиреев. От смерти и плену спаслась лишь незначительная часть из почти 8-тыс. российского войска»²³. Историк ссылается на «Летопись...» Самойло Величико, а также на вышеуказанное исследование В.А. Смолия и В.С. Степанкова, в которых невозможно найти большей части информации, приведенной в указанной энциклопедической

Зерцальный доспех царя Алексея Михайловича 1663 г. Государственная Оружейная палата Московского Кремля

статье. Кроме того, он неправильно называет дату битвы и ошибочно считает, что местечко Бужин сохранилось до нашего времени.

Ю.А. Мыцк в статье о гетмане Юрии Хмельницком согласился с данными «Летописи Самовидца» о гибели 20 тыс. казаков в Каневской битве²⁴. Историк опубликовал очень интересный фрагмент Вишованной хроники 1682 г., посвященный этому сражению²⁵. Однако во вступительной статье к публикации документа, так же как в книге, посвященной истории Чигирина, он перепутал датировку и последовательность военных событий (Каневскую битву 16 (26) июля и Бужинский бой 3 (13) августа), разделит битву под Каневым на два отдельных эпизода до и после Бужинского боя, а также искажил информацию из казацкой летописи С. Величко в отношении павших в сражениях²⁶.

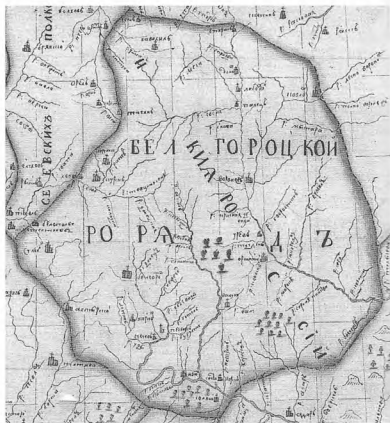
Т.Г. Таирова-Яковлева тоже дает неверное описание хода Каневской битвы, ошибочно разбивая ее на два этапа – на левом и правом

берегах Днепра. Что касается Бужинского боя, то, согласно ее версии, крымские татары много «...побили и в полон поймали»²⁷. Источниками для исследователя послужили документы, ранее опубликованные Н.Н. Петровским, и упомянутые письма Хмельницкого. Несмотря на то, что Т.Г. Таирова-Яковлева использовала опубликованные отписки Ромодановского, она фактически игнорирует их содержание, избирательно цитируя названные материалы.

Польский историк П. Кроль в статье, посвященной гетману Юрию Хмельницкому, пишет, что битва под Каневым закончилась «поражением войска Хмельницкого, которое в панике переправилось через реку, бросив на милость победителей табор и артиллерию». Затем гетман «в двух битвах, под Крыловым (11 августа) и Бужином (13 августа) разбил отряды российско-казацкие, а их остатки вынудил к повороту за Днепр, отход привел к последующему поражению под Лубнами»²⁸.

В наше время украинский исследователь Е.В. Литвиненко в качестве приложения к статье «Гетманат Юрия Хмельницкого через призму немецкой печатной хроники "Theatrum Europaeum" (XVII – начало XVIII ст.)»²⁹, опубликовала два фрагмента из IX тома хроники авторства Мартина Майера, посвященных главным сражениям кампании 1662 г. Е.В. Литвиненко считает, что Майер пользовался источниками польского происхождения. Хроника, издававшаяся во Франкфурте-на-Майне, содержит любопытные сведения, которых нет в опубликованных письмах Хмельницкого. Логично предположить, что источником Майера были какие-то недоступные нам сообщения гетмана к королевскому двору, которые либо не сохранились, либо до настоящего времени не введены в научный оборот.

На основании краткого обзора историографии и источников можно сделать определенный вывод о том, что на протяжении очень долгого времени основным источником информации о боях 1662 г. являлись донесения гетмана Юрия Хмельницкого, который, сообщая польскому королю о своих успехах, стремился максимально преувеличить значение

Фрагмент карты юга России конца XVII века. ГИМ

одержанной им (фактически – татарами) победы под Бужиным, умышленно искажая истину. Благодаря королевскому двору в Варшаве содержание победной реляции Хмельницкого стало известно далеко за пределами Речи Посполитой, благо проверить эту дезинформацию поляки не имели никакой возможности.

Для полной и достоверной реконструкции событий военной кампании 1662 г. на Украине обратимся к отечественным архивным документам Разрядного приказа (РГАДА. Ф. 210) и сравним сведения, содержащиеся в них, с украинскими и польскими материалами. В настоящей работе использованы следующие документы РГАДА из архивов разрядного, малороссийского и сибирского приказов: РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола № 468, 475, 499, 527, 539, 559, 769; Оп. 13. Столбцы Приказного стола № 230, Оп. 15. Столбцы разных столов № 82; Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 3. № 9.

Автор выражает особую благодарность П. Кролю и А.Г. Бульвинскому за оказанную помощь в работе над книгой.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ПРОТИБОБОРСТВУЮЩИХ СТОРОН

Русское государство и казачьи полки левобережья Днепра

В середине XVII в. поместная конница уже являлась основным родом войск Московского государства. Ее с успехом потеснили рейтарские, драгунские и солдатские полки Нового (европейского) строя. Полки Нового строя в русской армии середины XVII столетия явились новой, более совершенной организацией вооруженных сил. Они были представлены рейтарскими, гусарскими, копейными, драгунскими и солдатскими полками. Каждый полк делился на 10–12 рот и насчитывал по штату 1200 чел. (конница) и 1600 чел. (пехота). На практике, в боевых условиях, как и в любых других армиях, численность полков нередко была значительно меньше.

Рейтары – обученные европейской тактике и огневому бою – уже составляли значительную часть конницы. Они были ее наиболее боеспособной частью и, по сути, являлись дворянской конницей Нового строя, поскольку набирались в основном из малоземельных дворян и детей боярских. Рейтарская «служба» состояла из карабина и пары пистолетов. Из холодного оружия рейтары имели сабли, из защитного – латы и шишаки. Уже в первых сражениях войны 1654–1667 гг. современники отметили, что «рейтары на боях крепче сотенных людей».

Осенью 1658 г. в Белгородском разряде появился новый род кавалерии – копейщики. На юге они выполняли функции гусар, которые появились в Новгородском разряде только в 1660 г. Копейщики были выбраны из состава сотен городского дворянства. Копейные роты укомплектовывали лучшими всадниками, вла-

деющими копьем. Они представляли собой тяжелую конницу, игравшую роль ударной силы на поле боя, предназначенной для атаки, опрокидывания и прорыва боевых порядков противника. Оружием копейщиков были копье, пара пистолетов и сабля. Защитное вооружение было таким же, как у рейтар. Весной 1661 г. в Белгородском разряде числился копейно-рейтарский полк из двух шквдрон (10 рот) – копейной и рейтарской³⁰.

Драгунские полки фактически были ездящей пехотой и с середины XVII в. вооружались мушкетами облегченного типа с замками, которые называли «драгунскими мушкетами». Иногда вместо мушкетов драгунам выдавали карабины. Обычное вооружение драгун состояло из мушкета и шпаги. Драгуны использовали коней только для передвижения, а в бою спешивались и действовали как пехота. Нередко отдельные драгунские роты входили в состав рейтарских полков.

Большой проблемой русской кавалерии был недостаток хорошего конского состава. Пороdistые восточные лошади (аргамаки) имелись лишь у элиты дворянской конницы и отборных рейтар.

Солдатские полки вооружались пищалями, позднее мушкетами с фитильными и с кремневыми замками. Из холодного оружия имели шпаги, пики, бердыши. Известные преимущества в области формирования, комплектования, вооружения, обучения и снабжения обеспечивали им численное превосходство и преобладающее место в составе русского войска. Участники сражений со стороны противника неоднократно отмечали стойкость и профессионализм московской пехоты. В условиях не-

прекращающихся войн второй половины XVII в. полки Нового строя фактически стали постоянной вооруженной силой. Служба в них была пожизненной.

Все ратные люди в полках Нового строя, находившиеся на службе, получали постоянное денежное и хлебное жалование, оружие и боевые припасы к нему. Рейтары, драгуны, солдаты и стрельцы проходили систематическое обучение³¹. В роли обучающихся выступали наиболее опытные офицеры-иноземцы, имевшие опыт Тридцатилетней и Английской гражданской войн, в большом числе находившиеся на царской службе. В первые годы войны с Речью Посполитой 1654–1667 гг. все полковники полков нового строя были иностранцами, как принявшими православную веру, так и сохранившими свое вероисповедание. Позднее до полковничьих чинов дослужились уже русские дворяне, с нижних чинов прошедшие хорошую военную школу.

Результаты обучения сказались достаточно быстро. Уже польский дипломат Я. Млоцкий, наблюдавший царское войско накануне выступления русских в Литовский поход 1654 г., видел несколько тысяч «пехоты со стрельцами: все они с мушкетами и пиками, обмундированные, как требует того обыкновенный солдатский строй, и, как сам я, смотря на это, заметил, довольно хорошо обучены»³². Летом 1655 г. шведский резидент в Москве И. де Родес сообщал в Стокгольм, что несмотря на урон, причиненный эпидемией чумы, пехота у царя «очень сильна... Как и многие другие рода войск, она (даже – И.Б.) сильнее, чем в прошлом году»³³. Референдарий и писарь Великого Княжества Литовского Ц.П. Бжостовский, участник битвы на реке Басе (1660 г.), сообщает в своем письме об «отборнейшей и опытнейшей пехоте» русских, выходявшей в поле «в значительном числе и в стройном порядке». В финале сражения она «храбро защищаясь, не нарушив порядка» отошла в свой лагерь³⁴. Сообщая о русской армии В.Б. Шереметева, увиденной поляками под Любаром в сентябре 1660 г., польский очевидец Я. Зеленецкий (Зеленевиц) пишет: «Войско было отличное и многочисленное. Конница щеголяла множеством чистокровных лошадей и хорошим вооружением. Ратные люди отчетливо исполняли все движения, в точности соблюдая ряды и не-

обходимые размеры шага и поворота. Когда заходило правое крыло, левое стояло на месте в полном порядке, и наоборот. Со стороны эта стройная масса воинов представляла прекрасное зрелище, то же самое и пехота. Вообще войско было хорошо выправлено и обучено»³⁵. П. Гордон, сражавшийся против В.Б. Шереметева под Чудновом (1660 г.), неоднократно пишет о русских войсках, выступавших в «добром порядке». В ходе битвы московские пушки «непрерывно били по нашим (польским – И.Б.) батальонам». При отступлении русские «крепко угощали» поляков ружейным и артиллерийским огнем, отчего те несли большие потери³⁶. Упомянутый выше Я. Рейтенфельс писал о полках Нового строя (1670 г.), что они «обучены по немецкому образцу конной и пехотной боевой службе, и их ставят на одну доску с лучшими войсками, где бы то ни было. Ибо будучи обучены немцами, они, благодаря лучшему теоретическому военному образованию, а может быть и вследствие долголетнего упражнения, так усовершенствовались, что, кажется, превосходят самих себя»³⁷.

С конца 50-х – начала 60-х гг. XVII в. в России началась реорганизация артиллерии в направлении ее унификации и стандартизации. До этого времени «наряд» был весьма разнороден, на вооружении городов и полевых войск находилось много устаревших орудий с большим числом разных калибров. Данное положение стало меняться в лучшую сторону уже с начала войны 1654–1667 гг., когда в Московском государстве начинается интенсивная деятельность по изготовлению однотипных и более совершенных орудий. Шведский военный инженер капитан Э. Пальмквист, посетивший Россию в 1674 г., писал о том, что русская артиллерия «весьма хороша и эффективна» и имеет не только принятые в Европе типы орудий, но и свои, усовершенствованные «пушки и мортиры». По словам шведа, «русские никогда не делают плохих выстрелов и являются хорошими петардистами»³⁸ (т. е. специалистами по взрывному делу).

Русская полевая армия, действующая на Украине в 1662 г., состояла из войск Белгородского разряда (военно-административного округа) под командованием опытного, закаленного во многих боях военачальника князя

Григория Григорьевича Ромодановского. О ее общей численности накануне летней кампании 1662 г. можно судить по данным смотра в Белгороде 26 марта 1662 г. Согласно документу, всего в армии под началом Ромодановского значилось немногим более 15 тыс. русских ратных людей, из которых в строю («налицо») находилось примерно 13 800 чел. Кроме них, в распоряжении командующего было около 5000 слободских казаков³⁹. Вопрос состава

и численности русских войск на Украине будет подробно рассмотрен ниже.

На стороне Москвы к концу 1661 г. оказались все казацкие полки левобережья Днепра, которые не пожелали подчиняться гетману Юрию Хмельницкому. Многие из них приняли активное участие в боях против гетманских казаков, поляков и крымских татар.

Наиболее авторитетным вождем сопротивления пропольским гетманским силам, как

Белгородский копейщик в 1662 г. Худ. В. Типикин

отмечено выше, стал объединивший большую часть левобережной старшины переяславский полковник Яким Сомко. Тем не менее даже ему с трудом удалось подчинить своей власти противников Хмельницкого, а тем более удерживать эту власть в неспокойной казацкой вольнице. Поскольку Яким Сомко приходился дядей Юрию Хмельницкому, это обстоятельство серьезно портило ему репутацию. Недоброжелатели постоянно обвиняли его в тайном сговоре со своим племянником.

Анализ различных источников и исследований дает нам следующую информацию о числе полков на Левобережной Украине и их полковниках на начало осени 1661 г.⁴⁰ (Табл. 1)

Организация, состояние и боевые качества полков левобережья Днепра не отличались от аналогичных характеристик казацкого войска Юрия Хмельницкого (правобережных полков), поэтому мы рассмотрим их в общем разделе о гетманском войске.

Войско гетмана Юрия Хмельницкого (полки правобережья Днепра)

Казацкая армия Юрия Хмельницкого, сына знаменитого гетмана Богдана, сохранила традиционное название «Войско Запорожское», идущее от Запорожской Сечи. Основную массу войска составляли рядовые казаки и повстанцы (большая часть вооруженные крестьяне), и тех, и других именовали «чернью» Войска За-

порожского. Гетман был командующим Войска Запорожского. Важнейшие решения обычно принимались на раде старшин. К генеральной старшине относились: войсковой (генеральный) обозный – начальник артиллерии, генеральный судья, генеральный подскарбий, генеральный писарь – исполнял функции начальника штаба, генеральные есаулы (адъютанты, обычно 2 человека), генеральный хорунжий и генеральный бунчужный (охранявшие гетманские хоругвь и бунчук).

Все Войско Запорожское было поделено на полки, во главе которых стояла полковая старшина: полковник, полковой обозный, полковой судья, полковой писарь, полковой хорунжий, полковые есаулы, сотники и атаманы. Заслуженные казаки именовались «товариществом». Полки численностью от 1000 до 4000 казаков включали в себя пешие и конные части, а также артиллерию. Каждый полк делился на сотни, во главе которых стояли сотники. Сотни, в свою очередь, делились на курени, бывшие под началом атаманов.

Основным родом войск в Гетманщине была пехота, вооруженная огнестрельным оружием (рушницей-аркебузой или мушкетом) и саблями. В первые годы Освободительной войны 1648–1654 гг. казацкое войско имело мало конницы, конные отряды при пеших полках обычно использовались только для разведки. С течением времени конский состав казацкой армии увеличился, однако многие казаки по-прежнему воевали пешими, а коней исполь-

Таблица 1

Казацкие полки левобережья Днепра осенью 1661 г. (на стороне Москвы)

Полки	Полковники
Переяславский	Сомко Яков, наказной – Щуровский Афанасий
Прилуцкий	Терещенко Федор
Лубенский	Пирский Андрей
Миргородский	Животовский Павел
Зеньковский (Гадячский)	Шиманский Василий
Полтавский	Гуджел Демьян
Нежинский	Золотаренко Василий
Черниговский	Силич Аникий
Кременчугский	Дубовик Гаврило
Ирклиевский	Папкевич Матвей
Киевский	Дворецкий Василий

зовали только для передвижения в походах. Нехватку боееспособной конницы компенсировали союзные гетману крымские татары.

Гражданская война, начавшаяся на Украине после смерти Богдана Хмельницкого, серьезно ослабила боевую мощь Войска Запорожского. Измена гетмана Выговского (1658–1659) и борьба с Москвой окончательно подорвали силу казацкой армии. Начавшаяся «Руина», обнищание и разорение населения Украины, вследствие длительной войны и татарских набегов, не могли положительно отразиться на казацком ополчении, которое не являлось постоянной армией и, соответственно, не обладало ее характеристиками. Как справедливо отметил польский историк П. Кроль, «Казацкая армия эпохи Богдана Хмельницкого и Ивана Выговского была войском по своему характеру представляющим посполитое рушение (т. е. ополчение. – И.Б.)... Каждый казак, в соответствии со своими возможностями, должен был обеспечить себя соответственно оружием, одеждой и припасами на время кампании. Войско собиралось только на период ее проведения и распускалось после окончания военных действий. Делалось это для того, чтобы казаки могли содержать свое хозяйство в надлежащем состоянии – основной источник своего кормления. От материального состояния их хозяйства зависела боееспособность запорожского войска. Обедневшие были не в состоянии вооружить себя сами и встать в строй. Преобразовать казацкое войско в исправный, профессиональный инструмент в руках гетмана было затруднительно»⁴¹. Долгая война привела к разорению казацких хозяйств, что, соответственно, вело к ослаблению боееспособности и дисциплины Войска Запорожского. К недостаткам казацкого войска, обычно свойственным феодальным ополчениям, также следует отнести территориальную привязанность полков и местничество полковых командиров.

Справедливости ради стоит отметить, что по социальному составу, вооружению и боевым задачам казацкое войско, конечно же, отличалось от шляхетского посполитого рушения. На протяжении столетий казаки вели борьбу со своим основным противником – крымскими татарами, и они не были предназначены для войны с европейскими регулярными армиями.

*Рейтар полков Нового строя.
1660-е годы XVII в. Рис. автора*

*Драгун полков Нового строя.
1660-е годы XVII в. Рис. автора*

**Войско гетмана Юрия Хмельницкого осенью 1661 – весной 1662 г.
(Правобережные полки на службе Речи Посполитой)**

Высшее командование: гетман Войска Запорожского – Хмельницкий Юрий, генеральный обозный – Носач Тимофей, генеральный писарь – Тетеря Павел, генеральный судья – Лесницкий Григорий.

Полки	Полковники	
	осень 1661 г.	весна 1662 г.
Белоцерковский	Кравченко Иван	Кравченко Иван
Каневский	Лизогуб Иван	Трушенко Степан
Корсунский	Улезько Яков	Оникеенко Степан
Кальницкий	Лобойко Василий	Лобойко Василий
Паволоцкий	Попович Иван	Попович Иван
Уманский	Ханенко Михайло	Ханенко Михайло
Черкасский	Одинец Андрей	Гамалия Михайло
Чигиринский	Богун Иван	Дорошенко Петр
Брацлавский	Зеленский Михайло	Зеленский Михаил
Подольский	Гоголь Остап	Гоголь Остап
Овручский	Васильковский Петр	Васильковский Петр

Польский современник Я. Зеленецкий (Зеленевиц), лично наблюдавший боевые порядки казаков летом 1660 г. под Любаром, описывая строй гетманского войска, заметил, что этот строй был похож на стадо: «более скоту подобны нежели людям» («bardziej bydłu podobni niżeli ludziom»)⁴². Понятно, что ни о каких линейных боевых порядках здесь говорить не приходится.

На примере изучения историками основных сражений польско-казацких войн 1648–1654 гг. не трудно убедиться в том, что казацкая пехота в полевом сражении обычно была прикрыта обозом и вела огонь из-за возов. Ведение боя в линейных порядках казаками не практиковалось. Лишь когда атаки польской конницы и пехоты были отражены, ряды врага расстроены, пешие казаки выходили из своего полевого укрытия и атаковали холодным оружием, не соблюдая строй. Основой же боевого порядка казаков всегда являлся обоз, прикрывавший пехоту и артиллерию. «Казаки наиболее показывают храбрость и проворство в таборе, огороженные телегами, или при обороне крепостей»⁴³, – писал Г.Л. де Боплан. Любое ополчение, в т. ч. казацкое, в принципе не способно на организованные передвижения

и ведение боя в линейных порядках. О каких-либо сложных маневрах, поворотах казацкой пехоты на поле боя не может быть и речи.

Далеко не все казаки были вооружены рушницами (самопалами), мушкетами, карабинами, пищалями или пистолетами. Многие имели только сабли и пики (списы). Наиболее массовая – беднейшая часть Войска Запорожского – вооружалась обухами, топорами, косами, «киями» (дубинами), мослами и другими видами примитивного оружия. Защитного вооружения казаки не носили. Современники событий (П. Гордон, Я. Красинский) свидетельствуют о том, что значительная часть казацкой конницы вообще не имела огнестрельного вооружения, – всадники использовали лук со стрелами.

К концу 1661 г., когда Левобережье Днепра для Юрия Хмельницкого было окончательно потеряно, в его войско входило не менее 11 казацких полков Правого берега Днепра численностью примерно от 500 до 4000 казаков в каждом. Оценивать численность войска по количеству участвующих в походе полков фактически невозможно, поскольку «полк»/«сотня» приходили на место сбора в том количестве, в котором их собрал своим предписанием пол-

...заник/сотник, а численность реестровиков в казацких полках даже по Зборовскому реестру колебалась в пределах 1–4 тыс. чел. Документы гетманской канцелярии со сведениями о осмотрах войска не сохранились.

Командный состав гетманского войска осенью 1661 – весной 1662 г. на уровне полковых командиров был представлен следующими, известными нам, лицами⁴⁴ (Табл.2):

Общее число казаков, которых гетман теоретически мог выставить на поле боя, вряд ли превышало 20 тыс. чел., большей частью пехоты. При этом далеко не все казаки имели необходимую военную подготовку, вооружение и снаряжение. Иллюзия непобедимого, однородно одетого и вышколенного Войска Запорожского сохраняется и в наше время в ряде работ украинских историков-романтиков. Они неоправданно превозносят его организацию, вооруженность, дисциплину и боевые качества. Вместе с тем ни для кого не является секретом, что казацкое войско являлось ополчением, большей частью состоящим из вчерашних «показаченных» крестьян. Кроме того, существенным обстоятельством является то, что во времена Выговского и Юрия Хмельницкого роль и значение казацких полков в боевых действиях резко сокращается. Отчасти это связано с появлением в гетманском войске наемных (пехотных и драгунских) частей, в т. ч. так называемых «охотничьих» полков.

Что касается артиллерии Войска Запорожского, то гетманом Б. Хмельницким была создана как полковая, так и артиллерия резерва, то есть главного командования – гетмана (тяжелая полевая артиллерия). Полковой артиллерией командовал полковой обозный, который подчинялся генеральному обозному – начальнику всей артиллерии. Полковой обозный имел целый штат из есаулов, хорунжего, писаря, пушкарей и др. Число пушек в каждом полку не было постоянным.

Польский коронный контингент на Украине

Для борьбы за Левобережье Днепра Юрий Хмельницкий неоднократно просил помощи у короля Яна Казимира. Осенью 1661 г. король направил гетману конный от-

*Московский рейтар середины XVII в.
Реконструкция. Фото М. Хоревой*

ряд под началом двух полковников, Николая Хлопицкого и Романа Антония Ельского, состоящий из 19 хоругвей. Коронный контингент участвовал в боях против русских войск совместно с казаками Хмельницкого и крымскими татарами вплоть до своего разгрома в Каневской битве.

Благодаря польскому историку П. Кролю нам стало известно о составе полков Хлопицкого и Ельского из архивных документов АГАД⁴⁵. Численность хоругвей по компуту (переписи)⁴⁶ приведена на 4-й квартал 1661-го и 3-й квартал 1662 г. по статье Я. Виммера, в которой дана детальная поквартальная роспись всех хоругвей и полков на 1660–1667 гг.⁴⁷ (Табл. 3).

Кратко остановимся на характеристике указанных хоругвей и их типовых отличиях.

Казацкие хоругви – род средней кавалерии, занимавшей промежуточное положение между ударными гусарскими и легкими татарскими и валашскими хоругвями. К украинскому казачеству они не имели никакого отношения и использовали «кавказский» (черкесский)

тип защитного вооружения. С конца 60-х гг., для отличия от украинских казаков, эти формирования получили название – панцирные. В среднем хоругвь насчитывала 80–150 всадников. Вооружение панцирных состояло из сабли, пистолетов в ольстрах, ручницы, рогатины, а также лука с саадаком (налуч) и колчана со стрелами. Оборонительный комплекс включал в себя панцирь (кольчуга из мелких

колец – отсюда и название), мисюрку, карваши (наручи) и круглый щит «калкан».

Татарские хоругви – род легкой конницы, появившейся в польском войске после 1648 г. Набирались в основном из литовских и крымских татар. В среднем хоругвь насчитывала 100–120 всадников. Вооружались саблями и луками, защитного вооружения не имели.

Таблица 3

Польский конный отряд Н. Хлопицкого и Р. Ельского на Украине осенью 1661-го – летом 1662 г.

Соединения	Численность	
	4-й кв. 1661	3-й кв. 1662
Полк Николая Хлопицкого (Mikołaja Chłopickiego)		
Казацкие хоругви:		
Самуэля Гурского (Samuela Górskiego)	92	94
Станислава Служевского (Stanisława Służewskiego)	99	105
Татарские хоругви:		
Мустафы Сыдзюда (Mustafy Sydziuda)	114	117
Бехтиара Алембека Моравского-младшего (Bechtiara Alembeka Morawskiego młodszego)	97	109
Адама Мустафы Тальковского-старшего (Adama Mustafy Talkowskiego starszego)	110	108
Михала Куминовича (Michała Kuminowicza)	107	111
Хадета Халецкого (Hadeta Haleckiego)	120	119
Валашские хоругви:		
Самуэля Пражмовского (Samuela Prażmowskiego)	94	105
Сербина Михалевича (Serbina Michalewicz)	108	112
Полк Романа Антония Ельского (Romana Antoniego Jelskiego)		
Казацкие хоругви:		
Самуэля Чаплицкого (Samuela Czapllickiego)	111	118
Романа Антония Ельского (Romana Antoniego Jelskiego)	75	84
Лукаша Россудовского (Łukasza Rossudowskiego)	113	113
Станислава Детинецкого (Stanisława Detynieckiego)	83	92
Ежи Руцица (Jerzego Ruszczyca)	59	76
Татарские хоругви:		
Александра Кричиньского (Aleksandra Kryczyńskiego)	100	100
Александра Сулеймановича (Aleksandra Sulejmanowicza)	119	118
Габриэля Темрюка Черкаса (Gabriela Temruka Czerkasa)	118	118
Юзефа Баранцевича (Józefa Baranczewicza)	91	100
Валашские хоругви:		
Юрицы Радановича (Jurycy Radanowicza)	64	73
Всего	1874	1972

Московский рейтар середины XVII в.
Реконструкция. Фото М. Хоревой

Валашские хоругви – род легкой конницы, набравшейся из валахов и молдаван. От татарских хорувей отличались не вооружением и тактикой, а своим национальным составом. Вооружение состояло из сабли и лука, а также длинноствольного ружья (бандолет, рушница). Защитного вооружения валашские хоругви не использовали. К концу XVII в. поляки уже не делали различия между валашскими и татарскими хоругвями, называя их просто «легкими».

Кроме того, из документов известно, что весной 1662 г. король Ян Казимир направил на помощь Хмельницкому подкрепление. Летом того же года участники событий (О. Коковинский, Д. Шульц) сообщают уже о 24 польских конных хоругвях в полках у Хлопицкого и Ельского. В пользу достоверности приведенных

данных говорит факт упоминания в боях хоругви Ставицкого, которой не было у поляков на Украине осенью 1661 г. Так, в отписке Якима Сомко от 12 июня 1662 г. о захваченных под Переяславом пленных сообщается, что его казаки взяли: «живцем трех человек ляхов, одного Лукаша Росковского из под хорунги пана Чаплинского товарища, а другого из под хорунги пана Силимановича, третьего Никифора Волошина из-под хорунги Ставецкого...»⁴⁸. Кроме ранее бывших у Хлопицкого и Ельского хоругвей С. Чаплицкого и А. Сулеймановича, третьей названа не упоминавшаяся ранее хоругвь Анджея Ставицкого (Andrzeja Stawieckiego). Следовательно, она и еще 4 конные хоругви, имена ротмистров которых установить не удалось, пришли к Юрию Хмельницкому под Переяслав в июне-июле 1662 г.

Согласно данным польского историка Я. Виммера, во втором квартале 1662 г. валашская хоругвь А. Ставицкого по компуту насчитывала 220 коней. Таким образом, нам известно

о 20 хоругвях на Украине, в которых числилось 2199 коней. К названным двадцати следует добавить еще 4 неустановленные конные хоругви. Подтверждение об их прибытии к гетману находим в расспросной речи полковника С. Веверского. Веверский, позднее попавший в плен к русским, показал, что кроме драгун под его началом летом 1662 г. с ним пришло к Хмельницкому «4 хорунги казацких, а под теми хорунгами поляков с 500 человек»⁴⁹. Итого, общая численность всех 24 коронных конных хоругвей накануне битвы под Каневым по компуту насчитывала 2699 коней. Конечно, здесь следует учесть, что из-за различных боевых и небоевых потерь в строю фактически было несколько меньше бойцов, чем указано в компуте.

*Представитель казацкой старшины.
Рисунок с карты Г.Л. де Боплана. 1650 г.*

*Украинский казак. Рисунок с карты
Г.Л. де Боплана. 1650 г.*

Как отмечено выше, кроме конных хоругвей король прислал драгун-полковника Станислава Веверского. Подполковник Данило Шульц и «начальной человек» Александр Энк позднее рассказали русским, что они «пруссские земли немцы, были де они в полку у корунного гетмана Станислава Потоцкого и в прошлом де во 170 году по присылке Юраска Хмельницкого корунной гетман Станислав Потоцкий прислал к нему Юраске на помощь драгунского полковника Станислава Веверского, а с ним их Данила да Александра, да драгунов тысячу человек, да полковника Хлопицкого, а с ним шляхты и волохов, и татар полских дватцать четыре хорунги, а под теми хорунгами людей 2000...»⁵⁰. Самовидец сообщает, что у гетмана было 1000 чел. немецкой пехоты⁵¹. Ерлич, по-

всего, имеет ввиду общую численность польского контингента из конных хоругвей «драгун: «Хмельницкий младший Юрко, будущий гетманом казацким, собрался со своей ватрогой или дружиной, имея кварцяного войска 3000 человек...»⁵².

Украинский историк А.Г. Сокрыко, ссылаясь на архивные материалы (рукописи) Национальной библиотеки Украины, пишет, что «в июле 1662 г. к Ю. Хмельницкому в поисках службы «от голоду и от всякой нужи из розных полков и земель» прибыло 900 мушкетеров «драгун из коронного войска, которое стояло под Львовом»⁵³.

Козаки А. Антонов и И. Левонтьев, представившие в Москву от Якима Сомко, сообщили, что к Хмельницкому пришло «18 знамен драгунского полского войска немец»⁵⁴.

Наиболее точным в оценке численности драгун, присланных королем, несомненно, является их командир. Согласно сведениям из допроса пленных 7 сентября 1662 г., «немцы драгунского строя полковник прусские земли Станислав Вивирский, поруччик Лифлянтские земли Юрья Шварц сказали, в прошлом июле 170 году, тому ныне девять недель, писал Юраско Хмельницкой на Волянь к гетману Потоцкому, что в черкасских заднепрских городах чернь хотела учинить бунт для обирания инога гетмана, и чтоб гетман Потоцкой для того прислал к нему на помощь людей, и гетман Потоцкой по тому Юраскову письму послал к тому Юраску ево полковника Станислава, а с ним два полка драгунов, а людей в тех полках 1200 человек да 4 хорунги казацких, а под теми хорунгами поляков с 500 человек»⁵⁵. Веверский соединился с Хмельницким «от Переяслава за миллю», и как он к гетману пришел, «Юраско де с того места пришел под Переяславль и стоял де под Переяславлем две недели». Кроме того, по словам пленных, у Хмельницкого была рота литовской пехоты от князя Радзивилла – «Родивилова присылки желдаков 120 человек...»⁵⁶.

Драгуны, как было указано выше, в то время представляли собой конную пехоту, т. е. кони служили драгунам только для передвижения, а на поле боя они спешивались и сражались как пехота. Хоругви, или «компании», насчитывали по 100–200 чел. Две-три компании

Запорожский казак. Рисунок «герба» (печати) Войска Запорожского из соч. К. Саковича. 1622 г.

составляли «шквадрон». Драгунские полки были меньше пехотных и обычно состояли из 400–600 чел. Драгуны не использовали защитного вооружения и их главным оружием был мушкет. Дополнительно они могли быть вооружены саблями и пиками. В боях обычно использовались для огневой поддержки польской конницы, нередко заменяя собой малочисленную пехоту. Судя по приведенным источникам, драгуны Веверского были немецкими наемниками из разных полков коронной армии.

Крымское ханство

Крымское ханство находилось под протекторатом Османской Порты, установленным в 1475–1484 гг., т. е. фактически являлось ее составной частью и могло рассчитывать на силы и средства султанского двора в случае необходимости защиты своей территории либо ведения длительной войны. При попытках оценить военно-экономический и людской потенциал Крыма этого нельзя забывать. Война с Крымским ханством для России или Речи Посполитой в любой момент могла обернуться войной непосредственно с Турцией, которая в то время была на вершине своего могущества.

Крымско-татарское войско хана Мухамед-Гирея IV состояло из собственно ханского войска и ополчения беев, бывших во главе татарских родов и ногайских орд. В случае личного участия хана в походе в состав крымского войска обязательно входили: ханская «гвардия» – капыкулу (в середине XVII в., согласно Эвлии Челеби, около 3000 чел.), сеймены (секбаны) – аналог драгун, вооруженные огнестрельным оружием (около 400 чел.), а также уланы – дети крымской знати, феодалы высшего ранга (не более 500 чел.).

Наиболее знатными беями Крымского ханства были представители древних феодальных кланов Ширин, Барын, Аргын и Седжеут. Из ногайских родов наиболее сильным и знатным был род Мансур (Мангыт). Главы этих пяти кланов родовой аристократии являлись карач-беями, правителями княжеских «домов». В походе ханское войско также дополнялось племенными подразделениями ногайцев Урмамбета, Урака и Шейдяка. Наиболее мощной и многочисленной из ногайских орд была Буджакская (Белгородская) орда.

Для большинства взрослого мужского населения Крымского ханства ежегодные грабительские набеги на земли России или Речи Посполитой были основой существования. Главную роль здесь играла возможность захвата многочисленных пленных, которые могли быть проданы в рабство.

Благодаря своей мобильности и умению преодолевать значительные расстояния крымские татары были очень серьезным про-

тивником. Они часто достигали своей цели без прямого боевого столкновения с врагом. В основе их тактики была стрельба из лука, но при значительном превосходстве сил они могли атаковать и холодным оружием (саблями). Иностранцы авторы XVII в. (Я. Маржерет, Г.Л. де Боплан, Р. Монтекуколи) называют саблю типичным оружием крымских татар наряду с саадаком. Наиболее бедные крымцы вооружались мослами (кость на рукояти), кистенями, дубинками. Защитное вооружение (мисюрки, кольчуги, карваши) имели только знатные воины, рядовые ордынцы были исключительно легкой конницей. Появившиеся у татар в XVII столетии ручное огнестрельное оружие и пушки, из-за своего малого числа в ханском арсенале, не могли изменить традиционную тактику кочевников. В больших походах могли участвовать также отряды турецких янычар из Кафы и Азова, а также черкесы-горцы Северо-Западного Кавказа.

Если говорить о численности войска Крымского ханства в середине XVII в., то следует отметить следующее. На наш взгляд, в случае личного участия хана в походе оно не превышало 30 тыс. чел. В тех случаях, когда во главе крымских татар выступали султаны (царевичи), оно насчитывало максимум 15–20 тыс. бойцов. Рассуждения некоторых историков о набегах 100-тыс. крымско-татарских орд следует признать несерьезными. Подробнее о попытках подсчета численности крымско-татарской орды и соответствующих выводах будет сказано в разделе о боях в августе 1662 г.

ПОХОДЫ Ю. ХМЕЛЬНИЦКОГО НА ПЕРЕЯСЛАВ И ДРУГИЕ ВОЕННЫЕ СОБЫТИЯ НА УКРАИНЕ В ОКТЯБРЕ 1661 – ИЮНЕ 1662 ГГ.

Предвидя новое нападение Хмельницкого на Переяслав, Сомко деятельно укреплял оборону города. В последний день августа 1661 г. на помощь к нему в Переяслав прибыл полк воеводы Ивана Чадаева. Как писал в Москву Чадаев, «вошли мы в Переяславль сентября во 2 числе и стали со всеми ратными людьми в большом городе... а в полку ратные люди многие беззапасны и безконны»⁵⁷. О численности указанного полка известно из росписи в Нежине от 15 августа, куда полк пришел на пути в Переяслав. Чадаев также сообщал о 108 сбежавших по дороге конных и пеших. В Переяславе он занял место второго воеводы. (Табл. 4).

Как и ожидалось, в начале октября 1661 г. Хмельницкий снова предпринял попытку овладеть Переяславом. На этот раз осада продолжалась два месяца. Переяславский воевода

кн. В.Б. Волконский позднее сообщал в Москву, что 1 октября крымский хан «с салтаны и со всею ордою», а также «изменник Юраско Хмельницкий», с которым были обозный Тимофей Носач, Григорий Лесницкий, Григорий Гуляницкий и другие полковники, вместе «с ляхи и с изменники с черкасы с той стороны Днепра, со многими людьми пришли к Переяславлю и стали табором укрепясь»⁵⁹. Второй воевода И.И. Чадаев пояснял, что 1 октября «перешли Днепр Селемет-Гирей салтан и мурзы с болшими людьми и стали от Переясловля в ближних местех и дороги у нас отняли, а хан крымской со всеми людьми перешел Днепр октября в 5 число и языки в роспросе говорили, что будет к хану Юрась Хмельницкой вскоре со всеми заднепрскими полки»⁶⁰. Блокируя город, они осадили Переяслав «накрепко». Казаки и поляки «ров покопали и на Поповке под

Таблица 4

Полк воеводы И.И. Чадаева на 15 августа 1661 г.⁵⁸ (со 2 сентября в Переяславе)

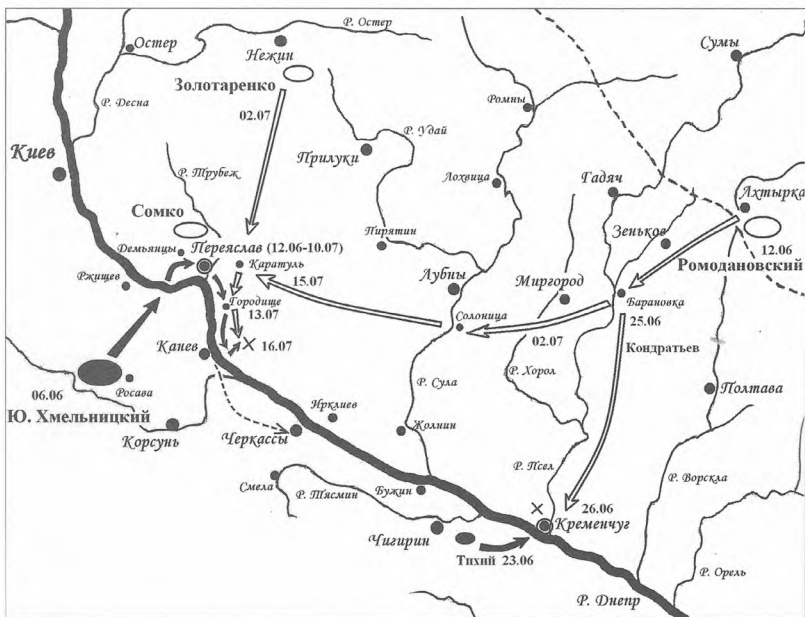
Служилые люди	Кол-во чел.
Рейтарский полк А. Траурнихта	561
Рейтарский полк Д. Фандернизина	684
Рейтарский полк К. Фанбуковена	139
Мурзы и татары	340
Драгуны разных полков	586
Солдаты	564
Донские казаки	195
Черкасы новоприборные	96
Объявилось на смотре	73
Драгуны беглые, присланные в полк из Севска	281
Всего	3519

Вооружение казацкого (панцирного) воина польских хоругвей. Музей войска Польского. Варшава

Переяславем от реки Трубеж против Верхнева города всеми силами с конными и с пешими людьми и с нарядом». Крымские царевичи с татарами «стали под Переяславем же в ближних местех в пяти верстах в селе Демьяничах (Демьянцы. – И.Б.)». Крымский хан с ордою разбил стан в селе Козлове от Переяслава в пятнадцать верстах и «учал воевать» города и села, распустив орду. Иван Чаадаев сообщал, что «в октябре, государь, в 10 день Юрась Хмельницкой и обозной Тимофей Носач и пушце воры Гришка Гуляницкой и Гришка Лесницкой с товарищи и со всеми заднепрскими полками и с поляки пришли под Переяславль

Кампания на Украине с 6 июня по 16 июля 1662 г.

и стали таборами и поделали шанцы и из наряду в город стреляли безпрестанно...»⁶¹. Казаки и поляки Юрия Хмельницкого «над Верхним городом вместе промыслы чинили, и из реки Трубежа и из Илтицы воду спустили, а шанцы и роскаты на Поповке против Верхнева города поделали, и с роскатов, и с шанец пушечная стрельба была в день и в ночь по городу безпрестанная октября с 22 числа декабря по 3 число»⁶². Волконский писал, что «от черкасов, и от пехов, и от татар приходы были к Переяславу частые» русским ратным людям «в верхнем городе от пушечные безпрестанные стрельбы... теснота была великая». Все дороги к Переяславу были перекрыты ордынцами. В это «осадное время» с воеводами были «стрелецкие головы московской голова Василей Теглев да городовые Селиван Белой, Микифор Батюшков, Степан Малышкин с стрелецкими приказы и от приходу воинских людей и от пушечной стрельбы утеснение было большое». По караулам и по городу пушки неприятеля «били безпрестанно», казаки Хмельницкого «всякие крепости поделали и ров около верхнева города покопали как воду ис под города спустить». Осажденные «всякую нужу терпели», ходили на вылазки из города, и «были бои многие»⁶³. По словам воеводы, наказной гетман Яким Сомко служил государю «с черкасы и со всеми переясловскими жители верно, в большом городе в осадное время пешего строю с салдацкими полками сидел заодно и городовые стены держал». Казаки Сомко «всякие крепости» по городу делали. Когда стало не хватать хлеба и дров, то Сомко их достал, послав пешего строю полковника Кирила Здражевского с казаками в Барышполь. Чаадаев сообщал, что «хан крымской со всеми людьми стоял з другие стороны от города в ближних местех и осадили государь накрепко, и под город татаровя и поляки и казаки приходили безпрестанно не большими людьми человек по пятисот и по тысяче, а больших людей засаживали в засадки чинили в рощах и в долах за буграми», пытались выманить осажденных в поле»⁶⁴.

Князь Ромодановский, находившийся в Белгороде, получил весте от воеводы Григория Косагова из Кременчуга о том, что 9 октября в город приехал «кременчукской бывший полковник Кирило Андреев» и в распросе ска-

зал, что «орда пришла с ляхами под Переяславль и Переяславль добывает», сам хан стоит «в урочище Трех братьов, а иная орда многая пошла под Нежин». Ордынцы под Прилуками «конские и животинные стада отогнали... Переяславль и Пещаной осажены, а около Золотоноши многих людей порубили». Татар также видели под Ромнами»⁶⁵.

Не добившись успеха и сняв осаду, «декабря в 4 день крымской хан с ордою пошел к Нежину и Путивлю, а Юраско Хмельницкой с ляхами и изменниками черкасами к Чернигову» и на иные «черкасские города войною». По словам Чаадаева, от голода лошади померли, около города все разорено. В то же самое

Вооружение казацкого (панцирного) воина польских хоругвей. Музей войска Польского. Варшава

Ротмистр татарской хоругви польской службы. Рисунок 1660 г.

время, как «приходили под местечко Пещаное ляхи и татаровя и изменники черкасы... пещанский полковник Костя взял Каневского полковника Ивашка Лизогуба да субботовского сотника Мишку Капусту и привез их в Переяславль к наказному гетману Якиму Сомку»⁶⁶. Попавший в плен Лизогуб перешел на сторону Сомко и встал под его знамена.

Согласно отписке Чаадаева от 7 января 1662 г., русских ратных людей «на боях убито толко три человека, рейтарского строю подполковник Семен Неелов (Офонасьева полку Траурнихта. – И.Б.) да два человека рейтар, да ранены 22 человека»⁶⁷.

Что касается численности армии Юрия Хмельницкого под Переяславом, то, со слов Чаадаева, гетман пришел «со всеми заднепрскими полками и с поляки», причем «поляков, государь, с ними было з двумя полковниками с Хлопциким и с Елским девятнатцать хоругвей»⁶⁸. Проверка данного сообщения в польских источниках показала, что эти

сведения полностью соответствуют действительности.

Во время осады Переяслава нападению противника также подвергся Нежин, в котором находился русский гарнизон под началом воеводы князя Семена Шаховского. Как позднее писал в Москву Шаховской, «октября в 3 день пришли под Нежин воинские люди крымских два салтана Салым Герей да Саламат Керей, а с ними татар тысяч с пять и болши и под городом, государь, Нежиным татарове многих черкас, и жон их и детей побили и в полон поимали». Взятые языки ошибочно сказали воеводе, что «крымской хан с тотары и изменник Юраска Хмельницкой, Грицко Гуляницкой с черкасы со многими людьми большим собраньем с пушки» перешли Днепр, оставив Переяслав, и идут «войною под Нежин». На самом деле основные силы врага остались под Переяславом. Шаховской сообщал царю, что «людей в Нежине малоллюдно, толко, государь, три приказа стрельцов пехоты и в тех приказах людей непомного, а многие померли, а иные разбежались». Кроме того нет свинца и фитиля⁶⁹.

В другой отписке Семена Шаховского из Нежина (октябрь 1661 г.) сказано, что «в Нежине малоллюдно, три приказа стрельцов пехоты... пушкарей нет... только, государь, четыре лица полковых»⁷⁰. Еще в одном сообщении Семена Шаховского говорится о вылазке гарнизона города и происшедшем бое. Он пишет, что 27 октября у «великого государя ратных людей и у нежинских казаков под Нежиным был с тотары бой», в ходе которого «взяли в полон сотенных голов Новгородка Северского Никиту да Михайлу Стремоуховых». Впрочем, нежинские казаки тоже захватили пленных. В вылазке из города участвовали стрельцы с сотниками из приказа Бориса Глебова и Михаила Полянского, рыльские и нежинские казаки. Осажденные выходили из города за пять верст – «для языков», и был «с тотары бой». От пленных татар были получены достоверные сведения о том, что Хмельницкий «с черкасы и ляхи стоит на сем берегу Днепра под Переяславем». Шаховской писал, что у него в Нежине «на службе стародубцы, черниговцы, новгородка-северского дворяне», а также стрелецкие головы Борис да Павел Глебовы и Михаил Полянский⁷¹.

Нежинский полковник Василий Золотаренко извещал князя Григория Ромодановского, бывшего в Белгороде, о нападении крымских татар. Ромодановский послал отписку в Москву, что 20 октября он направил в Сумы «рейтар Федорова полку Ворзмера, да копейного полку, да Михайлова полку Гопта по роте, да Харьковского полковника Остафья Ворыпая с харьковскими черкасы» для поимки «языков» и получения достоверных сведений о подлинных силах врага⁷².

Чернигов, в котором находился русский гарнизон, тоже подвергся нападению крымских татар. Воевода Василий Загряжский писал из Чернигова, что 4 октября пришли к Чернигову и в Черниговский уезд «крымские многие люди и около Чернигова воют, селы и деревни жгут... а промыслу над ними чинить не с кем». По отписке Загряжского, «ратных людей в Чернигове голова Алексей Подтопкин, а у него государь в приказе всево двесте человек стрельцов... а иных государь ратных людей в Чернигове нет»⁷³.

22 ноября 1661 г. из Москвы Ромодановскому пришел царский указ выдвинуться на Украину, «идти в Сумин (Сумы. – И.Б.) и быть в Сумине... оставя в Белом городе товарища своего и осадных людей по рассмотренью», а в Сумах «стать в городе или на посадах, где лучше и пристойнее укрепясь обозом»⁷⁴.

В январе 1662 г. крымско-татарская орда атаковала окрестности Севска, но, потерпев ряд поражений от русских войск, отступила на юг. Вскоре хан и Хмельницкий ушли за Днепр, оставив в Ирклее гарнизон под начальством полковника Тимофея Цецюры. Князь Ромодановский подступил к городу, вместе с Сомком разбил Цецюру и взял его в плен. Как сообщает об этом Лизогубовский летописец, «князь Ромодановский съ Сомкомъ въ Ирклеее Юрасове войско, ляховъ и татаръ збили и городъ спалили»⁷⁵.

В феврале 1662 г. под началом воеводы Григория Косагова, находившегося в Кременчуге, находились драгунский полк А. Эля, Ахтырский полк (Степан Недобышин – наказной полковник), Сумской полк (Герасим Кондратьев), Кременчугский полк (Гаврила Дубовик) и донские казаки. Косагов извещал Ромодановского, что 26 февраля посылал он из Кременчуга

«Сумского полковника Герасима Кондратьева, а с ним донских казаков да сумских и ахтырских и кременчужских черкас для языков под Чигирин Дуброву» (Чигирин Дуброва – соотенное местечко Кременчугского полка в устье р. Сулы. – прим.), поскольку стало известно, что «в Чигирине Дуброве стояла залога (гарнизон. – И.Б.) Чигиринского полковника Ивашка Богуна черкасы». В ту же ночь Кондратьев пришел под Чигирин Дуброву и «учинил приступ... Чигирин Дуброву взяли и залого Ивашки Богуна всю побили». При штурме был убит только «один человек донской казак». После этого Кондратьев двинулся назад к Кременчугу. Узнав о разгроме Чигирин-Дубровы, Богуна

Валахский воин на польской службе.
Рисунок А. де Брейна. 1581 г.

Militis ex Wallachia Vestitus.

Рейтарский шишак. Зап.Европа 1620–40-е гг. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (г. Санкт-Петербург)

выступил против Кондратьева. Когда последний прошел Максимовку, «угнал ево Ивашко Богун с полком своим и татаровя осадили на степи и они де в осаде билися с ними» с раннего утра до самой ночи. Узнав о бое, Косагов и Дубовик «взяв с собою Ахтырского полку черкас и донских казаков, да Адамова полку Еля капитана Христиана Эндлина да поручика Дмитрея Резанова, а с ними роту драгунов, ходили ево Герасима выручать от Кременчюка две мили, и пришед де полковника Герасима со всеми людьми выручили».

По словам Косагова, был у них «бой большой з Богуном и с мурзами з Девлет Кильдеем и с ыними татарами и с черкасы с полдни до вечера... и многих на том бою татар и черкас побили и переранили, и в языцех, государь, взяли двух человек татар да четырех человек черкас», а в ходе боя у них самих был убит «адин человек черкашенин». Ратные люди до Кременчуга «дошли в целости того ж числа». По словам пленных, татар и изменников-черкас, было «з Богуном и черкасов с Павлом Апостолом, з Девлет Кильдеем мурзюю ты-

сяч с пять и болши». У Косагова же, согласно его отписке, «ратных людей донских казаков и драгунов и черкас тысячи с полторою с теми, что с Герасимом были, а раненых, государь, под Чигрин Дубровую пять человек». Взятые татары и черкасы сказали, что Юрий Хмельницкий велел казакам идти «на сю сторону Днепра всем, а гетманской де полк стоит перешед на сю сторону Днепра под Ирклеевым, а ляхом де велено ити на сю сторону Днепра, а велено де им ити под Кременчюк»⁷⁶.

2 марта 1662 г. князь Ромодановский с основными силами выступил в поход «из Обоянского в черкаские города». 9 марта его войско пришло в Голтву. Там были получены вести о том, что «изменники наказной гетман Ивашка Богун да полковники Федка Бережецкой и иные» заднепрские черкасы и татары «стоят по сю сторону Днепра в городех в Жолнине, в Веремеевке, и в Ирклеее, и в Кропивне», а также по селам. Согласно этим сведениям, крымских татар с Богуном было 5 тыс. чел. Ромодановский оставил «в Голтве большой обоз», велел быть у него полковнику Я. Лесли, а сам из Голтвы пошел «на тех изменников и на татар, взяв с собою конных и пеших людей с малым обозом». В то же время он послал гонца в Кременчут, приказав отряду Г. Косагова соединиться с ним. 12 марта русское войско пришло к реке Суле и стало готовиться к переправе через нее.

После начала переправы через реку появились противник. Казаки Богуна и крымцы пришли «под город Жолнин» и напали на русских. В ходе боя ратные люди «татар и изменников черкас побили и гоняли и побивали на десяти верстах». Наказной гетман Иван Богун «з достальными черкасы и с татарами и с обозом и с пушки, покиня город Веремеевку, побежал к Днепру и у Днепра окопався». Там он стал обозом, превратив его в укрепленный лагерь. Соединившись с отрядом Косагова, Ромодановский от переправы пошел против неприятеля к Днепру. Обложив Богуна, русское войско и казаки «учинили к окопу приступ». Как позднее писал царю Ромодановский, этот «окоп твои, великого государя, ратные люди взяли, многих татар и черкас побили, а иные потонули в Днепре, и пушки и знамяна и пернач поимали»⁷⁷.

В тот же день русским удалось напасть на крымцев, которые «шли из войны ис под Пере-

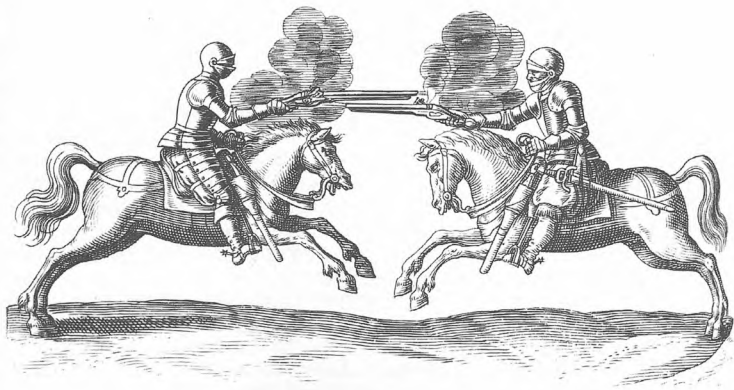
шловля» и иных городов. В ходе боя ратные люди тех «татар многих побили, а иных пригнав к реке Днепру, потопили и полон многой отбили». В ходе этих столкновений было «взято в языцех татар 73 человека, да черкас 60 человек». Черкас Ромодановский велел порубить, оставив лишь «для подлинного уверенья Богунуна племянника Кузку, да Медведковского сотника». Среди трофеев взятого обоза Богунуна оказалось «три пушки медных да пернач; а на боею... и в окопе татарских бунчуков и прапоров и черкасских знамен взято 17». Потери Ромодановского составили 2 человека пленными: «копейного строя ротмистр да копейщик», 5 убитыми, 12 ранеными. Князь взял городок Жолнин. После победы под Жолниным Ромодановский осадил Ирклеев, в котором «сидит полковник Федка Бережецкой». Жители города Кропивны, узнав о победе над Богунуном, сдались и выдали Сомко «полковников» Германа и Мартына Курощупа⁷⁸.

Как позднее сообщалось в царской грамоте, русские ратные люди «татар и изменников черкас заднепрских и казаков многих побили, и черкаской город Жолнин и черкасской же и татарской обоз приступом и наряд и знамена и пернач взяли, а в языцех взято... татар и черкас сто тридцать три человека...»⁷⁹. С сеунчем о победе в Москву от князя поехал стольник Александр Петров сын Скуратов, а от товари-

ща Ромодановского воеводы Петра Скуратова – рейтарского строя ротмистр Петр Стромичевский. В другой царской грамоте о ходе сражения рассказано более детально. Когда русские взяли город Жолнин, и «в то время пришли на них татаровя и черкасы и был у них бой... на том бою татар и изменников черкас побили и гоняли и побивали на десяти верстах и гетман Ивашко Богун з достальными черкасы и с татары, покиня город Веремеевку, стал у Днепра «окопався обозом и того ж числа государевы ратные люди к окопу приступали. Обоз взяли, и неприятеля побили, а «иные (изменники. – И.Б.) потонули в Днепре»⁸⁰.

Интересные подробности этих боевых действий содержатся в челобитной черкас Острогжского полка сотника Федота Манкова с товарищами: «в прошлом во 170 году в марте месяце, в самое безпутное и безкормное время», ходили мы «в Черкасские города на изменников черкас и на татар», которые разоряли города «по сю сторону Днепра» и в том походе и в боях взяли «изменничьих три города Жовнин, Еремеевку да Ирклеев». После чего приступали «к окопу изменника наказного гет-

Кавалерийская схватка на пистолетах. Гравюра из военного трактата начала XVII в.

мана Ивашка Богуна», взяв «в том окопе пушки и знамена и литавры», а многие «неприятели бигучи потонули в реке Днепре»⁸¹. Когда 1 апреля Сомко приступом взял «черкасской город Ирклеев», то не только татар и черкас побил, но и пленил полковника Федора Бережцекого⁸².

На этом зимняя кампания 1661–1662 г. закончилась. 26 марта Ромодановский провел смотр своей армии. Как писал князь в Москву, «идучи из черкасских городов», он с товарищами «ратных людей пересмотря», распустил служилых людей по домам. Сведения о смотре сведен в таблицу⁸³. (Табл. 5)

Кроме того, в войске находилось еще около 5000 слободских казаков.

9 апреля 1662 г. последовал царский указ о пожаловании стольника Ивана Иванова сына Чаадаева в думные дворяне и направле-

нии его на воеводство в Киев. Он сменил на этой должности Ивана Ржевского, которому велено было ехать в Москву⁸⁵. С Чаадаевым в Киев из Переяслава отпустили «служилых людей смоленских рейтар Филипшиюсова полку Фанбуковена (на самом деле не Филиппа, его сына Корнилиуса. – И.Б.), да к тому прибавку служилых же людей, сколько человек государь укажет...»⁸⁶. Всех остальных бойцов, которые были в полку Чаадаева, велено оставить с Волконским в Переяславе⁸⁷. Вероятно, в то же время А. Траурнихта сменил полковник Якуб Рей.

Н.И. Костомаров писал, что ожидая нового нападения со стороны Хмельницкого, 23 апреля Сомко созвал раду в Козельце «как будто для того, чтобы посоветоваться о средствах обороны. На самом деле он надеялся, что на этой раде состоится избрание его в гетманы.

Таблица 5

Белгородский полк по смотру на 26 марта 1662 г.

Служилые люди	Кол-во чел.		
	налицо	в нетех	всего
Головы, есаулы и дворяне	97	–	97
Копейно-рейтарский полк Л. Копнина			
– копейщиков	543	59	602
– рейтар	457	153	610
Рейтарский полк Ф. Вормзера	806	335	1141
Рейтарский полк М. Гопта	907	141	1048
Рейтарский полк И. Тура	881	130	1011
Рейтарский полк И. Саса	? ⁸⁴	?	?
Рейтарский полк П. Скоржинского	817	102	919
Рейтарский полк Л. Отмуста	896	–	896
Драгунский полк А. Эля	663	260	923
Драгунский полк В. Кормихеля	685	–	685
Стрелецкий приказ К. Иевлева	634	–	634
Донские и орешковские казаки	360	17	377
Солдатский полк Я. Лесли	847	760	1607
Солдатский полк Я. Инвалта	1233	240	1473
Солдатский полк Ф. Ниротморцева	1093	261	1354
Всего	10 919	2458	13 377
В Переяславе с марта 1661 г.			
Солдатский полк Я. Фанзагера	1042	–	–
Солдатский полк И. Ниротморцева, с окт. 1661 г. – Д. Графа	821	–	–
Всего	12 782	2458	15 240

И действительно, собравшаяся там казацкая рада объявила Юрия Хмельницкого изменником и выбрала гетманом Самка; но в мае должна была произойти новая рада для подтверждения избрания в присутствии московского посланца Протасьева на поле близ Нежина... Рада почти вся снова избрала Самка, но голоса все-таки разделились, так как Нежинский полк избрал своего полковника – Василия Никифоровича Золотаренка; кроме того, еще не участвовал на раде Полтавский полковник Жученко, так как не повинился еще перед Государем. Вследствие этого, всем войском решено было на раде отдать гетманское избрание «на волю Царского Величества, кого он, Великий Государь, пожалует в гетмань»⁸⁸.

В Чернигов приехал воевода князь Игнат Волконский. Известно, что в мае 1662 г. он сообщал в Москву: «нынешнего 170 году мая с пятого числа черниговский полковник Иоанникий Силич с твоими великого государя ратными людьми своих полков стоит у Днепра остерегая того, чтоб через Днепр полских и литовских воинских людей не перепустить...»⁸⁹.

В то же время в Белгород, в товарищи к Ромодановскому, был назначен новый полковой воевода – стольник Михаил Богданов сын Приклонский. Царский указ о смене князя Мышецкого Приклонским был объявлен «в Москве 170 году мая в 9 день»⁹⁰. Как писал о том Ромодановский, велено быть у него в товарищах «на князь Борисово место Мышецкого стольнику Михаилу Приклонскому». Михаил Приклонский приехал в Белгород 2 июня, после чего Мышецкий отпущен в Москву⁹¹.

12 мая Ромодановский получил царскую грамоту о том, что двум белгородским солдатским полкам, бывшим в гарнизоне Переяслава, велено вернуться в Белгород: «Яганова полку Фанзагера да Дирикова полку Графа тех полков салдатом велено быть по прежнему в Белгородском полку», на что он отвечал в Разряд, что «те, государь, полки ис Переясловля к нам... в Белгород мая по 13 число не отпущены», испрашивая соответствующего государева указа⁹². 4 июня ему пришла царская грамота о том, что приказано из Переяслава двум названным полкам идти в Белгород⁹³.

Переяславский воевода князь Волконский не хотел отпускать полки из города. Вероятно

Шлем пикинера. Западная Европа. Вторая половина XVII в. Государственный Эрмитаж

узнав об этом указе, два солдатских полка с начальными людьми без разрешения воеводы, самовольно ушли из Переяслава в Белгород. Волконский с раздражением писал царю, что 28 мая «бежали твои великого государя ратные люди полковники Иван Фанцален (Яган Фанзагер. – И.Б.) со всеми салдатами полковник Дирик Граф со всем же полком с салдатами и с начальными людьми». Офицеры хотели забрать с собой и полковые пушки, но воевода им не дал. По словам Волконского, «пошли они из города гилем (самовольно. – И.Б.) без отпуску». В то же время из Переяслава убежал сотенный татарин Рахаметко Толтамешев, который явился в лагерь к Юрию Хмельницкому. Перебежчик рассказал гетману, что «пешие полки все пошли в Белгород», остались только рейтары, большей частью пешие, поскольку лошади в зимнюю осаду все померли. Перебежчик предложил Хмельницкому идти «на сю сторону Днепра к Переяславлю наскоре» и захватить его, пока в город не пришло пополнение. Он уверял гетмана, что «переяславские де жители задудтца». Русских ратных людей в гарнизоне не много, хлебных запасов и конских кормов мало⁹⁴.

Ромодановский доложил в Москву, что Волконский по царскому указу «два полка салдацких ис Переяславля отпустил к нам... они пришли под Ахтырской июня в 13 число, а пушек, государь, и зелья, и всякого полкового

обозного строю и запасного ружья, он князь Василей к нам не прислал, и многие государь салдаты тех полков без мушкетов». Солдаты, по его словам, будучи на службе в Переяславе «от великих нужд обедняли», и, видя «их самую великую нужу и бедноту», он отпустил их по домам, велел быть в полк «июля в 20 день»⁹⁵.

14 июня майор Иван Березников, находившийся в Кременчуге, прислал вести, что по имеющимся сведениям, полученным от казаков, 6 июня гетман Юрий Хмельницкий стоял в Росаве, готовясь к новому походу за Днепр. При нем были «белогороцкие татаровя да ляхов десять тысяч, а заднепрские полки все в зборе на Расаве». Ромодановский снова попросил царя прибавить в полки служилых людей, поскольку их «малоллюдно» и приказать Волконскому вернуть из Переяслова пушки и «всякого обозного строю»⁹⁶.

Царь Алексей Михайлович, получив новости о том, что рада опять закончилась ни-

чем, а выбор гетмана передан радой на его усмотрение, назначил раду в Переяславе для окончательного избрания настоящего гетмана. Хмельницкий, узнав о предстоящем избрании и желая ему воспрепятствовать, подступил к городу.

Рассматривая оборону Переяслава, прежде всего следует разрешить вопрос о числе его защитников. Как выше было отмечено, кроме казаков Переяславского полка (не более 3–4 тыс. чел.) в самом городе находился русский гарнизон под началом кн. В.Б. Волконского. В его состав входил упомянутый ранее воеводский полк И.И. Чаадаева и четыре стрелецких приказа. Об общей численности русских ратных людей в городе известно со слов гонца К. Неелова, выехавшего в Москву из Переяслава 11 июня. Он, в частности, сказал, что у князя Василия Волконского «ратных людей с 4000 человек», Яким Сомко в то время был в Переяславе, а «войско ево стояло за дватцать верст от Переяславля под Барышевкою». Полковник Василий Золотаренко, по словам того же гонца, выступил из Нежина и идет к Переяславлю», рассчитывая соединиться с Ромодановским. Неелов сообщил, что «с полковником

Русская конница.

*Фрагмент гравюры XVII в. Д. Перетта
«Осада Риги русской армией в 1656 г.»*

людей с 10 тысяч, а иные к ним собираютца»⁹⁷. Учитывая, что под началом Золотаренко был только один, пусть даже многочисленный, Нежинский полк, число его казаков явно сильно завышено.

Какими силами располагал гетман Юрий Хмельницкий в начале летней кампании 1662 г.?

По словам Волконского, первоначально, когда Хмельницкий перешел на левый берег Днепра «с ляхи и татары и с изменники с черкасскими полки», он был «не со многими людьми». Это был лишь передовой отряд, который «села и деревни повоевал и хлеб яровой и оржаной весь потолочил и полону много поимал и с тем полоном татар в Крым отпустил, тех которые с ним зимовали»⁹⁸. По показаниям полковника Веверского, с Хмельницким «в то время под Переяславем было польских 16 хорунгов, а под теми хорунгами было польских людей и литовских татар с 300 человек тех, которые с ним, Юраской, зимовали в черкасских городех...»⁹⁹. Осип Коковинский писал, что «три полка казывают казаков перешли на сей бок Днепра, а итить де ему Хмельницкому со всеми полками на сей бок Днепра в скорых часах. И того ж числа прислан из местечка Носовки от сотника лист, а в листу написано, что изменник Юраска Хмельницкой из под Сеннова подступил под Переясловль и стал на Керешни; а иттить де ему Хмельницкому сей стороны Днепра великого государя под украинные подо все Черкасские городы...»¹⁰⁰. Сбор гетманского войска продолжался и в дальнейшем. К Хмельницкому подтянулись не только казаки, но и оставшаяся часть ушедших на зиму поляков. В другой отписке Волконского, уже о начале осады Переяслава, сказано следующее: «июня в 12 день гетман Яким Самко и все полковники сей стороны Днепра со всем своим войском... пришли под Переяславль и стали от Переяславля в 3 верстах...»¹⁰¹.

Самовидец подтверждает, что Хмельницкий со всеми «полками своими переправивши Днепр, подступил под Переясловль и оного до-ставал час немалый, але ничего не вскурал, бо там было войско царское и козацкое при Сомку, которые можне оборонилса»¹⁰².

Позднее попавший в плен польский подполковник Д. Шульц и другие офицеры показа-

ли, что гетман «Хмельницкой з заднепрскими черкасы и с ними перелезши Днепр приходили под Переяславль, и сколко де с Хмельницким было черкас, того они не ведают, потому что черкасы шли под Переясловль нестроем, разделясь натрое, и стояли де они под Переясловлем четыре недели...»¹⁰³.

Князь Ромодановский впоследствии писал царю, что «в расписе, государь, взятые языки нам... казывают, что с Юраском Хмельницким было изменников черкас 40 тысяч, да ляхов конных 4 тысячи, да драгунов тысяча, да татар 2 тысячи»¹⁰⁴. Епископ Мефодий также говорит о 40-тысячной войске Юрия Хмельницкого: «...ляхов и татар и изменников Заднепрских козаков, которых было больши со-рока тысяч...»¹⁰⁵.

Участник кампании О. Коковинский сообщал вдвое меньшую численность казацкого войска: «А как бой был у околничего и воеводы у князь Григорья Григорьевича Ромодановского, июля в 17 день, с изменником Юраскою, а на бою с Юраскою было Ляхов 24 хоронги; а полковники были Ляцкия Миколай Клапитцкий да Роман Ильский, а драгунов было Немецких с полковником с Немчином с Виверским шестнатцать хорунак, а изменников было черкас с Юраскою 20 тысяч»¹⁰⁶.

С ним солидарны как Лизогубовский летописец: «Тогожь года Юрась знову зь ляхами 20 000 войска добуваль Сомка въ Переяславе...»¹⁰⁷, так и неизвестный автор Краткого описания Малороссии: «Между симъ въ одномъ року Юрий Хмельницкий, знову пришедши съ 20 000 войскомъ, добуваль Переяславля крепко...»¹⁰⁸.

Запорожской казак Яков Божевской, приехавший в Москву от Я. Сомко, определял общую численность войска Ю. Хмельницкого на начало осады Переяслава в 15 000 чел. заднепрских казаков, поляков и татар¹⁰⁹.

Однако наиболее точной в этом вопросе нам представляется информация польского полковника Станислава Веверского, которую он сообщил русским воеводам, оказавшись в плену после Каневской битвы. По его словам, с Хмельницким было «Белоцерковско-го и иных разных черкасских полков черкас 14 000 человек...»¹¹⁰. Из всех плененных в сражении лиц он являлся не только самым высо-

Аркебузные доспехи. Англия, ок. 1645 г.
Королевский Арсенал, Тауэр, Лондон

копоставленным офицером, но и, несомненно, наиболее осведомленным лицом.

Анализ имеющихся сведений позволяет сделать предположение, что из 11 правобережных полков гетмана Юрия Хмельницкого накануне Каневской битвы в его распоряжении было только 9 (исключая Подольский и Брацлавский, о них пойдет речь ниже) общей численностью 14 тыс. казаков. Конечно же, стоит отметить, что точных сведений о присутствии на поле боя именно 9 полков нет. Учитывая тот факт, что гетман сражался на стороне Речи Посполитой, а Крымское ханство было его союзником, Хмельницкий вполне мог снять почти все свои полки с западных и южных рубежей, чтобы бросить их в наступление на восток.

Хотя Волконский и Самовидец писали, что гетман был «со всеми своими полками», но ряд обстоятельств позволяет думать, что два вышеназванных полка прибыли к гетману в Чигирин уже после Каневской битвы.

Напомним, что кроме своих казаков к лету 1662 г. Хмельницкий располагал польскими конными полками Хлопицкого и Ельского, драгунами полковника Веверского, а также небольшим крымско-татарским отрядом. Что касается численности крымско-татарского отряда, то известно, что под Переяславом с Юрием Хмельницким было не более 2000 ордынцев, которые в начале Каневской битвы бежали с поля и фактически не принимали заметного участия в ходе сражения.

Итак, вернемся к осаде Переяслава. Волконский позднее докладывал в Москву: 12 июня «пришли под Переясловль из-за Днепра ляхи и татары и изменники заднепрские козаки х киевским и ильтицким воротам...»¹¹¹. Казаки Сомко вышли навстречу. Сражение продолжалось весь день, в результате «Якима Сомка и всех полковников с ево людьми в таборах у Барисаглебского монастыря на Илтице осадили». Казаки Хмельницкого «приступали к табору» Сомка, осажденные бились «не щадя голов своих с ляхи и татары и с заднепрскими изменники казаками, и на том бою многих ляхов и татар побили, и живых в языцех взято у них три человека ляхов». По словам Волконского, он, видя «верную службу» Сомко, послал русских ратных людей к нему на помощь «рейтарского строю полковников Давыда Фандернзина и Якуба Рея с рейтары, да маеора Юрья Шметя здрагуны, да Якова Грابلена с салдаты да донских казаков». Русские отряды «Якима Сомка и полковников с войском выручили и пришли к Переясловлю все в целе». На следующий день, 13 июня, под Переяслав снова «приходили ляхи и татары с ызменники заднепрские черкасы». В ходе боя осажденные неприятелей «многих побили», после чего враги «пошли за Днепр и стали на той стороне Днепра под Терехтемировым монастырем от Переясловля в пяти верстах», где расположился обоз Хмельницкого. В заключение своей отписки Волконский жаловался, что Ромодановский «в черкаские города по се число не бывал», хотя он писал ему про «неприятельской приход»¹¹².

Согласно отписке Осипа Коковинского, нежинский полковник Василий Золотаренко не пошел на помощь к Сомко, а поехал навстречу Ромодановскому, а «с собою он, полковник, взял небольших людей, а полк, государь, его Васильев стоял от Нежина в шести верстах под деревнею Пашновкою, и пошел ко околичному и воеводе (Ромодановскому. – И.Б.) июля в 2 день, а приказал, государь, тот Нежинской полк того ж полку наказному полковнику Левону Буту». В то же время, утверждал Коковинский, «из Нежина до Переяславля некоторыми мерами проезду нет, потому что под Переяславлем стоят Ляхи, и Тотаровя, и изменники Черкасы; а сам де, государь, изменник Юрка Хмельницкой стоит на той стороне Днепра под Терехтемировым, а хочет, государь, переходить на сей бок Днепра ... А на сей, государь, бок Днепра перешло Тотар старых с тысячу, да Ляхов старых же восмнатцать корогвей; а вновь, государь, сказывают, что при нем Хмельницком прибывших Тотар и Ляхов по се число не объявилось ничего». На 27 июня известно, что Черниговский полк стоял от Чернигова в пяти верстах; а в Чернигове, по словам Коковинского, всего «один приказ стрелцов Алексея Подтопкина, и в том, государь, приказе человек с двести, и тех де стрелцов половину больных и оборонить де их от неприятелей теми твоими великого государя ратными людьми, малолюдством, некому... Да в Чернигове ж в малом городке пушек нет ни одной» и пороху мало¹¹³.

В ходе осады Волконский писал из Переяслава в Москву, что «Юраска Хмельницкий в таборе за Днепром отпустил за Днепр Грицка Миргородского» (Лесницкого. – И.Б.). Как раз в это время к гетману пришла помощь от польского короля: «ныне прислано от ляхов драгунов и пехоты тысячу человек и болши (отряд Веверского. – И.Б.), июля, государь, во 2 день Юраско к нам перешол на сю сторону Днепра с теми черкасы и с ляхи и немецкой пехотой и под Переяславлем был бой», на котором неприятелей «многих побили». Пленные пояснили, что «пришли к нему Юраске июля 1 числа драгунского полку Веверского полковник и драгун с тем полковником и солдат тысяча человек, а пришли они к нему из Львова...»¹¹⁴.

Как следует из вышеприведенного документа, сам Юрий Хмельницкий с основными

Доспехи пикинера королевской гвардии. Англия, около 1625 г. Королевский Арсенал, Тауэр, Лондон

силами пришел под Переяслав 2 июля и «стал табором за Илтицею (р. Илтица – она же Альта) против Илтицких ворот». Другой лагерь противника был разбит «на Поповке против верхнева города», где гетман «шанцы покопал и роскат поделал и наряд привез». С этого времени «учала быть пушечная стрельба по вси дни» и от огня в городе во многих местах дворы загорелись и «от той пушечной стрельбы учалось утеснение большое». По словам воеводы, переяславские жители стали волноваться – «быть в большом сумненье». Для подъема боевого духа мещан Переяслава Волконский и Сомко решили сделать вылазку.

8 июля князь оправил за стены «полковника Давыда Фандернизина с рейтары да рот-

истра Федора Кречетникова, да драгунского строю маеора Юрья Шмета з драгуны да мурзы и татар сотенных людей, а с ними маеора Якова Грабленова, да с ними же донских казаков, а гетман Яким Самко послал переяславских казаков и свою пехоту». Чтобы не зависеть от переменчивого настроения горожан, Волконский велел Яким Самку «быть с собою в верхнем городе, покамест переясловские казаки и жители ево полку» свою верную «службу покажут». Осажденные стремительно атаковали противника, «бой был за Илтицкими вороты с Юраском и с изменники черкасы и с ляхи большой и божьей милостью... изменников казаков и ляхов и пехоту Юраскову многих (гнали. – И.Б.) по самые таборы и немец в шанцах побили, и на раскате две пушки медных взяли и гетман Яким Самко с Переясловскими казаки, кои при нем, будучи тебе великому государю служили бились на том бою не щадя голов своих и многие на том бою ранены и лошади у них побиты...»¹¹⁵. Потери русских ратных людей в этом бою указаны в таблице¹¹⁶. (Табл. 6).

Коковинский также отметил вылазку из Переяслава. Согласно его рассказу, Сомко «выходил на вылазку из Переяславля июля в 8 день с твоими государевыми ратными людьми и с Переясловскими казаками на шанцы и на табор Юраски Хмелницкова; и твоим государевым счастьем, в шанцах Немецкую пехоту и козатцкую порубили и две пушки взяли»¹¹⁷.

Ромодановский выступил из Белгорода на Украину еще в начале июня 1662 г. 9 июня он с войском пришел в Вольное, 12 июня миновал Ахтырку и стал «от Зинкова в десяти верстах».

Отсюда князь написал Сомко и Золотаренко и всем полковникам, а также в Запорожье, чтобы они сходились к нему под Зеньков. Воевода разбил свой табор, чтобы «дождидатца их под Зеньковым». Оправдываясь тем, что не идет на помощь Переяславу, Ромодановский писал, что у него «в полку малоллюдно... и дворян и есаулов и начальных людей нет ... в полку пехоты гораздо малоллюдно»¹¹⁸. По смотру от 12 июня действительно видно, что ратных людей у него было всего 8805 чел., поскольку армия еще не собралась¹¹⁹. В полках числилось 2331 рейтар, 2252 солдата, 520 стрельцов и 3202 слободских казаков. Кроме Ромодановского в войске находилось еще двое полковых воевод – П.Д. Скуратов и М.Б. Приклонский, т. е., вероятно, тактически войско было разделено на три воеводских полка.

В последующей отписке Ромодановского о «малоллюдстве» сообщается, что «ратные люди не пребывают, а начальные люди государь и дворяне и есаулы июня по 17 число не бывали... а стоим мы меж Ахтырского и Алешни»¹²⁰. Ромодановский принял решение объединить свои силы с силами Сомко и вместе ударить на неприятеля. В то же время Иван Брюховецкий писал Ромодановскому, чтобы он не доверял Сомко.

Направиться прямо к Переяславу Ромодановский не смог из-за мятежа в Кременчуге в июне 1662 г., о котором следует сказать отдельно. Мятеж поднял наказной полковник Каневец. Согласно отписке Ромодановского, «кремENCHЮКские жители наказной полковник Савка Каневец с товарищи Кременчюк город здали и впустили заднепрских изменников

Таблица 6

Роспись раненых полка В. Волконского на вылазке из Переяслава 8 июля 1662 г.

Служилые люди	Кол-во чел.	
	Начальные люди	Рядовые
Рейтарский полк Д. Фандернизина	4	14
Рейтарский полк Я. Рея	3	10
Мурзы и татары	1	0
Донские казаки	0	2
Драгуны майора Ю. Шмета	2	4
Стрельцы приказа Н. Батюшкова	0	1
Всего:	10	31

чигиринского полковника Сенку Тихова (вероятно, наказного. – И.Б.) да Яцка Черкаса, а с ними черкас з две тысячи». Русские ратные люди, находившиеся в Кременчуге, «сели в малом городке» в осаде. Получив тревожные вести, Ромодановский послал «под Кременчук сумского полковника Герасима Кондратьева, а с ним всех полков конных черкас да рейтарского строя моера Петра Стрефа, а с ним рейтар четыре роты да три роты салдат, да донских казаков сто человек, да нежинской полковник Василей Золотаренко послал своею полку сотника Самойла Курбачкого, а с ним казаков триста человек». 30 июня Кондратьев и Стреф сообщили Ромодановскому, что 26 июня, когда они пришли к Кременчугу, «заднепрские черкасы и кременчюцкие жители, послыша их приход из Большого города побежали за Днепр», и в то время «учинили они с ними бой большой». В ходе боя «изменников черкас многих побили и которых застали в городе всех порубили, а многие... потопли в реке Днепре». Выяснилось, что до прихода помощи осажденным мятежники «приступали к малому к городку пять дней» и на приступе «многих их изменников побили». Ромодановский приказал полковнику Кондратьеву и майору Петру Стрефу «большой город весь выжечь» для того, чтоб впредь неприятель в городской крепости не засел. Артиллерию, порох и «всякие пушечные и хлебные припасы» перевезли из большого острога «в малой город». Там был оставлен Стреф с тремя ротами солдат и 300 казаков полка Кондратьева. Стрефу приказано было «малой городок покрепить и колодези покопать». Кондратьев и майор Иван Березников с ратными людьми, которые были в Кременчуге, вернулись в лагерь Ромодановского под Миргород¹²¹.

Дополнением к описанию событий под Кременчугом служит отписка нежинского воеводы князя Семена Шаховского. Согласно Шаховскому, Ромодановский, находясь под Барановкой, узнал об измене Кременчуга. 23 июня кременчугские казаки «великому государю изменили», ввели в город «изменников заднепрских казаков Чигиринского полку две тысячи человек». Русские ратные люди, «которые были в Кременчюку пятьсот человек поостереглись» вместе с мещанами, которые сохранили

Отступление Ю. Хмельницкого к Каневу 10.07–16.07.1662 г.

верность царю, «з запасы и с пушками со всем норядом и с пороховой и свинцовою казною вошли в малой город». В результате большой острог был захвачен сторонниками Хмельницкого, но русский гарнизон города с частью горожан отбился от нападения в «малом городе». Изменившие казаки попытались взять «малый город» приступом, но ратные люди и мещане «на приступе изменников чигиринских и кременчукских козаков многих побили». Узнав о положении осажденных, 25 июня Ромодановский послал в Кременчук часть своих сил, а именно «ратных людей конных наскоро десять тысяч». 1 июля приехал в Нежин стародубской наказной полковник Прокофей Петров, который рассказал Шаховскому, что русские ратные люди «десять тысяч с поля из Кременчука и из малого городка пятьсот человек с мещаны большой город взяли, изменников кременецких и чигиринских козаков многих побили»¹²².

2 июля Ромодановский с войском выступил к Лубнам с намерением встать в Солонице. Тогда же он получил от Сомко вести о переправе через Днепр главных сил Хмельницкого: «Юраско Хмельницкой и ляхи с татарами и заднепрские изменники со всеми черкасы, конечно на сю сторону (Днепра. – И.Б.) перевозятца». Взятые в плен татары рассказали, что «ис Крыму выступили два царевича, а куда де им итти они про то не ведают»¹²³.

Лишь после освобождения Кременчуга Ромодановский смог выступить против основных сил гетмана Юрия Хмельницкого под Переяслав. По словам Самовидца, воевода, собрав войско и «Нежинский полк при себе маючи», двинулся к Переяславу. Татары, рано утром напавшие на войско князя под Пирятиным, взяли «языка московских людей», от

которого узнали о приближающемся русском войске и «дали знати Хмельницкому о тих силах, которья идут на него»¹²⁴. Ромодановский послал против тех татар конный отряд, который гнал ордынцев до самой Оржицы, мимо Яблонова, загнав за переправу через реку Супой¹²⁵.

6 июля с войском Ромодановского соединился нежинский полковник Василий Золотаренко со своими казаками¹²⁶. Сотник Федор Гришкевич, приехавший в Москву от Якима Сомко, сообщил, что Хмельницкий снял осаду и отступил от Переяслава «за два дни» до похода Ромодановского. Гетман остановился у села Городище, но затем пошел далее к Каневу. Уже в ходе этого отступления многие его казаки «утекли за Днепр»¹²⁷.

10 июля Хмельницкий, по словам воеводы Волконского, «бежал со всеми людьми под Канев и не дошед Канева стал табором от Переяслава в пяти верстах (у села Городище. – И.Б.) июля в 13 день». Волконский снова писал Ромодановскому, чтобы он «поспешал над неприятелем промысл чинить». Ромодановский ответил ему, что идет к Переяславу и 15 июля стал обозом «на Каратулех от Переяслава в пяти верстах»¹²⁸. Епископ Мефодий позднее сообщал царю о том, что «июля в 15 день Ромодановский... с ратными людьми и наших черкасских городов полковники с черкасы под Переяславль пришел». Узнав о подходе русского войска, неприятели «от Переяслава отступили к Днепру под Канев и стали табором под Каневим по сю сторону Днепра»¹²⁹.

С. Величко сообщает, что накануне битвы Сомко соединился с Ромодановским под Березанью – местечком Переяславского полка¹³⁰. 16 июля (26 июля – по новому стилю) противники встретились.

КАНЕВСКАЯ БИТВА 16 (26) ИЮЛЯ 1662 Г.

Для начала рассмотрим вопрос о численности войск противоборствующих сторон, которые сошлись в полевом сражении. Состав и численность армии гетмана Юрия Хмельницкого в июне 1662 г. под Переяславом установлена выше. Накануне Каневской битвы под своим началом Хмельницкий имел те же силы: 14 000 казаков, примерно 4000 поляков и около 2000 крымских татар, итого 20 000 чел. Это число не противоречит данным ряда малороссийских летописей и является наиболее объективной оценкой гетманских сил накануне баталии, разумеется, с учетом некоторых потерь при осаде Переяслава. О числе пушек у Хмельницкого можно судить по числу трофеев (22, по другим данным – 24), ибо все они позднее достались победителям.

Перейдем к вопросу о численности русской армии и казаков Сомко. Летописные данные

здесь не помогут. Единственный нарративный источник на эту тему – летописец Ерлича, сообщает о том, что когда Хмельницкий: «пошел за Днепр против тех, которые при Сумченке (Сомко) собрались и москвитин при князе Ромодановском, при котором было збройного люду Москвы 15 000, а иных до 40 000»¹³¹. Сразу обращает на себя внимание то, что если указанное число бойцов у Ромодановского вполне соответствует истине, то количество «иных», т. е. казаков Сомко, явно следует отнести к фантастическим сведениям. В документах РГАДА сохранилась подробная роспись армии князя Ромодановского в период летней кампании 1662 г. на Украине в целом и перед самой Каневской битвой в частности, по которым можно проверить сообщение Ерлича.

В «Росписи перечневой» полку околничего и воеводы кн. Г.Г. Ромодановского «с товарищи ратным всяким людем, что ныне (18 сентября 1662 г.) на ево великого государя службе налицо по смотру объявилось» указано точное число бойцов, которые «на бою Юраска Хмельницкого были»¹³², т. е. принимали непосредственное участие в сражении под Каневом 16 июля. Сведем эти данные в таблицу. (Табл. 7)

Таким образом, непосредственно под началом Ромодановского накануне битвы находилось 11 511 конных и пеших. К указанному числу следует добавить переяславский отряд русских ратных людей, высланный Волконским на соединение с Ромодановским.

14 июля кн. Г.Г. Ромодановский с войском пришел под Переяслав. Согласно отписке переяславского воеводы кн. В.Б. Волконского, командующий армией «стал табором на Каратулях от Переяслава в пяти верстах». По слухам представлялось, что «Юраска Хмельницкой... от Переяслава побежал за Днепр».

*Копейщик. Западная Европа.
Гравюра из военного трактата начала XVII в.*

Белгородский полк накануне Каневской битвы 16 июля 1662 г.

Служилые люди	Кол-во чел.		
	нач. люди	рядовые	всего
Головы, есаулы, жилец и завоевочки	60	–	60
Копейные роты	8	459	467
Рейтары копейного полка	13	511	524
Рейтарский полк Ф. Вормзера	6	459	465
Рейтарский полк М. Гопта	12	836	848
Рейтарский полк И. Саса	6	794	800
Рейтарский полк П. Скоржинского	6	765	771
Рейтарский полк Л. Отмутова	26	848	874
Стрелецкий приказ	5	483	488
Драгунский полк п/п Л. Вязевского	11	560	571
Солдатский полк Я. Лесли	35	636	671
Солдатский полк Я. Инволта	19	824	843
Солдатский полк Я. Фанзагера	13	251	264
Солдатский полк О. Спешнева	12	675	687
Солдатский полк Д. Графа	14	234	248
Донские и орешковские казаки, новокрещенные татары, атаманы и рядовые	–	246	246
Острогжский полк И. Зинковского	1	864	865
Сумской полк Г. Кондратьева	1	1818	1819
Всего:	248	11 263	11 511

Воевода послал «подъезды» проверить эти сведения. Волконский отправил к Ромодановскому майора Я. Грабленова с просьбой атаковать гетмана, «покамест он обратно за Днепр не побежал». По данным Волконского, Хмельницкий в то время стоял «под Городищем от Переясловля в десяти верстах». Ромодановский предложил переяславскому воеводе выделить отряд из частей гарнизона города для соединения с основными силами. Волконский направил к ним «рейтарского строя полковника Давыда Фандернизина с рейтары, да полковника Якова Рея с рейтары и стрелецких голов со стрельцами да сотенных мурз и татар и донских казаков, да драгунского строя маера Якова Грабленова с салдаты»¹³³. Примерная общая численность указанного отряда дана в таблице. (Табл. 8)

Таким образом, общая численность русского войска в Каневской битве составила примерно 14 500 чел., что фактически не противоречит данным С. Ерлича.

Кроме того, к бойцам армии Ромодановского следует добавить Нежинский полк Василия Золотаренко, который демонстративно отказывался подчиняться Сомко и соединился непосредственно с русским войском. Определять его численность в 10 000 казаков было бы сильным преувеличением. На наш взгляд, даже с учетом Стародубщины (фактически ее казаков можно считать вторым полком¹³⁴) и, возможно, пехотного полка И. Мозыри, он вряд ли мог привести с собой более 3000 казаков.

Теперь рассмотрим вопрос о возможном количестве бойцов в войске Якима Сомко.

В листе Сомко царю от 15 июня 1662 г. перечислены следующие полковники под его началом: Переяславский (Шуровский Афанасий, наказной), Ирклевский (Папкевич Матвей), Прилуцкий (Терещенко Федор), Зеньковский (Шиманский Василий), Лубенский (Пирский Андрей), Миргородский (Гладкий Григорий, наказной), Кременчугский (Гавриленко (Дубовик) Костя), а также пехотный полк Ивана

Отряд из Переяслава, высланный к Каневу Волконским 16 июля 1662 г.

Служилые люди	Примерная численность
Рейтарский полк Д. Фандернизина	500
Рейтарский полк Я. Рея	500
Мурзы и татары	300
Донские казаки	150
Драгуны майора Ю. Шмета	500
Солдаты майора Я. Грабленова	500
Стрельцы приказа Н. Батюшкова	300
Стрельцы приказа С. Белого или С. Малышкина	300
Всего	Около 3000

Лиштвана¹³⁵. Кременчугский полк, учитывая вышеописанные события под Кременчугом, скорее всего в походе под Канев не участвовал. Сколько казаков из оставшихся 7 полков удалось собрать к началу битвы – неизвестно. Стоит лишь отметить, что Ирклеевский и Зеньковский полки занимали небольшую территорию и были достаточно малочисленными. Что касается остальных полков Левого берега Днепра, то Полтавский, Черниговский, Киевский полки в то время, вероятно, оставались на местах для защиты своих полковых территорий. К тому же Киевский и Полтавский полковники поддерживали Брюховецкого.

Мартин Майер в «Theatrum Europaеum» не дает оценки общих сил Сомко. Он лишь сообщает, что 4000 его казаков с «полковником» Голуховским были разбиты армией Ю. Хмельницкого под Переяславом. В данном случае речь, скорее всего, идет о бое в Демьяничих. К середине июля к Сомко могли подойти дополнительные силы из его сторонников, численность которых неизвестна. Мобилизационные возможности казачества в тот период, с учетом длительной гражданской войны и тяжелых безвозвратных потерь в полках, определить нереально. Единственно, что на наш взгляд можно сделать, и то достаточно условно, – применить сравнительный метод. Если у гетмана Хмельницкого в тот период в 9 полках числилось 14 тыс. казаков, то в 7 полках Сомко максимально возможная численность – 10 500 чел. Хотя, стоит подчеркнуть, точных сведений о количестве казаков найти невозможно.

Исходя из полученных чисел, можно сделать вывод, что общая численность армии Ромодановского и Сомко накануне Каневской битвы составляла максимум 28 000 чел. Сообщение М. Маеира о 36 тыс. армии Ромодановского, даже с учетом полков Сомко и Золотаренко, не соответствует действительности.

О составе русской артиллерии в походе известно из позднее написанной отписки Ромодановского, согласно которой «наряду большо

Копейщик.

Гравюра из военного трактата начала XVII в.

Русская конница под Ригой в 1656 г.
Фрагмент гравюра Д. Перетта. XVII в.

го, что бывало с нами... у твоего великого государя шатра медных шесть пищалей, да в полках меньших пищалей: в Яковлеве полку Лесли шесть пищалей, в Еганове полку Инволта пять пищалей, в Осипове полку Спешнева четыре пищали, в Григорьеве полку Косагова, в черкасских в Острогожском, в Сумском по две пищали, да вновь в Белгороде дано в Усердской да в Усмонской полки по две пищали». Кроме того, согласно Ромодановскому, в то же время в Белгороде стояло на крепостных стенах «медных больших вестовых две пищали, да медных же больших и малых, которые стоят на глухих башнях одиннадцать пищалей, да скорострельная пищаль железная да железных в станках и без станков пятьдесят две пищали, да четыре тюфяка медных же, да пеших же... полков в Переяславле полковых десять пищалей Яганова полку Фанзагера, Дирика полку Графа...»¹³⁶. Таким образом, у Ромодановского в походе было 29 орудий (без учета пушек полка Косагова, который не был под Каневым), в Белгороде находилось 70 орудий и еще 10 орудий из армии Ромодановского осталось в Переяславле

после ухода отсюда двух полков солдатского строя, о которых было сказано выше. Сколько было пушек у Сомко и Золотаренко – неизвестно.

Перейдем теперь непосредственно к реконструкции хода Каневской битвы.

Согласно краткому описанию сражения Н.И. Костомаровым, «Ромодановский, соединяясь с казаками под предводительством Самка, двинулся за Днепр, 17-го июля подступил к лагерю Хмельницкого, овладел им, истребил вспомогательный отряд поляков, посланный от короля, и прогнал татар. Бой открыл Самко, и продолжался этот бой два с половиною часа. Войско Хмельницкого упорно держалось, когда же на него наступил Ромодановский с конницей, войско подалось и уже не могло оправиться и разбежалось. Московское войско приперло бегущих к реке, и те, спасаясь от неприятеля, бросались в реку и гибли. Овладев лагерем, Ромодановский подошел к Каневу и занял его. Хмельницкий бежал в лес и, пользуясь тем, что лес закрывал его от неприятеля, переправился за Днепр»¹³⁷. Описание это, в целом близкое к истине, содержит ряд важных упущений и неточностей. Рассмотрим подробнее, что писали об этой битве участники и современники событий.

Сам гетман весьма скромно сообщал королю о своем разгроме, пытаясь скрыть тяжелые последствия битвы. В первом письме Юрия Хмельницкого королю от 3 августа о своем поражении он говорит следующее: «Видя, что посторонний неприятель, Москвитянин, безопасно свирепствует в Украинских владениях вашей королевской милости, пана моего милостиваго, и опустошает их в конец, я, по воле и приказанию вашей королевской милости, пана моего милостиваго, желая оные спасти, перешел с войсками Запорожскими на ту сторону Днепра, под Переяславль, надеясь на скорую помощь вашей королевской милости и всей Республики. Но на этот раз неприятель, собравши значительные войска, отразил нас силою, и мы, отступая, должны были перейти опять на эту сторону Днепра...»¹³⁸. Однако в следующем письме гетман прямо пишет, что «по усмотрению Божию, с наступлением сил Московских, войско наше, не будучи в состоянии противостоят такой силе, принуждено было спастись бегством...»¹³⁹.

Попавший в плен польский полковник Веверский позднее на допросе показал, что когда «учинилась де весть Юраску Хмельницкому, что идет к Переясловлю на помощь околничий и воевода (Ромодановский. – И.Б.)... Юраско со всем войском ис под Переясловля отступил и стал у Днепра против местечка Канева». После этого русские ратные люди Ромодановского и «полку Переяславского на них приходили в день за 3 часа до вечера...»¹⁴⁰. Другой пленный, подполковник Шульц, сказал, что «как де учинилась им (Хмельницкому. – И.Б.) весть, что идет к Переясловлю на помощь русское войско, Хмельницкий «со всем войском ис под Переясловля отступил...». Царское войско атаквало их «в день за четыре часа до вечера»¹⁴¹.

16 июля конные разъезды принесли Ромодановскому весть о том, что «Юраско Хмельницкой с ляхами и с татарами и с ызменники черкасы», ранее стоявший «от Переясловля в десяти верстах... с того места пошел к Каневу». Ромодановский «с Нежинским полковником с Васильем Золотаренком, также и с ыними полковники» двинулся за Хмельницким «со всем обозом». Согласно сообщению Ромодановского, Хмельницкий «отпустья

наперед себя обоз под Канев к Днепру и велел окопатца, и оставя с конными людьми с ляхами и с татарами и с ызменники с черкасы, учинил с нами... бой большой». То есть конные части гетмана вышли в поле, чтобы дать возможность остальным казакам укрепить обоз, превратив его в вагенбург. В результате этого боя полки Хмельницкого отошли «отводом до обозу своего» и укрылись в укрепленном таборе. В тот же день русские ратные люди и казаки Сомко «пришли к обозу Юраски Хмельницкого, и учинили... приступ большой». В ходе начавшейся битвы «приступ жестокой конными и пешими людьми» продолжался «с полудня до вечера»¹⁴².

О месте главной битвы известно только то, что поле сражения располагалось «не доходя Канева верст пять» по дороге, ведущей от Переяслава к Каневу. В настоящее время это поле скрыто водами Каневского водохранилища, поэтому изучение его невозможно. Современные карты окрестностей Канева не позволяют даже приблизительно определить место битвы, поэтому обратимся к подробным картам XIX в.

При изучении трехверстовой карты Киевской губернии конца 60-х годов XIX в. нами установлено, что примерно в 5 верстах от Канева, южнее села Решетки, в то время находилась весьма интересная возвышенность прямоугольной формы со сторонами 400 х 350 м. Этот невысокий холм показан справа от дороги, идущей к Каневу вдоль старого русла Днепра (р. Старый Днепр). Одной, более длинной стороной, холм обращен на северо-восток, в сторону поля. С противоположной стороны протекает небольшая речка, впадающая в Старый Днепр. С запада от указанного возвышения – склон, спускающийся к берегу старого русла Днепра. Справа – лесной массив. Удивительно ровные, прямые очертания этой возвышенности наводят на мысль об ее искусственном происхождении. В связи с изложенными обстоятельствами выдвинем предположение, что этот прямоугольник на карте – вероятные остатки укрепленного лагеря (табора или обоза) гетмана Юрия Хмельницкого на поле Каневской битвы. Согласно различным источникам того времени, вагенбург (или табор) мог иметь как прямоугольную, так и треугольную

Зерцальный и гусарский доспехи середины XVII в. Государственная Оружейная палата Московского Кремля

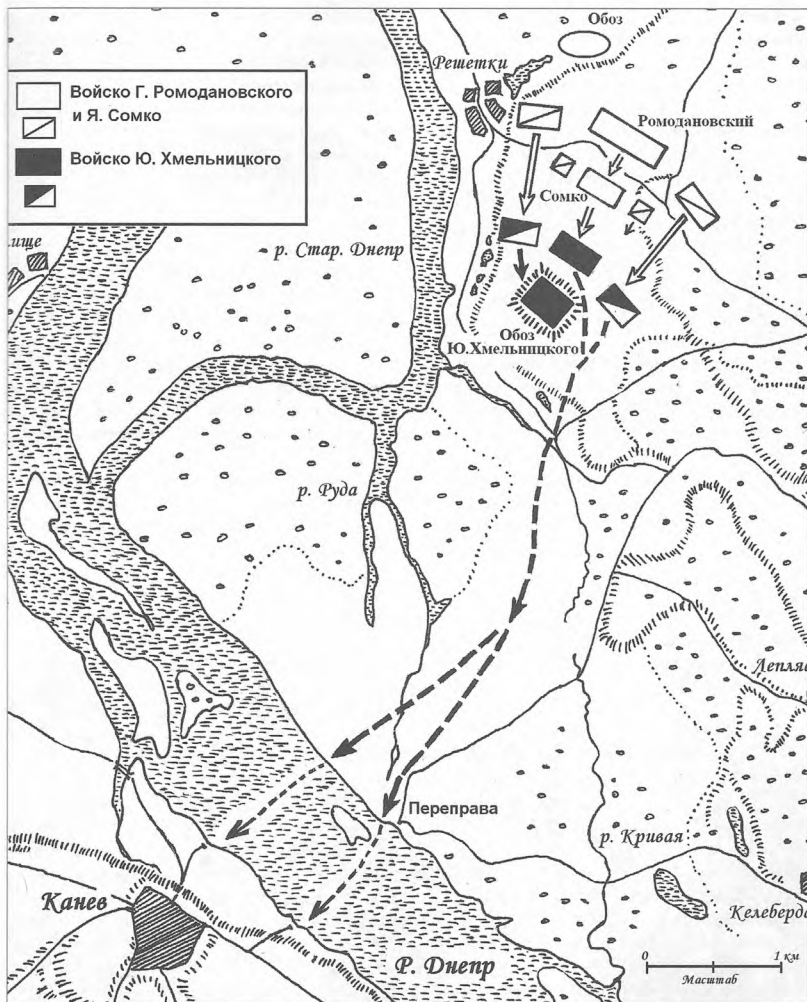
форму. Из нашего предположения следует, что казаки Хмельницкого, окапываясь, возвели укрепления в форме прямоугольника фронтом к полю – со стороны, наиболее вероятной для атаки армии Ромодановского и Сомко.

Самое подробное описание хода битвы содержится в хорошо известной «Летописи Самовидца», который, скорее всего, был непосредственным участником сражения в рядах Нежинского полка. Самовидец сообщает, что получив вести об отходе Хмельницкого к Каневу, Ромодановский «рушил от Городища... со всем табором ко Днепру мимо Переяславе, где и наказный гетман (Сомко. – И.Б.) со всем войском вышел з Переяслава». Казаки Сомко, соединившись с князем, «пошли тропюю гетмана Хмельницкого». Юрий «стал табором, окопавшись», направив против неприятеля «подъезд» (конный отряд), удалившийся «на полмили» от

обоза. Внезапной атаки на войско Ромодановского не получилось, ибо оно шло «всправи» (в боевом порядке). Не принимая боя, конница Хмельницкого отошла к своему табору. В это время крымские татары, видно, почуяв серьезную опасность, бросили гетмана. Они переправились через Днепр «и пошли у свою землю». Хмельницкий остался без помощи крымско-татарской конницы, хотя численность бежавшего отряда и была невелика (около 2 тыс. чел.). Войско князя Ромодановского и Сомко «наближилось на табор Хмельницкого, як можно ся бити з гарматы» (на пушечный выстрел. – И.Б.). Хмельницкий двинул против неприятеля свою конницу, то же самое сделал Сомко, идущий в авангарде русско-казацкой армии. Согласно Самовидцу, «комонник (конница. – И.Б.) козацкий з обоих сторон дал бой от поля, с тоей стороны от бору» т. е. со стороны леса. Яким Сомко «с пехотою козаков своих, также и з Москвою» пошел против табора Хмельницкого, и «великая война точилася з обоих сторон, которая тривала годин полтрете». Затем, как пишет Самовидец, атаковала русская конница: «наступил князь Ромодановский з комонником ушакованным (вооруженным. – И.Б.), так копийным, рейтарією, як и инным огнистым, зараз войско Хмельницкого тыл подали, которые ся уже болше и поправити не могли, але мимо табор к Днепру скочили, а инные з Хмельницким до бору»¹⁴³.

Таким образом, согласно малороссийскому летописцу, решающим ударом стала атака русских копейщиков и рейтар, которые опрокинули вышедшее в поле войско гетмана. Вероятно, надлежащий эффект был достигнут атакой копейных рот, построенных неплотно сомкнутым строем в две последовательные шеренги, примерно по 200–230 всадников в каждой. Рейтары огнем подкрепляли таранный удар копейщиков. Казацкие полки гетмана пришли в полное расстройство, бежали мимо брошенного ими табора и в поисках спасения направились к Днепру. Сам Хмельницкий с частью своих сторонников скрылся в ближайшем лесу, а позднее вышел к переправе через Днепр.

Польский летописец Ерлич, сообщая о ходе сражения, писал, что Сомко «вместе наступил с Ромодановским» на Хмельницкого и «так тяжко стало, что наши не выстояли, которые

сидели на конях или пешие, прямо в Днепр против себя скочили и должны были плыть назад к Каневу...». Виновником начала общего бегства Ерлич называет два казацких полка, стоявших «сбоку», т. е., вероятно, на правом крыле: «Полк Каневский и Корсунский на боку

Каневская битва 16 июля 1662 г.

вместе отступили, скочили до переезда и уткли. Хмельниченка покинули, который едва переправился...»¹⁴⁴.

Согласно показаниям участника битвы польского полковника Станислава Веверско-го, Хмельницкий, «покинув весь свой обоз, побежал и многие де Хмельницкого войска поляки и черкасы в Днестре потонули, и он де полковник Станислав своим полком, да 6 хорунжиков поляков з государевыми людьми учинили бой, и на том де бою государевы ратные люди ево Станислава полку драгунов и поляков и которые черкасы из Юрасково обозуйти не успели, всех побили и обоз весь Хмельницкого и наряд поимали, а ево полковника и товарищей ево, которые с ним к Москве привезены, взяли государевы ратные люди Переяславского полку»¹⁴⁵.

Со слов полковника следует, что когда большая часть армии Хмельницкого бежала, он со своими драгунскими полками, 6 польских хорунжиков и оставшиеся казаки укрепились в обозе и продолжали сражение. В ходе дальнейшего боя эти наиболее храбрые и стойкие части были полностью истреблены, а оставшиеся

в живых взяты в плен. Победителям достался обоз и вся артиллерия. Известно, что сам Веверский был пленен рейтарским полковником Д. Фандерзининым.

Ромодановский позднее писал царю, что «взято государь, в языцех» полковников и других начальных людей, а также «рядовых товарищей 51 человек; а достальные... ляхи и татаровя и черкасы, побежав от твоих... ратных людей, потонули в реке Днестре; а ушли, государь за Днепр немногие; да взято ж, государь, 22 пушки, да 117 знамен и прапоров и бунчуков»¹⁴⁶.

По словам В. Волконского, «изменников Юраска Хмельницкого с казаками и ляхов и ево Юраскову немецкую и казачью пехоту всю побили и в языцех многих поимали и табор, и пушки, и знамена, и шатры все поимали». Переяславский воевода также сообщал, что «наряда де государь с ним Юраскою было двадцать четыре пушки, а он Юраско бежал не со многими людьми за Днепр и те государь... в Днестре потопились, а полковника немецкого пешева строю Станислава Вивирского, которой к нему Юраску ныне прислан от литовского короля з драгуны и с пехотою, а с ним де было драгунов и пехоты всево полку девятьсот че-

Войсковой обоз. Гравюра эпохи Тридцатилетней войны (1618–1648)

людей и их всех безостатку ныне побили и ево самого ранили и в языцех взял ево полковник Давыд Фандернизин и ляхов многих в языцех поимали твои (ратные люди – И.Б.), а гетман Яким Самко тебе (государю. – И.Б.)... и своих полков с переяславскими казаки и с пехотою на том бою служили заодно и бились нещади голов своих...»¹⁴⁷.

Взятый в плен подполковник Данило Шульц показал, что «был бой до ночного часу и на том де бою Хмельницкого войска польские и литовские люди и черкасы многие побиты, и обоз весь взят, а достальные люди с того бою за Днепр побежали, и в Днепре де потому многие потонули. А сколько человек побито и потонуло того подлинно они не ведают. А наряду на том бою взято дватцать четыре пушки и зелье, и свинец все поимано, да на том же бою взято 117 знамен да 25 литавр»¹⁴⁸.

Участник битвы Осип Коковинский позднее показал, что «изменника Юраска и Ляхов и Немец побили и табор взяли, пушки, и знамена все побрали. А взято у изменника Юраски 22 пушки»¹⁴⁹.

Полковник Василий Золотаренко писал царю, что Хмельницкого «з заднепрскими полками и с ляхи и с немцы и с татары побили, а иных в Днепре потопили, и многих в языцех поимали, и табор ево с пушками и знаменами и с барабаны взяли...»¹⁵⁰.

Переправа армии через реку. Гравюра эпохи Тридцатилетней войны (1618–1648)

В челобитной черкас Острогожского полка сотник Федот Манков с товарищами писал, что как нагнали они «под Каневом с обозом изменника Юраску Хмельницкого и изменников черкас и ляхов и татар... учинили оне себе окоп и с того окопу с нами бились и мы... к тому обозу приступали жестакими приступы, служа тебе великому государю не щадя голов своих... и в окопе обозы Юраски Хмельницкого и всю ево полковую громаду взяли в обозе и за обозом изменников черкас и ляхов и немецкою пехоту побили всех наголову без остатку...»¹⁵¹.

Епископ Мефодий также говорит о 40-тысячном войске Юрия Хмельницкого и о длительности сражения: князь Ромодановский и полковники «ходили вслед за ними на их табор под Канев июля в 16-м числе. И бой... был того ж числа большой часов с шесть». Победа была одержана милостью Божией и «промыслом мужественного и храброго воина твоего государева (Ромодановского. – И.Б.) ...»¹⁵².

Со слов участников битвы, все сражение продолжалось 3–4 часа. Современная ширина Днепра в пределах Канева – от 500 до 1300 метров. Судя по карте XIX в., ширина реки в рай-

оне прежней переправы превышала 1000 м. Учитывая это, а также глубину Днепра, вполне объяснима гибель большого числа бегущих, неудачно пытавшихся форсировать реку. Летописцы называют от 10 до 20 тыс. убитых и утонувших. Попытаемся разобраться в этом вопросе.

Самовидец, рассказывающий о Каневской битве, говорит о гибели 20 тыс. казаков и поляков, отмечая, что бегущие так «в Днепр сходили и так Днепр наполнили, же за людом мало и води знати было». Пехота немецкая, «которых тысяча было... в угле табору заперлися и не здалися... аж усех выбито». По словам летописца, по вине Хмельницкого погибло «козаков, як и ляхов тысячей болше двадцати», а от смрада трупов их к Днепру трудно было подступить, а иные трупы «аж в Запороже позаносило». Так, заключает Самовидец, Хмельницкий людей погубил и «табор совсем утратил», а сам «не у великой купе» (числе. – *И.Б.*) в Черкасы убежал. Те казаки, которые переплыли Днепр, «нагіе до домов ишли», а тех жолнеров (поляков и наемников), которые за реку перебралась, «у Днепра били», и из них «мало хто увойшол». Самовидец пишет, что такая «потреба (дело – *И.Б.*) была месяца іюля 16»¹⁵³.

Эрлич подтверждает факт стойкой обороны части коронных войск: «немецкая пехота и драгуны вся осталась при своем полковнике Веверском, которых одних побили, а других в плен Москва побрала, и пушки взяли». Автор хроники также отмечает социальный конфликт на Украине, сообщая о том, что настроенные против казаков и поляков селяне ловили переправившихся через Днепр и добивали их на берегу, явно преувеличивая результаты этой битвы: «больше хлопы побили тех, кто переплыли было Днепр, нежели Москва. Козаки Хмельниченка и войско сдали, нежелали биться с Москвой»¹⁵⁴.

Патрик Гордон позднее записал в своем дневнике о том, что многим казакам удалось спастись из неизбежного плена благодаря своим собратьям из лагеря Сомко. По словам Гордона, Хмельницкий «перешел со своим войском на Северскую сторону у Канева, имея при себе два слабых полка польских драгун. Московский генерал князь Григорий Григорьевич

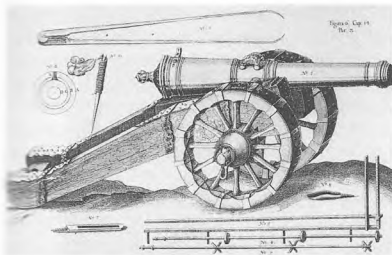
Ромодановский вовремя узнал об этом, двинулся вперед со всей своей армией и внезапно разгромил его. После кое-какого сопротивления много (казаков) было перебито, иные утонули в Борисфене (Днепре. – *И.Б.*), но большая часть спаслась, кто на лодках, кто вплавь. Большинство драгун погибли. Пленные казаки нашли способ освободиться, будучи среди своих же собратьев; также и драгуны. Из иноземцев были захвачены полковник Веверский, подполковник Шульц, капитан Хиннинг и другие. Впоследствии все они освободились путем размена или выкупа»¹⁵⁵.

Лизогубовский летописец сообщает о роли полковника Ивана Лизогуба, который добывал остатки бегущего гетманского войска на правом берегу. Ромодановский и Сомко, прогнав Хмельницкого, «купои избии его войско, иное же, уходячи, въ Днепри противъ Канева потонуло, а останокъ Каневскій полковникъ, Иванъ Лизогубъ, съ войскомъ своимъ ловили и забивали...»¹⁵⁶.

Летописец Дворецкого также подтверждает полный разгром Хмельницкого: «князь Григорий Ромодановский Хмельницкого Юрия зо всім его войском козацким, лядzkим, из ордами за Каневом у Дніпр нагнал, а других шаблею изнес, мало хто утік з них»¹⁵⁷.

Черниговская летопись сообщает о гибели около 10 тыс. казаков и поляков. Ромодановский и Яким Сомко, «вышедши зъ войсками своими московскими и козацкими», выпали на Хмельницкого, который, «не могучи приити до справы, утекати начал на конех презъ Днепр вплав, против Канева, и потонуло козаков его и Ляхов десять тысяч и сколко сот, отбегши всего табура; а хто не успел утикати, тих Москва побии»¹⁵⁸.

Самойло Величко писал о Хмельницком и Каневской битве, что «войско его Козацкое, также жолнерство Польское и Немецкое, от короля Казимера присланное, не могучи против Ромодановского и Сомка постояти... невоздержим стремлением, аз крайним жизни своей отчаянием, все кинулося в Днепр, такую нещасливою навигацией чаючи спастися от погибели своей тогдашня...». По словам Величко, многие спаслись, переплыв Днепр, но иные, тоже «многие бедные в глубинах Днепровых» потонули. Их тела Днепр выкинул

Шестифунтовая немецкая полевая пушка. Гравюра ок. 1660 г.

на свои берега, «птицам небесным и зверям земным» на растерзание. Они лежали по днепровных берегах, «тлеюще непогребенни» от 16 июля до 1 сентября. С этого несчастливого побоища Хмельницкий едва сам успел убежать в Чигирин с некоторою старшиною, переправившись под Каневым через Днепр¹⁵⁹.

Неизвестный автор «Виршованной хроники» (1682) дает образную и трагическую картину гибели массы казаков, беспорядочно бросившихся в реку. При попытках ее переплыть «больше их потонуло нежели выплыло». От множества шапок, которые плыли по течению, «зацвел Днепро славный». От большого числа тонувших и барахтающихся лошадей «рыбы были выброшены на берег». Те, кто смог добраться до берега, вылезли из воды безоружными, ранеными, голыми и замерзшими, укрываясь вместо одежды соломой, сеном и мхом. Многие из тех кого «вода не взяла», позднее «в дороге померли»¹⁶⁰.

Софонович отметил, что Хмельницкий, узнав о подходе Ромодановского и Сомко, «одступил от Переяславля и сталъ противъ Канева». Тамъ его войско Ромодановский «розбилъ и много козаковъ у Днепра потонуло». Сам Хмельницкий со старшиною «човнами (челнами. – И.Б.) поперепливали, все покидавши»¹⁶¹.

Летопись Григория Грабянки сообщает следующие детали битвы, также оценивая потери проигравших в 20 тыс. чел. Возле Днепра Ромодановский и Сомко настигли стан Хмельницкого и ударили на него. Хмельницкий спер-

ва бился отважно, но когда увидел, что «орда кидает його, відступив у свій табір». Русское войско и казаки Сомко «на плечах воїнів Хмельницкого увірвалося в табір, здобуло його, забрало припаси, а самого Юрка та його козаків погнало до Дніпра, де багато з них так і загинули, не добігши до води. Тільки німецька піхота, засівши в окопах, відбивалася доти, доки вся не полягла один поверх другого». Гетман, «втративши двадцять тисяч козаків і поляків»

Литавра. XVII век. Государственная Оружейная палата Московского Кремля

и бросив «свій табір», «з невеличким загоном (отрядом – И.Б.) едва утек в Черкасы»¹⁶².

Анализируя сведения Мартина Майера о битве в «Theatrum Europaeum», сразу следует сделать замечание, что автор смешивает бои под Переяславом во время осады города (а именно поражение Я. Сомко) и описание Каневской битвы. Рассказ Майера о самой битве довольно краток и выглядит следующим образом: «Между тем прибытие со всеми основными силами войск Ромодановского смешало все карты, и два дня стороны бились настолько сильно и серьезно, что много погибших осталось на городских стенах(?). Хмельницкий под конец, утратив 2 полка, которые ему изменили и отступили с передачей 27 полевых пушек врагу, должен был с теми, кто остался, спастись в волнах Днепра. Так пострадали польские войска и литовская армия, больше 2000 человек плавали в собственной крови,

а также 6000 казаков, не преодолевших днепровского течения, потонули в муках»¹⁶³. Под «литовской армией», вероятно, следует понимать роту, присланную князем Радзивиллом, ибо никаких других частей ВКЛ у Хмельницкого не было.

Цифры Майера о потерях казаков и поляков представляются нам наиболее близкими к истине. Оценку летописцев в 10–20 тыс. чел. погибших в данном случае следует отнести к области мифов и легенд. Вероятнее всего, Майер имел доступ к каким-то листам Юрия Хмельницкого с докладом королю о реальных потерях. Проверить его данные о потерях казацкого войска (6 тыс. из 14 тыс. чел., или больше 40%) не представляется возможным из-за отсутствия соответствующих документов казацкого лагеря. Однако, благодаря сохранившимся польским документам, можно проверить сведения о гибели 2 тыс. поляков, что в целом позволит дать оценку степени достоверности информации Майера.

Оборонительный бой казаков.

Рисунок из книги Е.А. Разина «История военного искусства»

Согласно данным из статьи польского историка Я. Виммера¹⁶⁴, в 3-м квартале 1662 г. из коронных компутов полностью исчезают 12 конных хоругвей из тех, что были в полках Хлопидкого и Ельского на Украине (в скобках указано число коней по компуту). Это казацкие хоругви: С. Горского (94), Р.А. Ельского (84), Л. Россудовского (113), С. Детеинецкого (92), Е. Рушица (76); татарские: А. Талковского (108), М. Куминовича (111), А. Сулеймановича (118); валашские: С. Пражмовского (105), С. Михалевича (112), Ю. Радановича (73). Кроме того, известно, что ротмистру А. Ставицкому, командовавшему валашской хоругвью (220), в 1663 г. дали татарскую хоругвь. В сумме это дает 1306 коней.

В списках Я. Виммера есть еще 6 казацких хоругвей, которые исчезли в 3-м квартале 1662 г. из состава коронной армии, а именно: Анджея Острогоро (Andrzeja Ostroroga, star. garwolińskiego, pod d-twem Samuela Kożuchowskiego – 90), Стефана Линевского (Stefana Liniewskiego, chorążego parnawskiego – 95), Кшиштофа Жегоцкого (Krzysztofa Żegockiego, podkomorzego poznańskiego – 85), Теодора Шандаровского (Teodora Szandarowskiego,

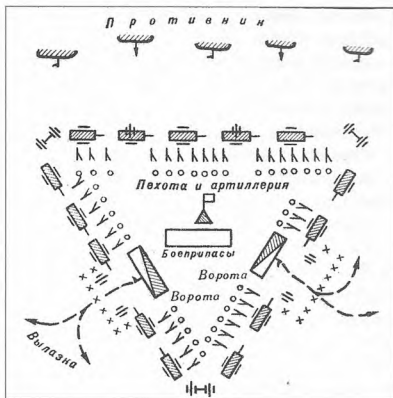

skarbnika braclawskiego – 47), Александра Жолкевского (Aleksandra Żółkiewskiego – 78) и Казимежа Прусиновского – 61). Возможно, 4 из названных пришли к Переяславу с полками С. Веверского и также были разгромлены в Каневской битве.

При любом раскладе к тысяче убитых драгун Веверского (в этом источники единодушны) следует добавить примерно тысячу погибших воинов из польских конных хоругвей, поскольку по всем описаниям участников битвы и современников оставшиеся в лагере Хмельницкого бойцы были полностью истреблены. В дополнение к этому можно вспомнить как утонувших, так и перебитых селянами жолнеров во время бегства последних. Таким образом, можно сделать вывод, что данные Майера о 2000 «погибших поляков» представляются наиболее достоверными данными из всех имеющихся в нашем распоряжении источников, что повышает степень достоверности других сведений названного автора о потерях войска Хмельницкого, а именно о гибели 6000 казаков. Следует лишь оговориться, что отсутствие среди убитых и плененных преставителей высшей старшины казацкого войска может означать лишь то, что они первыми бежали с поля битвы и сумели спастись (вероятно, на лодках) на другом берегу Днепра, в отличие от значительного числа утонувших рядовых бойцов.

Что касается потерь крымских татар, то о них ничего неизвестно. Видимо, они были незначительны, так как ордынцы покинули поле боя фактически в начале битвы.

В «Дворцовых разрядах» имеется запись о том, что «июля в 30 день, в село Коломенское, пригнали к Государю, из Черкаскаго города Канева, из полку от окольного и воевод от князь Григорья Григорьевича Ромодановскаго с товарищи сеуншики: от окольного и воеводы от князь Григорья Григорьевича Ромодановскаго пригнал сын его, стольник князь Андрей княж Григорьев сын Ромодановской, от товарищей его, от стольников и воевод от Петра Дмитриева сына Скуратова да от Михайла Богданова сына Приклонского, пригнал голова стрелецкой Клим Алексеев сын Иевлев, а отписки с ним розные от воевод, ото всякого своя отписка, что ходил он окольный и воевода с товарищи своими и с его

Лагерь запорожцев. Рисунок из книги Е.А. Разина «История военного искусства»

государевыми ратными людьми на изменника Юраска Хмельницкого и на черкас, и милостью Божию, а его государевым счастьем, Черкас побил и Юраска из обозу побежал сам-третей, а достальные люди сели в окопе и он приступал и обоз совсем взял, а в обозе наряду взято 22 пушки»¹⁶⁵.

По свидетельству Осипа Коковинского, «Юраску и польских и немецких полковников и татар и изменников черкас побили на голову, и обоз и всю войсковую гармату и бунчуки и литавры и знамена и наметы поимали». Волконский писал в Москву, что Коковинского послал царю с отпиской о битве потому, что «он Осип на том бою был...»¹⁶⁶.

Согласно росписи взятых в битве под Каневым «языков», отличились не только рядовые, но и начальные люди. Сын воеводы Петра Скуратова – Григорий – взял в плен двух польских шляхтичей. Полковник Федор Вормзер пленил квартирмейстера Юрья Кристафора Фанметернихта и прапорщика, подполковник Григорий Полтв – одного польского шляхтича, майор Юрий Пальг – одного поляка и одного казака, майор Иван Дромант привел трех плененных, взятых его солдатами. Голова донских казаков Марко Лутовинов – трех шляхтичей, «копейнова строю первыя роты» поручик

Пригорий Шеншин – одного поляка Семена Урбанова (Урбановича). Писарь Нежинского полка Захар Шийкеев взял в плен «немчина капитана Данила Вымера». Кроме того, известно, что подполковник Данила Шульц был взят в плен рядовым рейтаром.

В целом общее количество пленных и сведения о том, кем они были пленены, нагляднее представить в таблице¹⁶⁷. Табл. (9)

Сколько пленных досталось в руки казаков Яким Сомко, неизвестно, но, как писал П. Гордон, все они были отпущены по домам своими «собратьями» (без подсчета их количества) – вероятно, этим обстоятельством можно объяснить столь малое число учтенных. Лишь Ю.А. Мыцык приводит невероятную страшную историю о якобы имевших место зверствах над пленными, которых «раздели догола и бросили голыми в камыши, где их насмерть заедали оводы и комары», ссылаясь на комментарии неизвестного летописца, редактировавшего хронику Ф. Софоновича¹⁶⁸.

В дополнение вопроса о людских потерях следует также упомянуть вымышленную историю неизвестного автора «Истории русов» о том, что в составе войска Хмельницкого якобы находилось тысяча донских казаков, которых «перетопилоя бильше як тысяча человек»¹⁶⁹. Это сообщение не подтверждается

ни одним документом, не говоря уже о том, что в указанном конфликте донские казаки всегда воевали на стороне Москвы.

Ромодановский отправил в Москву под конвоем драгунского строя капитана-поручика Данилу Вымера и поляка Урбановича. Князь сообщал, что «после тех боев мы стоим у обозу, где стоял Юраско Хмельницкой и будем промысл чинить за Днепр... А большие государь, пушки и знамена и литавры и языки пришлем вскоре»¹⁷⁰.

В результате битвы в руки победителей попало необычайно большое количество неприятельских знамен – 117 штук. С подсчетами трофейных знамен, вскоре отправленных в Москву, даже произошла неувязка. 2 сентября 1662 г. сын боярский Я. Филимонов, привезший их в столицу, был даже допрошен по факту недостачи трофеев. В отписке Ромодановского указано, что «послано к Москве взятых сто семнадцать знамян, а он Яков привез к Москве бунчуков на древках, девяносто восемь знамен, а тринатцать древок без знамян, да против отписки (Ромодановского. – И.Б.) недостает к Москве шти (шести. – И.Б.) знамян». В распросе Филимонов сказал, что привез как раз то количество знамен, сколько он получил от воеводы, без потерь: «камчатых и тавтяных и дорогильных и кумашных и з бунчуком на древках 98 знамян, да 13 древков без знамян,

Таблица 9

Пленные из состава войска Ю. Хмельницкого, захваченные под Каневым

Служилые люди, взявшие пленных	Пленные:					ВСЕГО
	поляки	немцы	казаки	татары	волохи, сербы	
Полк Ромодановского:						
Копейщики	8	2	5	3	0	18
Рейтары	7	7	0	0	0	14
Сотенные	2	1	0	0	1	4
Солдаты	1	6	1	0	0	8
Донские казаки	2	1	0	0	0	3
разных полков ратные люди	6	0	1	1	0	8
Нежинский полк	2	4	0	2	0	8
Всего	28	21	7	6	1	63
Полк Волконского и Переяславский полк	10	2	6	0	3	21
Всего	38	23	13	6	4	84

в том числе на одном древке было знамя до-
рогильное и то все изодрано, а остался того
знамени лоскуток небольшой»¹⁷¹. Чем закон-
чилась проверка по данному поводу, неиз-
вестно, но скорее всего 6 недостающих знамен
были настолько сильно повреждены, что князь
предпочел не посылать их царю, а оставить
в Белгороде. В РГАДА удалось найти начало
описи трофейных знамен: «Знамя тафтяное
сахарной цвет поизбилося, знамя тафтяное
желтое поизбилося, знамя тафтяное осинового
цвет новое, знамя тафтяное красное поизби-
лося, знамя тафтяное зеленое поизбилося, зна-
мя кумашное красное новое...»¹⁷². В Москву
с Я. Филимоновым «со взятыми языки и зна-
мены и пушки» послано 70 чел. для их сопро-
вождения и охраны.

Что касается трофейной артиллерии, то
из-за нее возник серьезный конфликт между
Ромодановским и Сомко, сильно испортив-
ший и без того не слишком хорошие отно-
шения двух предводителей. Как жаловался
в письме царю епископ Мефодий, «неправда
Сомкова показала». Трофейные пушки, ко-
торые «в таборе у твоих, великого государя,
неприятелей» русские ратные люди отбили,
взяли под охрану. Караул «у тех пушек сто-
ял небольшой», поскольку бой еще не закон-
чился и князь Ромодановский с противником
еще «не управился». Воспользовавшись этим,
Сомко, «пришед с своим полком, те пушки из-
за караулу у ратных людей без ведома твоего
государева окольничего... отнял и отпровадил
к себе в Переяславль»¹⁷³.

В своем отчете о трофейных пушках Ромо-
дановский писал следующее: «которые, госу-
дарь, взяты были медные и железные пищали,
как побили Юраску Хмелницкого, и с тех пи-
щалей взял в Переяславль гетман Яким Самко
четырнадцать пищалей, да нежинскому полков-
нику Василию Золотаренку дано (Ромоданов-
ским. – И.Б.) две пищали, да в полки Сумской да
Острогожской по пищали, а большие три пушки
послали мы... к Москве»¹⁷⁴. Число трофейных
пушек, отправленных в Москву, подтверждает-
ся другим документом. Согласно ему, посланы
в Москву «3 пушки в станках и на колесах, да
у тех же пушек по 6 шлей у пушки...»¹⁷⁵.

По описи 1664 г. оружия в Переяславе, в ар-
сенале было обнаружено «наряду изменника

Юраска Хмелницкого, как он побит от велико-
го государя ратных людей под Переяславлем,
взято 10 пушек медных да 2 пушки железные
затинных...»¹⁷⁶.

Перейдем к вопросу о потерях русской ар-
мии в Каневской битве. В РГАДА сохранился
документ, определяющий точный урон царско-
го войска. 18 июля 1662 г. князь Ромодановский
сообщал царю «о побое Юраски Хмелницкого
изменников черкас и ляхов и немец», что после
того бою он провел смотр ратных людей, и по
тому «смотру побито твоих великого государя
ратных всяких чинов людей дватцать четыре
человека да ранено сто пятьдесят семь человек,
а хто, государь, имяны на том бою ратные люди
побиты и ранены, их имяны к тебе великому го-
сударю пришлем вскоре»¹⁷⁷. Отметим, что сюда
не входит число погибших из слободских казац-
ких полков, поскольку они считались отдельно.
Сумцы и острогожцы принимали активное уча-
стие в битве. Полковник Острогожского сло-
бодского полка Иван Дзиньковский (Зинков-
ский) позднее писал в челобитной царю, что как
князь Ромодановский «побил твоего государе-
ва изменника Юраску Хмелницкого и ляхов,
и немцов, и черкас и на том бою я... изранен из
мушкета в правое плечо...»¹⁷⁸.

К сожалению, не сохранилось сведений
о потерях войска Сомко, а они, вероятно, были

Обозная телега с легкой пушкой. XVII в. Реконструкция

значительнее, поскольку переяславский полковник атаковал неприятеля первым. Возможно, Сомко потерял убитыми сотню-другую своих бойцов. Левобережные казаки также хорошо показали себя в битве. Согласно отписке участника боя Осипа Коковинского, Сомко «со своими козаками на бою был и приводил пехоту к табору Хмельницкова... бился с неприятelmi крепко, служил тебе государю верно; и Нежинской полковник Василей Золотаренок с своим полком был на бою тут же, и все полки Черкасские бились крепко, служили тебе государю верно»¹⁷⁹.

На наш взгляд, общий безвозвратный урон победителей можно оценить в две-три сотни бойцов, тогда как противник потерял 8000 убитыми и утонувшими. Такие малые потери убитыми победившей стороны не такое уж редкое явление для крупных сражений той эпохи¹⁸⁰. Как известно, наибольший урон проигравшая сторона обычно несла при массовом бегстве бойцов с поля битвы в случае преследования конницей противника, а также при попытках бегущих переправиться через реки.

В нашем случае полагаем, что большая часть казаков Хмельницкого и поляков погибли не на поле битвы, а как раз при неудачной попытке переплыть Днепр¹⁸¹.

Епископ Мефодий в письме царю превозносил победу под Каневом в следующих выражениях: «И ныне твоим, великого государя, счастьем, не только что твои, великого государя, изменничьи Заднепрские черкасские городи от таковой на них преславной победы напал страх и трепет великий, но и польскому королю ведомость о том коли придет, то король и вся Польша вострепещет и убоятца...»¹⁸².

После победы Яким Сомко сообщил Осипу Коковинскому, что «Каневской полк и Белоцерковской и Корсунской и Черкасской добивают челом» государю и хотят под его «государеву высокую руку». Сразу после этого он послал «полковника Лизагуба в Канев, что быть ему по прежнему в Каневе полковником и приводить к кресту Каневской полк». Сомко также «послал листы за Днепр к полковником и черни», чтобы «сдавались без крови»¹⁸³.

ПОХОД М. ПРИКЛОНСКОГО НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ И БОЙ ПОД БУЖИНЫМ 3 (13) АВГУСТА 1662 Г.

Итак, в июле 1662 г. попытки Хмельницкого захватить Переяслав закончились сокрушительным разгромом его войска в битве под Каневым. Русские под началом кн. Г.Г. Ромодановского и казаки Я. Сомко добились решающей победы над противником. По признанию проигравшей стороны, в сражении погибло и утонуло в Днепре 6 тыс. казаков Юрия Хмельницкого и 2 тыс. поляков. Тяжелое поражение Хмельницкого привело к развалу его армии, остатки которой разбежались по домам. Согласно выводу историка А.И. Маркевича, с которым можно согласиться, Хмельницкий под Каневом «чуть не погубил всего своего войска, он потерял бы Чигирин, если бы ему не помогли татары»¹⁸⁴. Гетман полностью утратил авторитет военачальника в среде казаков, многие из них не желали служить под его знаменами.

Польский король Ян Казимир в то время не смог направить на Украину значительные воинские силы для поддержки своего ставленника. У русского командования появился реальный шанс перенести боевые действия на правый берег Днепра, взять столицу Гетманщины – Чигирин – и добиться перехода правобережных полков на сторону Москвы.

Однако, помня о тяжелом Чудновском поражении 1660 г. от поляков и крымских татар, русское командование не спешило бросать в бой все находящиеся на Украине войска, а направило за Днепр лишь часть имеющихся в распоряжении сил. Их задача состояла в том, чтобы привести к присяге царю приднепровские казацкие полки Правобережья, все еще сохраняющие верность Хмельницкому. На походе за Днепр решительно настаивали давний сторонник Москвы епископ Мстиславский

*Андрей Иванович Приклонский,
посол в Иран (1673 г.) – родственник
воеводы М.В. Приклонского.
Персидская миниатюра XVII в.*

и Оршанский Мефодий и нежинский полковник Василий Золотаренко. Следует напомнить, что сразу после победы над Хмельницким Яким Сомко оставил в Каневе полковником своего сторонника Ивана Лизогуба, т. е. земли Каневского полка к этому времени стали плац-

Ремень с банделерами. XVII в.
Калужский краеведческий музей

дармом для развития наступательной операции Москвы на правом берегу.

Совместным действиям русских войск и казацких полков Левобережья мешал конфликт между Якимом Сомко и Василием Золотаренко, которого активно поддерживал епископ Мефодий. Мефодий и Золотаренко настраивали против Сомко и Ромодановского, сообщая князю ложные слухи о якобы готовящейся измене Сомко. Не доверяя последнему, Ромодановский писал царю, что «гетман Еким Самко» отказался идти с ним в поход на правый берег, «перешед Днепр стал в Каневе, и полковники, которые с ним единомышленники, остались с ним же». По словам воеводы, «раденья» от Сомко государю и «промыслу над заднепрскими городами никакова нет»¹⁸⁵. Когда впоследствии русские заняли Черкассы, Яким Самко «ис Канева пошел к себе в Переяславль». Со слов Ромодановского, с ним тогда находились лишь «Нежинский полковник Василей Золотаренко да Платавской Демьян Гуджел с полки». Князь писал, что не в пример Якиме Сомку, они «государю служат верно»¹⁸⁶.

Н.И. Костомаров, следуя за «Летописью Самовидца», излагает эти события совершенно иначе, обвиняя Ромодановского в том, что это он не взял с собой в поход Сомко. Враги Сомко – епископ Мефодий и Золотаренко – стали советовать Ромодановскому оставить

Сомко в Каневе, требуя «немедленно идти за Днепр. Они рассчитывали, что война закончится без Сомка, и таким образом кредит его безвозвратно подорвется у царя. Ромодановский, ненавидя Сомка, послушал их и двинулся, не сказав ничего об этом Сомку. Последний, узнав, что воевода и прочие козаки вышли, сам наскоро собрался и торопился догнать Ромодановского, но не успел. Ромодановский встал в Богушевке над Днепром, отправил на другой берег стольника Приклонского с значительным отрядом московских людей и казаков, а сам с остальным войском пошел далее вниз, по левому берегу Днепра»¹⁸⁷.

Самовидец, с большой симпатией пишущий о храбром и авторитетном в казацкой среде Якиме Сомке, вероятно, отчасти прав. Отметим лишь, что Сомко сам дал повод Ромодановскому к обиде на него, присвоив трофейные пушки, взятые русскими под Каневым. Однако в данном случае установить, по чьей вине Сомко не пошел за Днепр, очень сложно. Епископ Мефодий и Золотаренко, интригуя против Сомка, сделали все, чтобы посеять недоверие к нему. Согласно летописцу, Ромодановский, «не ожидаячи приезде Сомкового з Переяславля рушил з войсками московскими, при котором и Васюта з полком Нежинским пойшол, иные усе полки зоставивши, до которых Сомко приехавши, аже не застал князя, до Канева рушил», т. е. повернул обратно¹⁸⁸. Примерно так же этот конфликт описывает Г. Грабянка¹⁸⁹. С. Величко ничего не говорит о сложных отношениях Ромодановского и Сомко, ошибочно полагая, что казаки Сомко были в походе к Бужину вместе с русскими¹⁹⁰. Неучастие в походе за Днепр Сомко с Переяславским полком привело к тому, что некоторые полковники – его сторонники, также проигнорировали предстоящую кампанию. Черниговский, Прилуцкий, Лубенский, Миргородский и другие полки Левобережья остались на своих местах.

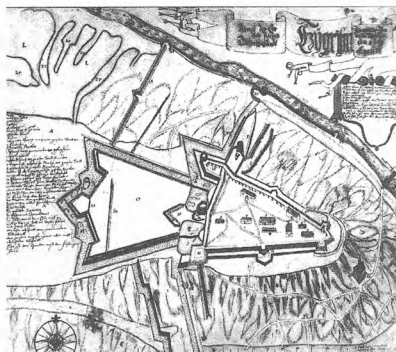
24 июля 1662 г. Василий Золотаренко со своими казаками переправился через Днепр и двинулся к Корсуни. Вместе с Золотаренко был послан отряд из Белгородского разряда: пешего солдатского строя подполковник Григорий Спешнев с солдатами (из полка Я. Инвалта) и рейтарского строя майор Петр Стромичевский с рейтарами (из полка М. Го-

та)¹⁹¹. Золотаренко должен был занять Корсунь и привести ее жителей к присяге царю. Вскоре этот город без боя перешел на сторону Москвы. Полковником Корсунского полка был поставлен Степан Золотаренко. В то же самое время в Черкассы, также с целью присяги царю, был направлен подполковник Любим Вязевский (из полка В. Кормихеля)¹⁹².

25 июля Днепр форсировали основные силы русского отряда, отправленного на Правобережье, под началом стольника и воеводы Михаила Васильевича Приклонского. Названный воевода был полковым товарищем командующего армией Белгородского разряда – князя Григория Григорьевича Ромодановского.

Приклонский Михаил Васильевич (по прозвищу отца – Богданович) первоначально имел дворцовый чин стряпчего, а в 1649 г. получил чин стольника. В мае 1659 г. он был поставлен «осадным воеводой» в Белгород. В феврале 1660 г. отозван к Москве, но 29 апреля 1662 г. назначен в полковые воеводы, в товарищи к старшему воеводе кн. Г.Г. Ромодановскому, на место третьего воеводы кн. Б.Е. Мышецкого¹⁹³. Из сохранившихся документов трудно судить о боевом опыте и военных способностях Приклонского. До 1662 г. нет сведений о том, чтобы ранее он командовал отдельным тактическим соединением. Известно лишь, что как третий воевода он принимал участие в разгроме войска Ю. Хмельницкого под Каневым¹⁹⁴. Тем не менее Разрядный приказ доверил Приклонскому руководство авангардными силами в предстоящей наступательной операции, вероятно, считая его способным справиться с поставленной задачей. В Белгород Приклонский прибыл прямо накануне похода к Переяславу 2 июня 1662 г.¹⁹⁵.

Согласно «Росписи перечневой», после Каневской битвы во второй половине июля 1662 г., к Ромодановскому прибыли подкрепления. В его лагерь «приехали после бою Юраски Хмельницкого» следующие служилые люди: 6 есаулов, 1 завоевочник и 24 начальных человека, 260 копейщиков и рейтар, 527 драгун, 46 солдат, 30 донских казаков. Таким образом, во второй половине июля 1662 г. войско Ромодановского увеличилось на 894 человека¹⁹⁶. Среди прибывших были рейтарский полковник Индрик Тур, драгунский полковник Адам Эль и полковник солдатского строя Олферий

*Крепость Чигирин в 1678 г.
Рисунок из дневника П. Гордона*

Выберх, временно заменивший, вероятно, отсутствующего О. Спешнева. С другой стороны, с учетом ухода переяславского отряда (3000), ранее присланного Волконским обратно в Переяслав, количество воинов в полевой армии увеличилось менее чем на тысячу.

В сохранившейся отписке Ромодановского царю, опубликованной Н.Н. Петровским, указано число рот и шквадрон, посланных с Приклонским, но не во всех частях обозначено точное число бойцов¹⁹⁷. Согласно «Росписи перечневой» за Днепр ходили 86 голов, есаулов, завоевочников и начальных людей; 1900 копейщиков и всех полков рейтар; 560 драгун, 1239 солдат, 246 донских казаков и 200 стрельцов¹⁹⁸. Соединив данные двух источников, можно точно определить состав и численность отряда М.В. Приклонского. Всего у него был 4231 боец. (Табл. 10)

По прибытии в Черкассы Приклонский должен был соединиться с драгунами подполковника Любима Вязевского, а затем «промысл чинить» над городами той стороны Днепра, которые откажутся присягнуть царю¹⁹⁹. Поэтому к указанному числу следует также добавить драгун Вязевского (около 570 чел.). Кроме этого, из позднее написанной челобитной сотника Острогожского полка Федота Манкова следует, что в походе за Днепр участвовали и острогожские свободские казаки²⁰⁰. Поскольку

Полк М.В. Приклонского в походе на правый берег Днепра 25 июля 1662 г.

Служилые люди и их командиры	Из какого соединения	Кол-во чел.
Головы, есаулы и начальные люди	Все полки	86
Копейщики (3 роты) майор Т. Шеншин	Копейный полк Л. Копнина	1900
Рейтарская шквадрона полковник И. Тур	Рейтарский полк И. Тура	
Рейтарская шквадрона подполковник Г. Полтев	Рейтарский полк М. Гопта	
Рейтарская шквадрона подполковник А. Тур	Рейтарский полк Л. Отмуста	
Рейтарская шквадрона майор И. Оберберх	Рейтарский полк П. Скаржинского	
Драгунский полк подполковник Е. Кро	Драгунский полк А. Эля	560
Солдаты (3 роты) подполковник А. Шниттер	Солдатский полк Я. Лесли	300
Солдаты (3 роты) майор Ю. Пальт	Солдатский полк Я. Инвалта	300
Солдаты (3 роты) майор С. Зуев	Солдатский полк О. Выберха	300
Солдаты (2 роты) майор Г. Биуров	Солдатский полк Д. Графа	200
Солдаты (139 чел.) капитан П. Шеншин	Солдатский полк Я. Фанзагера	139
Стрельцы (2 сотни) сотники	Стрелецкий приказ К. Иевлева	200
Донские и орешковские казаки М. Лутовинов	Ертаульный полк	246
Всего		4231

ку Ромодановский не упоминает об острогожцах, их вряд ли было много, вероятно, не более сотни. Общую численность отряда воеводы М.В. Приклонского следует определить примерно в 4900 чел. Итого, все русско-казацкие силы М.В. Приклонского и В. Золотаренко (из расчета не более 3000 нежинцев), перешедшие Днепр в конце июля, не превышали 8000 чел.

В «Летописи Самовидца» сказано, что когда Ромодановский направил Приклонского за Днепр, его обоз находился в «слободце Богушковой» (по Н.И. Костомарову – Богушевка). С учетом данных за июль 1662 г. можно определить, что после отправки за Днепр отряда М.В. Приклонского князь располагал примерно 7500 чел. Полтавский полк, вероятно, сразу

после получения вестей о приближении татарской орды был отправлен на защиту Полтавы еще до похода за Днепр, поскольку сведений о его участии в боях найти не удалось.

27 июля Приклонский занял Черкассы, откуда послал под Смелу (в отписке – Смелое) копейные роты под началом Т. Шеншина. Жители Смелы сдались Шеншину без боя. 29 июля Шеншин овладел Константиновым. Константиновские казаки, сторонники Хмельницкого, побежали к Лебедину лесу. Шеншин захватил в лесу их таборы и «многих побил». За оказанное сопротивление городки Константинов, Баклеев и Орловец были выжжены. После этого сдалось местечко Белозерцы²⁰¹, жители которого присягнули царю.

31 июля Ромодановский с основными силами выступил из своего лагеря под Черкассами на левом берегу Днепра и пошел вдоль реки по течению. В тот же день он достиг перевоза через Днепр у Бужина. Одновременно князь приказал Приклонскому двигаться к Бужину по другому берегу. По плану командующего, Приклонский должен был занять Бужин и обеспечить переправу основных сил. Как писал царю Ромодановский, «над Чигирином чинить промысел станем»²⁰². Воевода предусмотрительно не форсировал Днепр основными силами, поскольку получил сведения от пленных о том, что идет к гетману «на споможенье салтан с ордою»²⁰³.

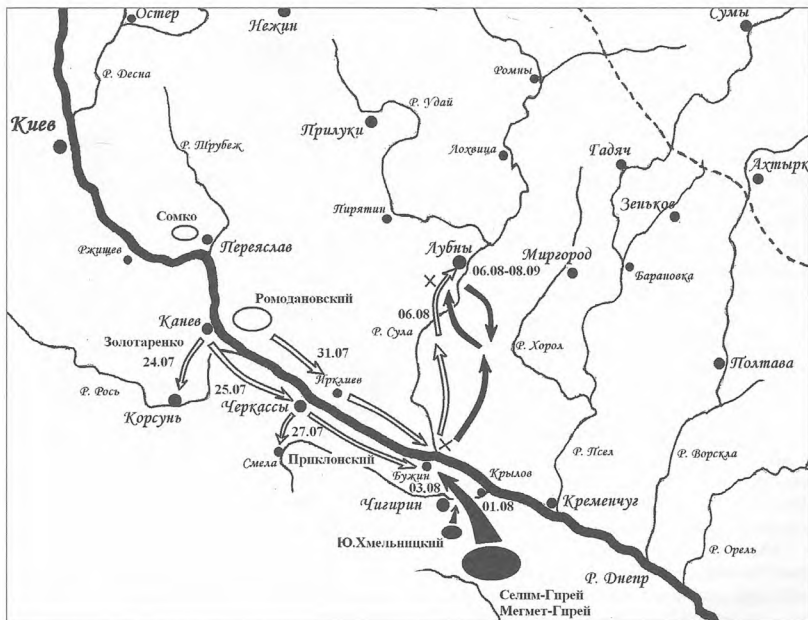
Черкассы сдались Приклонскому без боя. Полковником в Черкасском полку был поставлен Михаил Гамалея, с которым, согласно Самовидцу, оставили немного «Москвы». Далее Приклонский двинулся по правому берегу

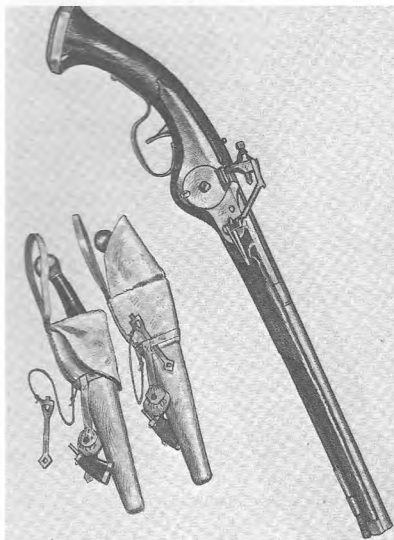
реки к Чигирину, а Ромодановский «сим боком Днепра» также пошел вниз по течению и «противно Бужина стал над Круковом»²⁰⁴. В данном случае имеется в виду местечко Крюков на левом берегу Днепра.

В результате первого этапа похода Приклонского Корсунский и Черкасский полки перешли на сторону Москвы. С учетом Каневского полка, ранее присягнувшего царю, к началу августа 1662 г. русские войска и левобережные казаки контролировали территории уже трех казачьих полков Правобережья. Следующей целью должен был стать Чигирин. Этот город являлся гетманской столицей, и овладение им имело важное военно-политическое и моральное значение для сторонников Москвы на Украине.

В поисках спасения Хмельницкий побежал к татарам. Известный автор «Виршованной хроники» (1682) писал, что после Каневского разгрома Юрась, «взяв гроши из скарба, загнал коня, мчав галопом до орды хана, умоляя о помощи». Немного ожидая, он «сильную орду по-

Кампания на Украине 24.07–08.09.1662 г.

Пистолет и седельные ольстры (кобуры) XVII в. Современный рисунок

лучил» и «кликнувши клич» своим, кто остался, «повел их против москвитов»,²⁰⁵. Вероятно, в это время к Чигирину прибыли Подольский и Брацлавский полки, не принимавшие участие в битве под Каневым.

Второй этап похода Приклонского на Правобережную Украину, целью которого было взятие Чигирина, закончился поражением русского отряда от крымско-татарского войска. Для начала рассмотрим описание хода этой кампании в опубликованных записках участников и современников тех событий.

Как уже было отмечено выше, первоисточником, повествующим о «великой победе» гетмана Юрия Хмельницкого над неприятелем, стало его письмо королю Яну Казимиру от 11 августа 1662 г. Фрагмент письма, относящийся к данному сражению, стоит привести полностью:

«Хан, его милость, храня клятвенно братство с вашей королевской милостию, по настоятельной моей просьбе и крайней нужде, хотя и не скоро, прислал их милости, салтанов Се-

лим-Гирея и Мегмет-Гирея, с великими ордами на помощь против неприятеля; однако, по счастью величества вашей королевской милости, при доброжелательстве его милости хана и храбрости их милостей салтанов, Господь Бог благословил намерения наши. Ибо во-первых, под Крыловым, первого Августа по старому стилю, мы совершенно уничтожили больше трех тысяч Москвитян и Дейнеков; взяли две пушки, всю военную амуницию и много знамен. В другой раз, 3-го Августа, десять тысяч отборного Московского войска, которое Ромодановский вел в наши страны к Чигирину, погибло с лагерем под Бужином; мы взяли семь царских пушек, огромное количество хоругвий, барабанов и разных войсковых снарядов...»²⁰⁶.

Более подробную информацию, в основу которой легла реляция Хмельницкого и, веро-

Худ. Р. Кнётель. Немецкий мушкетер 60-х годов XVII в.

ятно, иные сообщения из гетманской ставки, можно найти в описании боев под Крыловым и Бужиным Мартином Майером в «Theatrum Euoraeum». Так, рассказ Майера об этом бое, в изложении украинского историка Е.В. Литвиненко, выглядит следующим образом: «гетман со своими полками втайне двинулся под Крылов, город, который московиты осаждали и все еще брали приступом, и как только настала ночь, примерно 1000 татарских всадников напали на укрепления неприятеля». Е.В. Литвиненко, со слов Майера, указывает неверную дату: «Хмельницкий неожиданно напал на обоз московитов 30 июля (9 августа) 1662 г. Победившей стороне достался весь обоз и три пушки. Отечественные (т. е. украинские. – И.Б.) источники, описывая поход Хмельницкого на Крылов, про это не сообщают»²⁰⁷.

Бой под Бужиным, согласно Мартину Майеру, происходил таким образом: «На следующий день (после боя под Крыловым) Хмельницкий и несколько тысяч татар двинулись далее вперед и смело атаковав размещившихся под Бужиным московитов, вынудив их отступить в город, где они защищались на протяжении ночи, но потеряли 3 пушки. Той же ночью Хмельницкий приказал отрезать дорогу на Киев, которую хотели захватить московиты, следуя со своей пехотой вместе с ордой сосредоточив свое внимание на противнике, чтобы он не мог уйти... Одновременно с тем, как московиты утром вышли из Бужина и хотели идти к Днепру, он (Хмельницкий) мощно напал на них, разбив конницу и загнав ее в реку, где также еще при переплывании реки многие были порублены татарами: часть войска нашла свою могилу в Днепре, а часть татары забрали в полон, также было захвачено 6 пушек. Из-за этого холодного купания и сильного кровопролития на Украине московская армия сильно ослабла, поскольку много утратила пленными, так что осталось 18 000...»²⁰⁸.

В хронике Ерлича сообщается, что Хмельницкий, собрав оставшихся у него казаков, отплатил Москве за поражение под Каневом: «Загнал их, имея орды при себе с 40 000 в Днепр; одних убили, других поймали, а третьи сами погибли, пушек взял несколько штук»²⁰⁹. Стоит отметить, что Ерлич не был участником

Кавалерийская атака в XVII в.
Фрагмент гравюры из книги Дж. Крузо. XVII в.

этой кампании, поэтому его свидетельство не заслуживает особого доверия. Тем не менее наиболее интересной информацией у автора является указание на численность крымско-татарской орды.

Игумен одного из киевских монастырей Ф. Софонович, также далекий от военных действий под Бужиным, тоже пишет о больших потерях русских: «Хмельники побегши, найшол орду под Чорним лесом готовую москву перебудил на тои бокъ и много потопил москалей. Тогде ж Канев татаром видал за всем Хмельниченко за тое, гнев на их держачи, же наперед Сомку здалися»²¹⁰. Данное сообщение любопытно указанием на место дислокации орды накануне Бужинского – «Черный лес». Урочище с таким названием, являющееся остатком большого лесного массива, находится к югу от Чигирина.

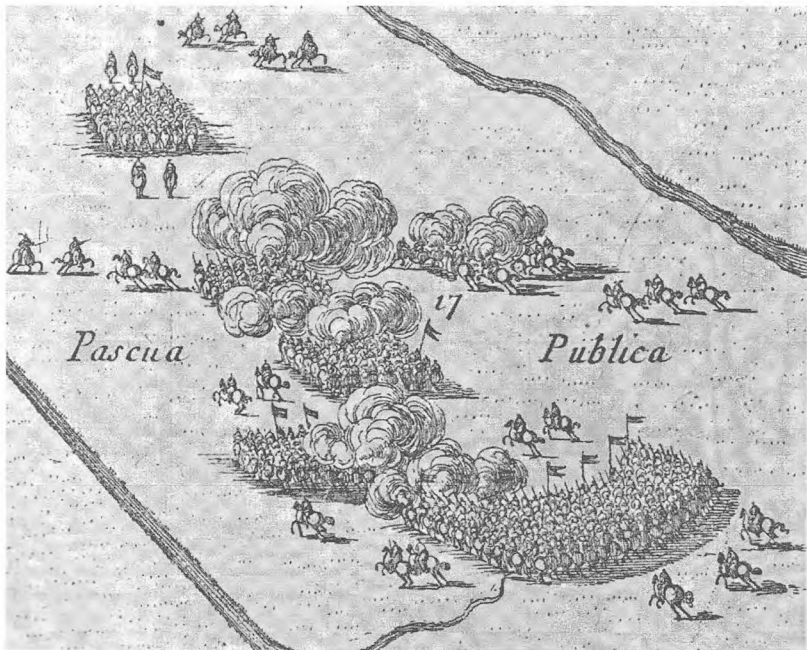
«Летопись Самовидца», которая считается украинскими историками наиболее достоверным нарративным источником, сообщает об

этом бое весьма ценную информацию. Хмельницкий, спешно прибывший в Чигирин, в тот же час послал гонцов за помощью к орде, «его посланцы застали готовую орду в полях, и сразу поспешил салтан, укилканадцять тысячей перебраной орды, пришел до Чигирина. О чем уведомившись, столник Приклонский рушил з Бужина к перевозу, и так оных напала орда, и оборонною рукою до самого перевоза ишли табором и мало що утратили. Тилко ж наш люд несталый, оставивши табор, через Днепр в плынь пойшол, тилко (гармати²¹¹) поромом перевезли, що татаре аж у Днепр за москвою уганяли, але з берега стрелбою з гарमत и дробною оных отбывали, бо вода мала на тот час была. И так, болше не баваячися у Днепра, пойшли с Приклонским к Лубням»²¹².

Обращаем внимание на три момента: первое – Самовидец (вероятный участник похода) отмечает малые потери русского отряда при переправе через Днепр, второе – нестойкость казаков в бою, преждевременно бросивших свой табор и переплывавших реку на левый берег; третье – по словам Самовидца, артиллерию успели спасти от крымских татар, перевезя ее на паромках.

В дополнение к цитированным текстам стоит привести фрагменты летописей Самойло Величко и Григория Грабянки. Хотя указанные авторы не были современниками событий и их летописи написаны уже в начале XVIII в., эти сочинения нередко используются историками для реконструкции событий. Самойло Величко записал, что Хмельницкий, переправившись через Днепр, и «орду з козаками своими совокупивши, встретил их против Бужина, и силній с ними бой учинивши, зломил оние, и як сам прежде под Каневом нагнан, так и их

*Русская конница под Ригой в 1656 г.
Фрагмент гравюры Д. Перетта. XVII в.*

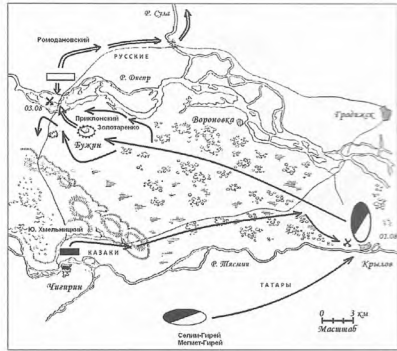
всех, веты за веть, против Бужина в Днепр нагнал и одним, которіи возмогоша чрез Днепр преплынути, а другим (кроме тих, иже от оружія бранного трупом на пляцу падоша) не възбрали потонути»²¹³.

Г. Грабянка сообщает о Бужинском бое следующее: Приклонский «з немалою нуждою и трудом едва оборонною рукою до Днепра прійде. Идеже многіе от ратних его людей, оставивши тамо горячо устроенный табор, воде зело мало в Днепре тогда бывшей, вплавь чрез Днепр плости понуждени, и налегающим вельми на оставшихся тамо в обозе воев, начат Ромодановскій з пушек з сей стороны по неприятелех палити; от чего они принуждени воспяты уступить, и тако едва возможе от напастного Хмельницкого нашествия своих свободити; сам же, не медля более тамо, присвокупивши себе Приклонского, поиде паки в Украину к Лубням и там обоз свой положи»²¹⁴.

Как видно из приведенных цитат, С. Величко излагал события прошлого явно под влиянием реляции Хмельницкого, преувеличивающей успехи гетмана. Описание же Г. Грабянки является вольным пересказом «Летописи Самовидца». Приведенные описания являются вторичными и не могут быть положены в основу для реконструкции хода сражения.

Обратимся теперь к отечественным документам Разрядного приказа – главного военного ведомства Русского государства, где сохранились «отписки» (донесения) воевод и другие материалы о военных действиях лета 1662 г. на Украине. Привлечение отечественных документов позволит избавиться от предвзятого и одностороннего освещения данной военной кампании, свойственного как историкам прошлого, так и современным украинским и польским исследователям.

Прежде всего стоит отметить, что в материалах Разрядного приказа удалось обнаружить лишь одно упоминание о бое русских с татарами и казаками под Крыловым 1 августа 1662 г. Капитан полка Ягана Инвалта Михайло Водашинский, вернувшийся в Россию через год после этих событий, рассказал, что «в прошлом де в 170 году взят он в полон под Крыловым, после бою Хмельниченка, и жил в полону в Цареграде у турченина...»²¹⁵. Согласно Водашинскому, спустя неделю после Каневской

Бой под Бужиным 3 августа 1662 г.

битвы он со своей ротой солдат и кременчугским полковником Дубовиком был послан Ромодановским «на ту сторону Днепра под Крылов»²¹⁶. Со слов капитана следует, что с ротой русских солдат отправился Кременчугский казачий полк Гаврилы Дубовика, численность которого неизвестна.

Водашинский рассказал, что «под Крыловым де был у них бой и на том бою ево Михайла взяли татарова...». Полковник Дубовик, вероятно всего, погиб, поскольку в дальнейшем Кременчугским полком командовал его сын Константин²¹⁷. Маловероятно, чтобы в бою под Крыловым было убито три тысячи человек, как утверждал Хмельницкий, но потери кременчугских казаков могли быть весьма значительны. Рота Водашинского (около 100 чел.), возможно, была истреблена в полном составе. Захваченные пушки (по Ю. Хмельницкому – 2, по М. Маею – 3 орудия), вероятно, принадлежали казачьему полку, поскольку отечественные источники ничего не сообщают о потере орудий под Крыловым. Из документа видно, что под Крыловым был разбиты не русские ратные люди из частей Приклонского, а казачий полк Дубовика и рота солдат М. Водашинского.

1 августа 1662 г. в своей отписке царю Ромодановский сообщал, что он с войском пришел «к Бужину перевозу» т. е. к переправе через Днепр у Бужина. В тот же день с другой стороны Днепра к Бужину подошел Приклонский

Крымско-татарский военачальник.
Польская гравюра середины XVII в.

и «стал в Бужине городе», недалеко от переправы. От табора Приклонского обоз Ромодановского находился «в трех верстах» через реку²¹⁸.

Бужин, город на правом берегу Днепра, находился в 20 верстах к северо-востоку от Чигирина, между песчаными холмами и небольшими болотами. Во время войн XVII в. этот маленький городок был важным военным пунктом по причине находившейся здесь удобной переправы через Днепр. Ныне мы не найдем его на карте Украины. К началу XX в. Бужин значился уже селом Шабельниковской волости Чигиринского уезда Киевской губернии. В 1960 г. село было исключено из учетных данных Тиньковского сельсовета Чигиринского района Черкасской области в связи с затоплением чаши Кременчугского водохранилища. Иными словами, в XX столетии поле многих кровавых битв навсегда скрылось под глубокими водами широко разливавшегося Днепра.

2 августа, по словам Ромодановского, «пришли под Бужин татаровя и поднестриьские

казаки и волохи многие люди» и напали на отряд Приклонского. Воевода дал им сражение, и «за городом были с ними бои большие во весь день до вечера»²¹⁹. Из данного сообщения следует, что кроме татарского отряда и валахов у Юрия Хмельницкого были только казаки с берегов Днепра. Определение «поднестриьские» может означать, что гетманское войско состояло максимум из двух казацких полков – Подольского и Брацлавского, поскольку из всего Войска Запорожского только у двух этих полков административно-территориальные границы частично проходили по р. Днепр. Других источников о составе гетманского войска нет, поэтому можно согласиться с утверждением В.А. Смолия и В.С. Степанкова, что Хмельницкий имел в своем распоряжении только два указанных полка²²⁰. Слабость сил, которыми располагал гетман, объясняется разгромом его сторонников в Каневской битве. Вероятнее всего, приднепровские полки смогли сохранить свою боеспособность после тяжелого поражения гетмана из-за того, что не участвовали в Каневской битве. Возможная численность казацких полков определяется достаточно условно. Согласно переписи Подольского полка 1659 г. он был значительно меньше остальных, в нем числилось 1222 казака²²¹. Численность Брацлавского полка известна по реестру 1649 г. – 2662 чел.²²². Полковником первого в 1662 г. был Остап Гоголь, второго – Михайло Зеленский. Что касается валахов, то, возможно, гетману помогали бойцы из отряда бывшего валашского господаря Константина Щербана, принимавшего участие в Чудновской кампании на стороне Ю. Хмельницкого (в 1660 г. – 12 хоругвей, или около 1000 чел.)²²³. В сумме гетманское войско можно оценить максимум в 5000 казаков и валахов.

В тот же день Ромодановский получил известие, что на помощь Хмельницкому пришла под Крылов многочисленная крымско-татарская орда: «царевичи Салам-Гирей да Мамет-Кирей и Ширинские князи с татарами со многими людьми, а с ними ж Белогородцкая и Очаковская и Добречская орда». Узнав об этом, князь велел Приклонскому отступить – «итить и перевозится через Днепр к себе в обоз»²²⁴.

Предводителем крымско-татарского войска был султан Селим-Гирей, будущий

крымский хан, волевой и талантливый военачальник, уже проявивший себя в военных кампаниях 1658–1661 гг. О втором царевиче – Мухаммед-Гирее («Мамет-Кирее»), напротив, почти ничего неизвестно, вероятно из-за его юного возраста. В расспросах пленных 1663 г. он указан как «малодой Мамет-Гирей салтан»²²⁵. Точную численность крымско-татарского войска определить невозможно из-за отсутствия каких-либо документальных источников по данному вопросу. Толмач Маметка, присланный ханом к гетману, говорил, что с двумя царевичами «ратных людей 45 000»²²⁶. И. Ерлич пишет о 40 000 татар, Ю. Хмельницкий сообщает о «великих ордах» и 60 000 татар, кн. Г.Г. Ромодановский о «многой орде». Единственным ориентиром в определении числа татар может быть указание воеводы на то, что с царевичами были Ширинские князья, Белгородская (Аккерманская), Очаковская и «Добречская» (Добруджская) орды.

На наш взгляд, примерное представление о реальной численности всех сил крымско-татарского войска может дать документ под названием: «Вся мощь из Крыма, из Нагаев, белгородцев, очаковцев и добруджан» из архива библиотеки Ягеллонского университета в Кракове (№ 90, Л. 15 об.). В нем содержится краткий «реестр» татарской орды, союзной казакам в 1649 году: «...людей Ширина было 5000, Чизивутов (седжеутов) – 500, Баркина – 500, Архина – 1000, Бацены – 1000, Хишан – 500, Янтан – 500, капикулу – 2000, уланов – 500, темрючских черкесов – 200, турок из Кафы – 100, (татар) из Козлова (Гезлеве, ныне Евпатория. – И.Б.) с Хая-беем и другими мурзами – 10 000, перекопских татар – 5000, добруджских – 3000, белгородских – 5000, очаковских – 1000, крымских семенов (сейменов. – И.Б.), которые «ходят при хане» – 400, людей Урумбет-улу – 5000 («с ханом теперь будут»), людей Беин Хали мурзы – 1000, шейда-кулу – 500, черкес – 3200 человек. Кроме того, отмечалось, что должны подойти еще 15 тысяч татар, в том числе те, которые были на границе с калмыками. Таким образом, согласно этому документу, представляющему собой, по всей вероятности, польский перевод с татарского оригинала, численность войск Крымского ханства составляла в начале мая 1649 г. 60 тысяч 900 человек»²²⁷.

Взяв за основу эти данные, конечно с изрядной долей допущения, подсчитаем: Ширинские князья (5000), Белгородская орда (5000), Очаковская орда (1000), Добруджская орда (3000), плюс отряды знатных крымских родов: Седжеута, Барына, Аргына, Бацены, Хишан и Янтан, без которых не обходился ни один поход, – в сумме дают еще около 4000 чел. Возможно в походе на Украину приняла уча-

Крымский татарин.
Персидская миниатюра XVII в.

Крепость Перекоп на Крымском перешейке. Гравюра Г. Боденера. XVII в.

стие часть перекопских, козловских и иных, неучтенных в реестре 1649 г., татар и ногаев. В любом случае общая численность крымско-татарского войска под Бужиным (с учетом отсутствия ханского двора и его личной гвардии) вполне могла достигать, а возможно и превышать, 20 тыс. бойцов (40 или 60 тыс. чел. это сильно завышенные цифры).

Таким образом, общую численность украинских казаков и валахов Ю. Хмельницкого, а также крымских татар условно можно определить примерно в 25 тыс. чел., из которых на долю ордынцев приходилось 4/5 всех союзных сил. Понятно, что при таком соотношении говорить о победе под Бужиным казаков Ю. Хмельницкого некорректно. С имеющимися у гетмана собственными силами он бы не рискнул вступить в сражение с Приклонским без поддержки сильного союзника. Победа была достигнута благодаря действиям крымско-татарской орды, которая имела значительное численное превосходство над противником.

3 августа Приклонский со всеми ратными людьми вышел из Бужина и направился к реке,

к переправе. Он смог отойти от города примерно половину версты, когда на его табор (укрепленный походный обоз) напали «татаровя и поднестрские казаки и волохи». Вероятно, это был авангард противника. Враги приступали к его обозу «жестокими приступы», но тех неприятелей ратные люди «многих побивали и конные за ними гоняли». Приклонский дошел до берега Днепра и стал табором против обоза Ромодановского. В то же самое время его настигли основные силы крымских татар: «царевичи Салам-Гирей да Мамет-Кирей со мною ордою»²²⁸. На Приклонского и Золотаренко с их 8 тыс. войском обрушилось около 25 тыс. татар, казаков и валахов.

Находясь на левом берегу, Ромодановский, увидев «многолюдство» неприятеля и «напуск и приступы жестокие», послал к Приклонскому на помощь часть «пеших людей на стругах и на поромах и в малих судах»²²⁹. Переплывшие Днепр отряды, совместно с полками Приклонского, с «неприятели бились и от обозу многожды (врага. – И.Б.) отбивали». Однако татарские царевичи «Салам-Гирей да Мамет-Гирей сами со всеми силами учинили к обозу напуск и приступ жестокой». Ратные люди, «видя их многолюдство и напуски жестокие, дрогнули и почали садитца в суды», чтобы пе-

реправиться на левый берег, а иные переплыли через реку Днепр и пришли в обоз Ромодановского. Самых стойких, «людей немногих застали назаде с товарищем моим», – писал позднее царю Ромодановский. Прикрывавших отход до последнего «побили и в полон поимали», Приклонский смог спастись. Переплыв Днепр, он пришел в обоз к Ромодановскому²³⁰.

Неизвестный автор «Виршованной хроники» (1682) сообщает, что татары использовали арканы, набрасывая их на пытающихся спастись в Днепре людей и вытаскивая пойманных на берег²³¹. Тем не менее потери отряда Приклонского в победных реляциях Хмельницкого сильно преувеличены. Удобная и мелководная бужинская переправа (да еще «вода мала на тот час была»), не в пример глубоководной переправе через Днепр под Каневым, способствовала спасению большей части ратников.

Согласно отписке Ромодановского о бое 3 августа 1662 г., «великого государя ратных людей на том бою и на отводе и в загоне побито и поимано рейтар розных полков 72 человека, драгунов 42 человека, салдат 137 человек, стрельцов 22 человека». В тот же день, 3 августа, Ромодановский со всеми ратными людьми от Днепра пошел «к Лубнам и до Лубен, государь, – писал князь, – дошли совсем в целости августа в 5 день»²³².

Общие потери русских ратных людей в бою под Бужиным составили 286 чел²³³. (Табл. 11)

Весьма серьезным был урон среди начальных людей. Согласно росписи «начальным людям, которые побиты на бою», в сражении погибли:

Полковники: Рейтарского строя Индрик Тур. Салдатцкого строя Алферей Выберх.

Подполковники: Рейтарского строя Леонтьева полку Отмостова Александр Тур.

Пешего солдатцкого строя Яковлева полку Лесли – Андрей Шниттер, Осипова полку Спешнева – Игнатей Зыбин.

Копейных рот маеор Тимофей Шеншин.

Петрова полку Скаржинского – маеор Иван Оберберх.

Поручики: Леонтьева полку Отмостова – Савелей Пересыпкин, Михайлова полку Гопта – квартирмейстер Яков Некрасов, Вольтерова полку Кармихеля – Микифор Савин, Яганова полку Фанзагера – Матфей Филсан.

Прапорщики: Вольтерова полку Кармихеля – Потап Стрельников, Дирикова полку Графа – Иван Кандауров²³⁴.

Однако, как впоследствии оказалось, не все из указанных начальных людей пали на поле битвы, некоторые попали в татарский плен. Известно, что полковник Алферей Выберх в апреле 1674 г. вернулся в Москву после выкупа из Крыма²³⁵. Шведский дипломат Эрик Пальмквист в 1674 г. упоминает о «Вольфганге Вибурге» (в крещении Алферии. – И.Б.) и его 12-летнем пребывании в турецком плену²³⁶. Кроме него, среди бывших в Москве офицеров Пальмквист называет подполковника «Андерса Шниттера», т. е. явно вышеупомянутого Андрея Шниттера²³⁷, вероятно, вернувшегося из плена ранее. Кроме того, в 1678 г. в крымском плену находился полковник Тур (вероятно Индрик), которого должны были обменять на пленных татар²³⁸.

Мартин Майер пишет о четырех пленных полковниках, ошибочно относя их пленение не к сражению под Бужином, а к боям под Лубнами²³⁹. Как видно из отписки Ромодановского, речь идет о двух вышеназванных полковни-

Таблица 11

Боевые потери полка М.В. Приклонского в бою под Бужином 3 (13) августа 1662 г.

Служилые люди	Кол-во чел.	
	Начальные люди	Рядовые
Копейщики и рейтары	6	72
Драгуны	2	42
Солдаты	5	137
Стрельцы приказа К. Иевлева	–	22
Всего	13	273

ках и трех подполковниках. Не исключено, что четверо попали в плен, а погиб только один.

Стоит отметить, что, согласно сведениям о составе отряда М.В. Приклонского, в нем не было полковника А. Выберха, временно возглавлявшего указанный полк, и подполковника того же полка И. Зыбина (вместо них в поход на Правобережье ходил майор). Следовательно, они переправились через реку на судах уже во время боя под Бужиным для поддержки обороняющихся в таборе на правом берегу.

Весьма информативным источником является челобитная черкас Острогожского полка сотника Федота Манкова с товарищами, которые сообщают об участии казаков-острогожцев в походе Приклонского за Днепр: «...и после государь того бою (Каневской битвы. – И.Б.) иные наши братья посланы за Днепр с стольником и воеводою с Михаилом Васильевичем Приклонским и будучи за Днепром многие изменничьи города имали и изменников многих побивали, и как государь стольник и воевода Михаил Васильевич пошел из Бужина к перевозу и к обозу, государь, нашему неприятелю тотаровя и изменники черкасы приступали жестокими приступы и мы, холопы твои, шли отводом и идучи, с теми неприятели бились с утра до полудня, и были государь у нас... бои болшие многожды и на них неприятелев от обозу своего отбивали, и в то же государь время прибыли два царевича крымских со мною ардою и мы... видя босурманная многолюдство поплыли через реку Днепр, и переплыв наги и босы, и многия, государь, наша братья пластьишка и запасы покинули в сем обозе...»²⁴⁰.

Другой казак Острогожского полку сотник Северин Петров с товарищами в своей челобитной царю писали, что они «за Днепром у Бужина в осаде сидели и бились и отводом к Непру шли и с татары и с ляхами и с черкасы бились и через Днепр плыли наги и ружье, и лошадишки, и платье осталось за Днепром...»²⁴¹.

Челобитная острогожцев хорошо дополняет общую картину боя, подтверждая факт потери обоза отряда Приклонского, брошенного на правом берегу Днепра при переправе через

реку. Казаки ничего не сообщают о потере пушек на переправе, что согласуется с данными Самовидца о том, что «гарматы поромом перевезли». Однако в отписке Ромодановского прямо сказано о потере трех орудий, два из которых ранее были захвачены под Каневым: «за Днепром, государь, взято у нас... пищаль медная болшого наряду, две пищали взяты, которые взяты были, как... побили Юраску Хмельницкого»²⁴².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что потери русской артиллерии составили 3 орудия. Информация о захвате татарами и казаками Ю. Хмельницкого 7 пушек (по М. Майеру – 9 пушек) также не подтверждается, если только эти орудия не принадлежали полку Золотаренко. Эффективным огнем артиллерии Ромодановскому удалось прикрыть переправу, в результате чего удалось спасти от уничтожения основные силы отряда Приклонского. Об этом говорит и «Летопись Самовидца», сообщающая о малых потерях и мелководном в то время Днепре, позволившем воеводе без особого труда форсировать реку через удобную и узкую бужинскую переправу. Это, однако, не исключает того факта, что бойцам Приклонского пришлось бросить не только обоз и три пушки, но и часть личного вооружения. В 1663 г. рейтары полка Якова Тура (ранее бывшие в полку И. Тура) объясняли утрату своего оружия тем, что под Бужиним «на бою карабины и пистолы истеряли»²⁴³.

О потерях Нежинского полка на переправе ничего не известно, но, возможно, как считал Н.И. Костомаров, казаки пострадали более русских ратных людей. Информацию из «Краткого описания Малороссии» о спасении обоза, также как сведения М. Майера, Ф. Софоновича и С. Величко о больших потерях Приклонского при форсировании Днепра следует признать недостоверной. Несомненно и то, что источником для трех последних послужила упомянутая реляция гетмана Юрия Хмельницкого, сообщающая фантастические цифры о якобы гибели 10 тыс. русского войска в бою под Бужиним.

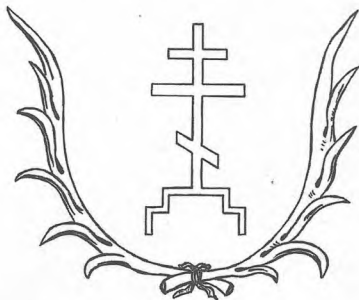
ОТХОД РУССКОЙ АРМИИ К ЛУБНАМ И БОИ НА Р. СУЛЕ

Для дальнейшей реконструкции военных событий кампании 1662 г. вернемся к тексту письма Юрия Хмельницкого к королю Яну Казимиру от 11 августа 1662 г., где описано отступление русских войск Ромодановского и Нежинского полка Золотаренко от Днепра к Лубнам.

Согласно гетманскому письму, «Ромодановский, уstraшенный этим поражением (под Бужиным. – И.Б.), совершившимся в его присутствии, и изумленный многочисленностью орды, тотчас стал отступать, бросая всякие тяжести. Но и это не помогло ему, потому что султан, его милость, Мегмет-Гирей, переправившись с ордами чрез реку Сулу, настиг его с войском, и, разбивши там, овладел 18-тью пушками и всем лагерем. Сам же Ромодановский в великом смятении и с невознагради-мою потерю, после незабвенной победы нашей и великой славы, едва с несколькими тысячами ушел в Лубны»²⁴⁴.

Письмо Хмельницкого дополним цитатой из Мартина Майера, в основу которой также явно положены победные реляции Хмельницкого:

«Этим еще не совсем закончились неудачи московитов. Татарский султан сперва с большими силами орды на Ромодановского стал наступать, который, в подавляющем большинстве имея лишь пехоту и немного конницы, не хотел задерживаться на этом месте, а повернул на Лубны. Когда ордынцы увидели это, они быстро двинулись следом до Днепра и под самыми Лубнами догнали его, там конница хотела перейти через реку Сулу, да вскоре была порублена и пехота потеряла 18 больших пушек, которые были оставлены на мосту на Суле, не имея возможности их перевезти. После этого татары вынудили московитов занять оборон-

Символика полкового знамени белгородского приказа московских стрельцов К. Иевлева 1660 г. Авторская реконструкция

ные позиции, что последние едва-едва спаслись в крепости Лубны. Поскольку ордынцы слишком рано устроили грабеж табора, в то время Ромодановский получил возможность бежать и выскользнуть на свои безопасные земли. Но четыре его полковника остались, были пленены и отправлены в Чигирин»²⁴⁵.

Как отмечено выше, на самом деле полковники были пленены не под Лубнами, а под Бужиным. Они были отправлены не в Чигирин, а в Крым. Этот факт лишний раз свидетельствует о том, что в союзе Мухаммед-Гирей IV и Хмельницкого ведущую роль играл крымский хан.

Еще в XIX столетии исследователи обоснованно выражали свое сомнение относительно правдивости изложенных в письме Хмельницкого сведений. Так, в частности, Н.И. Костомаров писал, что по известию Хмельницкого, «султан Мехмет-гирей догнал его при переправе чрез Сулу и поразил жестоко, взяв

Однако, например, Соловьев С.М., доверяя письму Ю. Хмельницкого, не критично, без комментариев, переписывал его содержание: «султан Магмет-Гирей, переправившись со своими татарами через Сулу, настиг Ромодановского, разбил его, взяв 18 пушек и весь лагерь. Ромодановский ушел в Лубны»²⁴⁷.

Уже в наше время, не обращая внимания на справедливое замечание Н.И. Костомарова, доктор исторических наук Т.Г. Таирова-Яковлева почти дословно использует текст письма Юрия Хмельницкого в своей работе, нисколько не сомневаясь в правдивости изложенного гетманом. Ромодановский «отступил, но татары догнали его около речки Сулы и захватили его табор. Ромодановский «...едва с несколькими тысячами ушел в Лубны. 16 августа Ромодановский вошел в Лубны, но того же дня на него напали татары. На следующий день они разгромили В. Золотаренка»²⁴⁸.

Игнорируя отечественные документы и материалы, Т.Г. Таирова-Яковлева довольствуется узкой источниковедческой базой и преимущественно документами польской стороны. Весьма поверхностно исследуя военные события на Украине, историк демонстрирует полное отсутствие критического анализа нарративных источников.

Согласно «Росписи перечневой» Ромодановского, после «Каневского и Заднепровского бою збежало русских всяких чинов людей 78 человек, черкас 1020 человек»²⁴⁹. Имея менее чем 15-тыс. войско против 25 тыс. неприятеля, Ромодановский и Золотаренко приняли решение об отступлении к Лубнам, куда они прибыли через три дня.

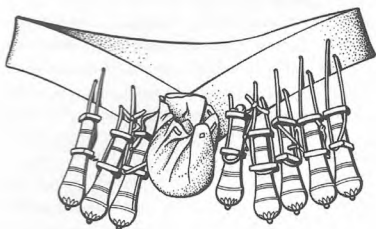
В Лубнах к воеводе прибыли дополнительные силы. Как писал позднее князь, «после Заднепровских боев (приехали – И.Б.) в Лубны, а под Лубнами на боях были» 2304 чел. К войску присоединились 2 московских чина, 27 есаулов и завоеводчиков, 120 начальных людей, 1297 копейщиков и рейтар, 53 драгуна, 421 солдат, 67 донских казаков, 52 новоприборных рейтара в полк Ф. Вормзера и 265 черкас Острогожского полка²⁵⁰. Таким образом, его армия пополнилась более чем на 2 тыс. чел.

Сам Ромодановский сообщает о своем успешном отступлении от Днепра к Лубнам. 6 августа он с ратными людьми перешел реку

Сулу, оставив «на заставе за рекою Сулою пешие салдатские и драгунские и черкасские Острогожской и Сумской полки с их обозы». В тот же день «пришли под Лубны царевичи Салам-Гирей да Мамет-Кирей и Ширинские князи со многу ордю» и атаковали «заставные» полки. Приступы татар к табору продолжались «с полудня до вечера». В результате боев татары понесли урон – «многих побили», а из русских ратных людей «на тех боях ни один человек не убит и в полон не взят». Отраженные артиллерийским и ружейным огнем, видя «ратных людей крепкое стоянье», лихие всадники отступили от табора и решили попытать счастья на другом поле. Крымцы, «перебрався через реку Сулу, ударили на обоз нежинского полковника Василья Золотаренка», стоявший отдельно. Казаки не смогли противостоять стремительному натиску орды. Как писал Ромодановский, черкасы Нежинского полка, «покинув обоз, побежали, и татаровя в обоз въехали». Узнав об этом, воевода послал на помощь Золотаренку своих ратных людей. Совместными усилиями русских воинов и казаков «из обозу татар выбили, и обоз и пушки у них отбили, и многих побили и в языках поимали»²⁵¹. Золотаренко с полком соединился с Ромодановским в Лубнах.

Кираса мастера Н. Давыдова. Москва, XVII в. Государственная Оружейная палата Московского Кремля

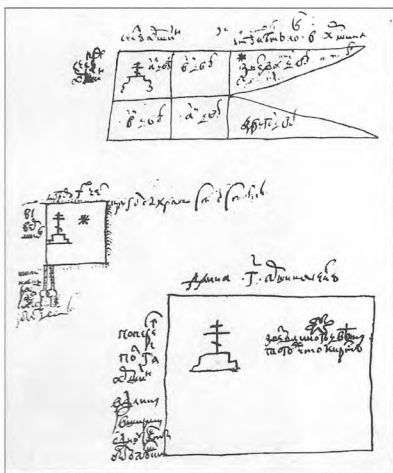
Банделер. Западная Европа XVII в.

Сообщение Ромодановского о ходе и результатах сражения подтверждается и его рядовыми участниками. В упомянутой выше челобитной черкас Острогожского полка сотника Федота Манкова с товарищами, бои с крымцами под Лубнами описаны следующим образом: когда Ромодановский пришел в Лубны, крымские царевичи также появились под городом и «к обозу пеших полков жестокими приступы приступали, солдат и черкас, государь, многих побили

и переранили», но видя «крепкое их салдатская и черкасская стаянья от обозу отступили». После этой неудачи в тот же день татары «перешед реку Сулу на Лысою гору» ударили «на обоз нежинского полковника Василья Золотаренка». Из челобитной следует, что табор Золотаренко в то время находился на Лысой горе – известной и в наше время под таким названием возвышенности к юго-востоку от Лубен, на правом берегу реки Сулы. Манков, как и Ромодановский, сообщает об успехе татар, которые «обоз у черкас отбили было», но затем князь направил на помощь своих людей (в том числе Острогожский полк). В результате русские и казаки «обоз и пушки у них у тотар отбили и многих побили и живых поимали...»²⁵².

Упомянутый выше Северин Петров также писал, что «с походом идучи под Лубнами в окоп от татар и от черкасов сидели и бились»²⁵³. Отметим, что Манков, в отличие от Ромодановского, сообщает о «многих» убитых среди солдат и черкас. Это означает, что, вероятно, убитые были только среди казаков (учет которых вели их полковники), либо у Ромодановского было много раненых, но без смертельного исхода. Возможен вариант, что челобитчики хотели преувеличить драматизм и накал сражения, а также героическое поведение в нем в своих посланиях к царю.

Рисунки «образцов» знамен для полков Белгородского разряда 1665 г.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в бою под Лубнами Мегмет-Гирею действительно удалось нанести серьезное поражение казакам Нежинского полка, захватив их обоз и орудия (конечно, не 18 пушек, как писал Хмельницкий, а намного меньше, поскольку ни один полк Войска Запорожского не мог иметь такого внушительного артиллерийского парка). Однако в ходе дальнейшего боя обоз и пушки были отбиты у татар и возвращены казакам. Нельзя, конечно, исключать и того, что несколько казацких полковых орудий могло при этом остаться у крымцев. В то же время отечественные источники ничего не сообщают о потере орудий русской армии. Кроме того, нет никаких документов о дальнейшей судьбе трофейных пушек, если бы они были захвачены Хмельницким. Следует особо подчеркнуть, что Разрядный приказ в то время был достаточно внимателен к любым потерям артиллерии. К примеру, пушки, оставленные кн. А.Н. Тру-

бецким под Конотопом в 1659 г. и отправленные гетманом И. Выговским в Варшаву, неоднократно упоминаются в различных документах. После падения Выговского Москва поднимала вопрос об их возврате казаками.

О дальнейших военных событиях также можно узнать из отписки Ромодановского. По словам воеводы, после боя на реке Суле «царевичи со всеми ордами встали около Лубен». Между русскими и нежинскими казаками с одной стороны и крымцами с другой происходили «безпрестанные» бои. Воевода пишет, что полтавского полковника с полком с ним не было, так как он был ранее отпущен им в Полтаву²⁵⁴.

Из царской грамоты можно узнать, что 20 августа Ромодановский написал государю о том, что он с войском стоит в Лубнах обозом. За ним к городу подошли «крымские царевичи и мурзы, а с ними крымские татаровя многие люди и белгородская и очаковская и добренская орда». Поскольку у князя с татарами под Лубнами «бои большие», царь Алексей Михайлович приказал собрать тех служилых людей Белгородского полка, которые еще оставались в Белгороде, и отправить на помощь Ромодановскому²⁵⁵. Удалось ли осуществить эти намерения до отхода русского войска из Лубен – неизвестно, но атаки ордынцев были отбиты, Золотаренко с полком вернулся в Нежин.

23 августа Ромодановский, будучи в Лубнах, сообщил царю, что «крымские салтаны перевозятца на сю сторону Днепра под Максимовкою» и снова хотят приходить на его обоз. Предполагая значительное численное превосходство татарской орды, в Москве приняли решение отвести его войска на Слобожанщину, «в Ахтырское или в Сумино», где «стать пристойнее». Перед отступлением князь должен был известить епископа Мефодия, что он идет «из Лубен в Ахтырское для нашего государева дела на время». Сомко и Золотаренко также следовало отписать, что он уходит из Лубен «на малое время» ввиду возникшей угрозы набегу татар на порубежные русские города²⁵⁶.

30 августа из Лубен сбежали трое иноземцев: «немцы маеоры рейтарского строю Яков Барнов, да пешего солдацкого строю Тобиас Кершнер, да рейтарского строю поручик Миккулай Каменицкий». Ромодановский посылал за ними погоню, но «посыльные люди их не

догнали», а взятые позднее языки сказали, что они «переехали за Днепр к Юраске Хмельницкому»²⁵⁷.

2 сентября 1662 г. Золотаренко сообщил Ромодановскому, что он снова выступил из Нежина со своим полком и Прилуцким полком для участия в раде. Князь собирался встретиться с ним в Зенькове²⁵⁸. Указ об отходе из Лубен в Ахтырку был получен Ромодановским 5 сентября. В тот же день приходили под Лубны четыре ногайских мурзы Урмаметевы «со многими татарами» и бились со сторожевыми рейтарскими ротами²⁵⁹. В другой отписке этот бой изложен подробнее: 5 сентября приходили под Лубны четверо нагайских мурз Урмаметевых, Ак-мурза «с товарищи со многими татарами и били, государь, на сторожевые наших рейтарских полков роты», которые стояли за рекой Сулою. Князь, «видя их татарское многолюдство посылал на помочь к тем сторожевым ротам товарища своего столника и воеводу Петра Скурагов, а с ним копейный и рейтарские полки». На том бою крымских татар «многих побили и в полон поимали», гоняли за теми татарами «от города мили за две». Пленные показали, что с теми мурзами «послано их было четыре тысячи человек». Посланы они были «для языков и для проведыванья» из-за Днепра Селим-Гиреем. Пленные также сказали, что при Хмельницком ныне с ордою он один, а «брат де ево Мамет Гирей царевич с выправкою пошел в Крым». Ромодановский сообщил в Москву, что он ждет в Лубнах «нежинского и иных полковников», а затем пойдет к Зенькову, чтобы провести там раду для избрания гетмана. Если же полковники не соберутся, то он с войском, «не учиня рады», пойдет в «великого государя украинные города»²⁶⁰.

Стоит обратить внимание, что Самойло Величко ошибочно полагает, что во время боя Приклонского под Бужиным Ромодановский находился в Лубнах, что лишний раз подтверждает тезис о слабом знании летописцем описанных событий: «Князь Ромодановский, сам в Лубнях... а Васюта з войском, в полю близко Лубен найдуючися, в неменьший страх впали, гди о поражце за Днепром чрез Хмельниченка войско своих зашлишали; и немогучи болшей около Лубен бавитися, за наступлением скорим от Хмельниченка на них Ординским

Чуфут-Кале. Пещерный город около Бахчисарая – резиденции крымских ханов. С совр. открытки

(в котором и Галуховского писаря бывшего енарального утратили), мусели септевря 8 от Лубен отступити во свояси, Васюта к Нежину, а Ромодановский до Зенкова; в Зенкове зась дней скилко отдохнувши, и оний чрез неосторожность служивых людей спаливши, рушил со всем до Белгорода»²⁶¹.

Сомнительным также является известие Величко о гибели бывшего генерального писаря Семена Голуховского, который в июле 1661 г. покинул Юрия Хмельницкого и перешел на сторону Якима Сомко²⁶². По другим, служащим доверия данным, Семен Голуховский был жив еще в 1666 г.²⁶³ В то же время Величко, вероятно, верно указывает точную дату отхода русской армии из Лубен в Белгород – 8 сентября. Это возможно, учитывая, что царский указ об отводе армии в Белгород был получен князем 5 сентября. Но уже 17 сентября царь приказал Ромодановскому идти в Полтаву для сбора полковников и проведения рады в Полтаве или Зенькове²⁶⁴.

В Белгород Ромодановский с войском прибыл до 18 сентября, о чем свидетельству-

ет смотр его войск, проведенный в этот день. Поскольку смотр фактически был произведен сразу после возвращения из похода, он отражает реальную численность армии Белгородского разряда с учетом возможных потерь в летней кампании 1662 г. на Украине без каких-либо новых воинских частей из других военно-административных округов. (Табл. 12)

Здесь следует оговориться, что в опубликованной С.Б. Веселовским «Смете военных сил 1661–1663 гг.»²⁶⁵, обнаруженной им в Столбцах Денежного стола²⁶⁶, содержатся сведения о двух смотрах Белгородского полка от 18 сентября и 15 октября, ошибочно обозначенных в документе переписчиками как один смотр 18 сентября. По первому смотру в войске Ромодановского значится 15 105 чел., по второму от 15 октября – 12 727 чел. Если первый смотр дает нам точное число ратных людей сразу после окончания кампании и аналогичен данным смотра от 18 сентября в соответствующей отписке Ромодановского²⁶⁷, то второй содержит сведения о составе Белгородского полка спустя месяц после указанных событий, когда произошли новые назначения (например, майор П. Стромичевский из полка М. Гопта переведен в копейный полк) и структурные изменения. На смотре от 15 октября нет рейтарского

Белгородский полк по смотру на 18 сентября 1662 г.

Служилые люди	Кол-во чел.		
	нач. люди	рядовые	всего
Московские чины	9	–	9
Головы, есаулы, завоеводчики	104	–	104
Рейтарского строя	226	6306	6532
Драгунского строя	12	1140	1152
Солдатского строя	98	3387	3485
Донские и орешковские казаки	–	300	300
Стрельцы	6	600	606
Всего	455	11 733	12 188
Черкасские полки (в естех)	51	1773	1824
Сбежавших после битвы черкас	2	1087	1089
Всего	508	14 593	15 101

полка Я. Тура, вместо которого показан полк Р. Корсака. В сентябре в Белгороде умер престарелый полковник драгунского строя Валтер Кармихель, вместо него полковником стал Любим Вязевский, возглавлявший драгун в заднепровском походе²⁶⁸.

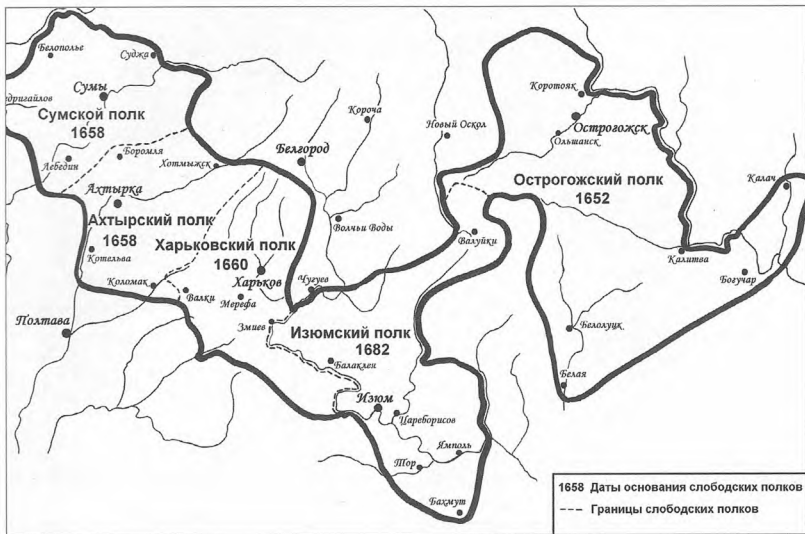
С учетом того факта, что по смотру от 18 сентября 1662 г. в строю находилось 15 105 чел. (в том числе 5 полковников рейтарского строя, 1 – драгунского строя и 5 – солдатского строя), а также сравнение росписей войска до и после похода, указанные Ромодановским потери русских ратных людей в Бужинском бою (286 чел.) вполне заслуживают доверия и соответствуют действительности.

В Столбцах Белгородского стола сохранились данные о потерях слобожан убитыми и пленными в ходе всей летней кампании 1662 г. Они составили 662 чел., а именно сотников – 4, есаул – 1, знаменщик – 1, рядовых – 656 чел.²⁶⁹. Численность двух слободских полков, принимавших участие в боях на Днепре и Суле летом 1662 г. по смотру на 15 октября составила 2922 чел., из которых в Острогжском полку было 1104 казака, а в Сумском – 1818²⁷⁰.

Неизвестно, сколько потеряли слобожане отдельно под Каневым, Бужиным и Лубнами, но даже если предположить, что львиная доля (до 500 чел.) приходится на бои под Бужиным и Лубнами, то общие безвозвратные по-

тери (убитыми и пленными) русского войска и слободских казаков в этих боях составили максимум 800 чел. При сравнении с данными Ю. Хмельницкого (10 000 чел.) и М. Майера (18 000 чел.), очевидно, что живые реляции «победителя» об уроне неприятеля не имеют ничего общего с действительностью и не заслуживают доверия. Якобы многотысячные потери русского войска в боях под Лубнами опровергаются сравнением росписей с указанием численности армии Ромодановского накануне Каневской битвы и по итогам летнего похода 1662 г. Русское войско, успешно отражая атаки неприятеля, в боевом порядке отошло от берега Днепра в Лубны, не понеся сколько-нибудь значимого урона от атак противника. В Лубнах оно находилось до начала сентября, и только после получения соответствующего приказа из Москвы воевода отвел свое войско в Белгород. Ромодановский не только сохранил основные силы своей армии, но и в дальнейшем успешно вел боевые действия в кампании 1663–1664 гг. против поляков, крымских татар и правобережных казаков.

Самой неразрешимой проблемой является установление потерь казаков Нежинского полка под началом Василия Золотаренко, понесших наиболее тяжелые потери как в бою под Бужином, так и (особенно) под Лубнами. На наш взгляд, учитывая захват и разгром татарами казачьего табора, Золотаренко вполне мог

Слободская Украина в XVII–XVIII вв. (до 1765 г.)

потерять до тысячи человек, но подтвердить это предположение невозможно (разве что провести археологические раскопки на Лысой горе, если там имеются казачьи захоронения).

Стоит дополнить, что татарские царевичи, отступившие от Лубен, свободно опустошали земли Украины, взяв многочисленный полон в качестве «платы» за помощь Юрию Хмельницкому. Согласно Самойло Величко, они за «труды свои сами себе ясиром украинским добре заплативши, свободно одійшли до Крыму; ибо не тилко в полку Лубенском и в иных полоскались и ясир брали, але аж и за Десну под Чернигов вторгнули, где многі околичніе веси огнем и мечем сплюндровавши ...»²⁷¹.

О разорении Украины татарами пишет и Ерлич, который отмечает, что если бы гетман не отдал на разграбление крымцам земли Каневского и Корсунского полков, то они разорили бы и Вольнь. Гетман не только ханскому войску «ясырем платил, (но) и сам помогал». Если верить Ерличу, численность невольников, угнанных в Орду с украинских земель,

достигла 120 тыс. человек²⁷². Такова была непомерно высокая цена «незабвенной» Бужинской победы для гетмана Юрия Хмельницкого.

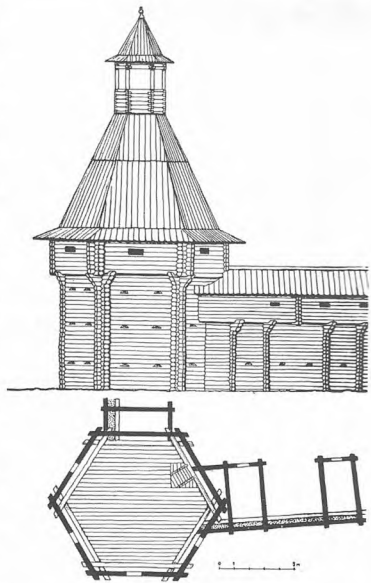
С помощью крымских татар Юрий Хмельницкий отомстил и полковникам, ранее перешедшим на сторону Москвы, вернув под власть польского короля Каневский, Корсунский и Черкасский полки. Как сказано в Лизогубовском летописце, за то, что каневский полковник Иван Лизогуб участвовал в Каневской битве на стороне Москвы, «его Юрась Хмельниченко по инстикгації ляховъ в Чигирине и Михайлу Гамалею еще з двома полковниками велел разстрелять»²⁷³. Одним из независимых полковников, погибших от рук сторонников Хмельницкого, стал корсунский полковник Степан Золотаренко²⁷⁴.

Михаила Васильевича Приклонского оставили на службе в Белгороде, но в январе 1663 г. он значился уже не «полковым», а «осадным» воеводой²⁷⁵.

В конце сентября основные события кампании 1662 г. на Украине закончились. Можно лишь дополнить, что в одной из отписок Ромодановского в Москву в мае 1663 г. содержатся интересные сведения о цветах полковых

знамен, бывших в походе 1662 г. Воевода писал в Разряд о необходимости прислать новую ткань для замены «избившихся» знамен Белгородского полка²⁷⁶.

В июне 1663 г. на так называемой «Черной раде» в Нежине гетманом левобережного казачества был избран Иван Брюховецкий. Его противник Яким Сомко был обвинен казаками в измене и по приговору войскового суда казнен. Тогда же лишились жизни В. Золотаренко и А. Силич. Переяславский воевода кн. Василий Волконский, с большим уважением относившийся к Сомко, узнав про избрание Брюховецкого, в гневе заявил прибывшим к нему посланцам нового гетмана: «...худые деятели, свиньи учинились в начальстве и обрели в гетманы такую же свинью, худого человека, а лутших людей, Самка с товарищи, от начальства отлучили»²⁷⁷. Так трагически погиб один из самых ярких вождей украинского казачества эпохи «Руины», заслуги которого в объединении Левобережной Украины с Россией трудно переоценить. Его достоинства и таланты признавали как союзники, так и противники. Историки всегда отдавали должное храброму полковнику Якиме Сомко. Напротив, получивший гетманскую булаву Брюховецкий оставил о себе недобрую память как в России, так и на Украине, но рассказ о его судьбе выходит за рамки нашего исследования.

Угловая башня Олонецкой крепости. XVII в.
План-реконструкция

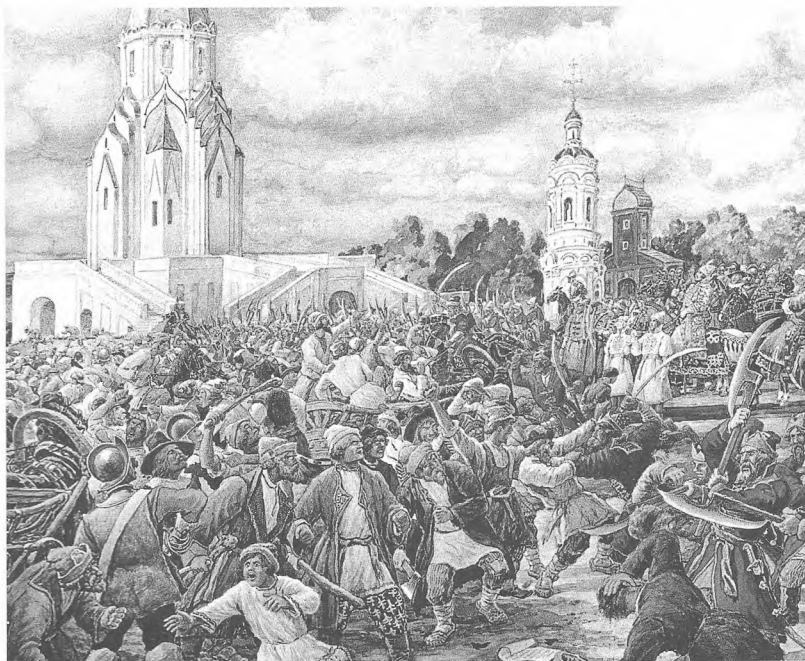
ИТОГИ КАМПАНИИ 1662 Г. НА УКРАИНЕ

Военная кампания на Украине 1662 г., которую вела армия Московского государства вместе с верными царю казаками левобережья Днепра, несомненно, достойна внимания историков. Это была последняя попытка проведения крупной наступательной операции русским командованием в войне 1654–1667 гг. с целью объединения всей Гетманщины под властью Москвы. Ее неудача во многом определила будущий раздел Украины по Днепру

(1667 г.), закрепленный Вечным миром с Речью Посполитой 1686 г.

По трагическому стечению обстоятельств русскому войску пришлось вести борьбу против пропольской части украинского казачества, тогда как сама война 1654–1667 гг. начиналась с отчаянного призыва тех же самых казаков о помощи против стремления поляков

Худ. Э. Лиссер. Медный бунт

подавить национально-освободительное движение на Украине.

Углубленное изучение русско-польской войны в целом и кампании 1662 г. в частности приводит нас к неизбежному выводу о том, что Каневская битва 16 (26) июля 1662 г. была самой большой победой армии Московского государства в этом конфликте как по общей численности сражающихся сторон, так и по потерям проигравшей стороны. Парадокс в том, что эта битва почти неизвестна историкам. Отчасти это объясняется тем, что отечественная история войны 1654–1667 гг. вплоть до настоящего времени фактически написана по польским источникам и исследованиям, в которых победы Речи Посполитой многократно превозносятся, а о поражениях долгое время писать было не принято.

В Каневской битве правобережные казаки и поляки потеряли 8 тыс. убитыми, пленными и утонувшими в Днепре. Ни одна другая значимая победа русских в полевых сражениях этой войны (Шепелевичи 1654, Вильна 1655, Городок 1655, Верховичи 1655, Верки 1658, Бася 1660, Чаусы 1662) не приводила к такому урону у побежденных и не приносила таких трофеев (117 знамен, 22 орудия и весь обоз побежденных). По числу взятых трофеев эта битва не многим уступает победе поляков в Чудновской кампании 1660 г. (154 знамени, 24 орудия и обоз), а по числу безвозвратных потерь проигравшей стороны превосходит знаменитую Конотопскую битву 1659 г. (5 тыс. русских и 2 тыс. верных Москве казаков).

Прямым последствием разгрома Юрия Хмельницкого под Каневым стало то, что в январе 1663 г. он, полностью утративший авторитет среди казаков, презираемый и ненавидимый всеми, отказался от гетманской булавы, а затем пострится в монахи. С. Величко приводит текст письма запорожцев Хмельницкому, в котором они в гневе обвиняли гетмана в том, что своим «безбожным» руководством не выстоял в битве у Канева против сил московских и своих казацких братьев, погубив много людей, которые потопились «в глубинах днепровых...»²⁷⁸.

Однако Канев не стал стратегической победой и не вернул России Правобережную Украину. Военные силы Крымского ханства оста-

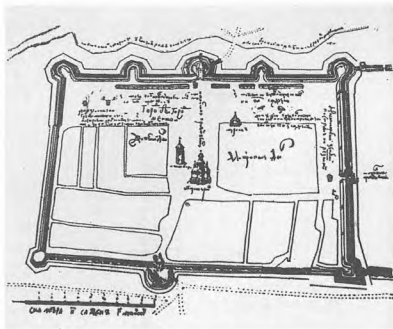

*Байина Братского острога. XVII в.
Музей-заповедник «Коломенское».
Фото автора*

новили наступление русской армии на украинские земли, находившиеся под властью короля, не позволив им добить остатки воинства Юрия Хмельницкого. Появление на Украине многочисленной орды привело к тому, что Каневский, Черкасский и Корсунский полки снова перешли под власть поляков. Главную роль в вытеснении русской армии с Правобережья сыграла крымско-татарская конница во главе с Селим-Гиреем и Мегмет-Гиреем, действия которой позволили сохранить фактическое разделение территории Украины по Днепру, при котором Правобережье осталось под властью короля, а Левобережье – под властью царя.

Проведенное исследование позволяет нам сделать вывод, что Крымское ханство, которое с осени 1658 г. фактически вело крупномасштабную войну против Русского государства в союзе с польско-литовскими войсками и частью украинского казачества, играло все возрастающую, а подчас – решающую роль в конфликте России и Речи Посполитой.

Одной из военных побед крымско-татарского войска является бой под Бужиным 3 (13)

План Белгородской крепости («Чертеж Белгорода Меньшого». 1693 г.

августа 1662 г. Вместе с тем, вокруг этого боя летописцами и историками создан ряд мифов, искажающих действительную картину происшедшего события. Обнаруженные в документах РГАДА сведения о потерях отряда М.В. Приклонского в бою под Бужиным достаточно точно отражают урон, понесенный русскими ратными людьми. Автор «Летописи Самовидца» делает верный вывод, что гетман Юрий Хмельницкий так и не смог оправиться от тяжелого разгрома своих главных сил под Каневым («не могучи переясловской шкоди себе наградити»), по сравнению с которым Бужинский бой был лишь поражением передового полка русской армии при попытке развить наступление на Правобережье. Что касается боев под Лубнами, то сообщения Хмельницкого о победе крымско-

татарского войска над русскими совершенно не соответствует истине.

Роль орды в кампании 1662 г. на Украине была решающей, чем в дальнейшем воспользовался хан Мухаммед-Гирей IV, при котором экспансия Крымского ханства на украинские земли значительно усилилась. Когда на генеральной раде в Чигирине новым гетманом Правобережной Украины был избран Павел Тетеря, он в тревоге писал королю о том, что старый союзник – Крымское ханство, становится опасным неприятелем. Орда осталась на зиму на Украине, чего «испокон веков не бывало» и «хан крымский ничего другого не желает, как только господствовать над Украиною...»²⁷⁹. Если ранее татары ограничивались набегами, полоном и грабежами, то в 60-е годы XVII столетия ханы начинают борьбу непосредственно за подчинение украинских земель, что в дальнейшем привело к войне Речи Посполитой и Крымского ханства в 1666–1671 гг.

Итоги кампании 1662 г. на Украине следует определить как результат борьбы южной (белгородской) группировки русских войск и крымско-татарской орды. Русские войска и верные Москве казаки отразили наступление польско-казацко-крымских войск на левобережье Днепра. В свою очередь, попытка русских войск и левобережных казаков закрепиться на правобережье Днепра также не достигла успеха. Одной из главных причин неудачи этой наступательной операции были раздоры между претендентами на гетманство на Левобережье и невозможность объединить их силы для противодействия войскам Крымского ханства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Величко С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Т. 2. Киев, 1851. С. 27–29.

² Грабянка Г. Літопис гадацького полковника Григорія Грабянки. Київ, 1992. С. 98–100.

³ Летопись Самовидца. М., 1846. С. 35–37.

⁴ Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов (далее – ПКК). Т. IV. Отд. III. Киев, 1859. С. 182–193.

⁵ Краткое описание Малороссии // Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев, 1878. С. 259.

⁶ Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх. Київ, 1992. С. 257.

⁷ Летопись или описание краткое знатнейшихъ действий и случаев, что в котором году деялось в Украини малороссійской обеих сторон Днепра и кто именно когда гетманом был козацким (1506–1737) // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. Киев, 1888. С. 21.

⁸ Jerlicz J. Latoписіс albo kroniczka Joachima Jerlicza. T. II. Warszawa, 1853. S. 66–67.

⁹ Гордон П. Дневник 1659–1667 гг. М., 2002. С. 121.

¹⁰ Петровский М. Нариси історії України XVII – початку XVIII століть. Харків, 1930. Приложение. № 3. С. 389–390; № 4. С. 391–392; № 5. С. 392–394; № 6. С. 394–396; № 7. С. 396–398.

¹¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Он же. Сочинения. Кн. VI. Т. 11. М., 1991. С. 106.

¹² Там же. С. 106.

¹³ Костомаров Н.И. Гетманство Юрия Хмельницкого // Костомаров Н.И. Казаки. Исторические монографии и исследования. М., 1995. С. 256–258.

¹⁴ Волк-Карачевский В.В. Борьба Польши с козачеством во второй половине XVII и начале XVIII века. Киев, 1899. С. 103.

¹⁵ Rawita-Gawroński F. Ostatni Chmielniczzenko 1640–1679. Poznań, 1919. S. 81.

¹⁶ Аркас М. Історія України – Русі. СПб., 1908. С. 227.

¹⁷ Крип'якевич І. П. Історія українського війська. Львів, 1936. Ч. 1. С. 220.

¹⁸ Стецюк К.І. Народні рухи на Лівобережній і Слобідській Україні в 50–70-х роках XVII ст. Київ, 1960. С. 215.

¹⁹ Апанович О.М. Запорізька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії 50–70 роки XVII ст. Київ, 1961. С. 162–163.

²⁰ Каргалов В.В. Полководці XVII в. М., 1990. С. 345–346.

²¹ Смолій В.А., Степанков В.С. Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 pp.). Київ, 1999. С. 249–250.

²² Савчук Н.О. Українська держава за гетьманування Ю. Хмельницького (1659 – поч. 1663 pp.). Камінець-Подільський, 2001. С. 179.

²³ Чухлиб Т. Бужинська битва 1662 / Енциклопедія історії України. Київ, 2003. Т. 1. С. 391.

²⁴ Мищик Ю. Юрій Хмельницький // Володарі гетманської булави. Історичні портрети. Київ, 1994. С. 244.

²⁵ Мищик Ю. Віршована хроніка про битву під Каневом 1662 року // Європейський вимір української полоністики. Київ, 2007. С. 64–78.

²⁶ В летописи С. Величко говорится о телах погибших в Каневской битве казаков Хмельницкого, лежавших на днепровских берегах до 1 сентября, тогда как Ю.А. Мыщук пишет о том, что убитые были русскими ратниками. См.: Мищик Ю.А. Чигирин – гетманская столица. Київ, 2007. С. 142.

²⁷ Яковлева Т.Г. Руїна гетьманщини. Від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659–1667 pp.). Київ, 2003. С. 252, 255.

²⁸ Kroll P. Jerzy (Jurij) Chmielnicki hetman zaporoski (1640/1641 – po 1684) // Hetmani zaporoscy w służbie króla i Rzeczypospolitej. Zabrze, 2010. S. 298–299.

²⁹ Літвіненко Е.В. Гетьманат Юрія Хмельницького крізь призму німецької друкованої хроніки «Theatrum Euoraeum» (XVII – початок XVIII ст.) // Київська старовина, 2011. № 1. С. 110–122.

³⁰ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 5. Смотренные списки. № 28. Лл. 118–181. – Л. Копнин не имел звания полковника, поскольку копейные роты, наподобие сотен, в указанное время организационно были самостоятельными частями.

³¹ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 151–152.

³² Реляция о военном походе его царского величества Алексея Михайловича в Литву против Польского короля Яна Казимира, 1654 г. // Витебская старина. Т. 4. Отд. 2. Витебск, 1885. С. 347–352.

³³ Лобачев С.В. Патриарх Никон. СПб., 2003. Приложение 4. Донесения шведского резидента Иоганна де Родеса о состоянии дел в Московском государстве. С. 368.

³⁴ Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов. Т. IV. Отд. III. Киев, 1859. С. 61–62.

³⁵ Барсуков А.П. Род Шереметевых. Т. 5. СПб., 1888. С. 300–302.

³⁶ Гордон П. Указ. соч. С. 57, 58, 59, 60.

³⁷ Рейтфельдс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утвержденные династии. М., 1997. С. 332.

³⁸ Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году. М., 2012. С. 259, 262.

³⁹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 523. – Число в 13 800 чел. получено путем добавления к указанному в документе (10 919 чел.) двух солдатских полков (1863 чел.), бывших в марте 1662 г. в Переяславе и неучтенной численности полка И. Саса (около 1000 чел.).

⁴⁰ Заруба В.М. Адміністративно-територіальний устрій та адміністрація Війська Запорозького у 1648–1782 рр. Дніпропетровськ, 2007; Кривошея В.В. Генеалогія українського козацтва. Нариси історії козацьких полків. Київ, 2004; Он. же. Козацька еліта Гетьманщини. Київ, 2008; Лукашевич Ю.Б. О казаках Украины. СПб., 2006.

⁴¹ Kroll P. Wojsko zaciężne na służbie hetmana Iwana Wyhowskiego // Studia historyczno-wojskowe. T. III. Armia i społeczeństwo. Zabrze, 2009. S. 113.

⁴² Korzon T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Epoka przedrozbiorowa. T. II. Kraków, 1912. С. 361.

⁴³ Боллан Г. Описание Украины. СПб., 1832. С. 8.

⁴⁴ Заруба В.М. Указ. соч.; Кривошея В.В. Указ. соч.; Лукашевич Ю.Б. Указ. соч.

⁴⁵ Archiwum Główne Akt Dawnych. Zbiór Branickich z Suchej. Syg. 42/56. S. 19. – Пользуясь случаем, автор выражает особую благодарность Петру Кролю за предоставленный материал.

⁴⁶ Компут – от лат. computum, от computare, считать, рассчитывать. Компутовое войско в Польше, постоянное войско, содержимое за счет Речи Посполитой.

⁴⁷ Wimmer J. Materiały do zagadnienia liczebności i organizacji armii koronnej w latach 1660–1667 // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. T. 6. Warszawa, 1960. S. 212–249.

⁴⁸ АЮЗР. Т. 5. СПб., 1867. Стр. 116.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. № 230. Л. 76–78.

⁵⁰ Там же. Л. 10–12.

⁵¹ Летопись Самовидца. С. 36.

⁵² Jerlicz J. Latopisiec albo kroniczka. T. 2. S. 65–66.

⁵³ Сокирко О. Гетьманські «німці»: війська іноземного автораменту другої половини XVII – початку XVIII ст. // Україна в Центральній-Східній Європі: 36. наук. пр. Вип. 11. Київ, 2011. С. 258.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 15. Столбцы разных столов. № 82. Л. 56.

⁵⁵ Там же. Разряд. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. № 230. Л. 76–78.

⁵⁶ Там же. Л. 76–78.

⁵⁷ Там же. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 468. Л. 272.

⁵⁸ Там же. Л. 268–270.

⁵⁹ Там же. Л. 362.

⁶⁰ Там же. Л. 372.

⁶¹ Там же. Л. 372.

⁶² Там же. Л. 363.

⁶³ Там же. Л. 364.

⁶⁴ Там же. Л. 372.

⁶⁵ Там же. Ф. 229. Малороссийский Приказ. Оп. 3. № 9. Л. 3–3 об.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 468. Л. 366.

⁶⁷ Там же. Л. 374.

⁶⁸ Там же. Л. 372.

⁶⁹ Там же. Л. 554–555.

⁷⁰ Там же. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 3. № 9. Л. 1–2.

⁷¹ Там же. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 468. Л. 566, 573, 586.

⁷² Там же. № 475. Л. 69.

⁷³ Там же. № 468. Л. 686.

⁷⁴ Там же. № 475. Л. 72–74.

⁷⁵ Летопись или описание краткое... С. 21.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 213–215.

⁷⁷ Там же. Л. 216–218; Петровский М. Указ. соч. С. 389–390.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 218; Петровский М. Указ. соч. С. 390.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 227.

⁸⁰ Там же. Л. 236.

⁸¹ Там же. № 769. Л. 238–240.

⁸² Там же. № 475. Л. 213–234

⁸³ Там же. Л. 523.

⁸⁴ Ромодановскому не удалось получить сведений о численности полка И. Саса, поскольку «Иванова полку Саса смотренных списков начальные люди не отдав, съехали». Из вышеуказанной таблицы следует, что всего налицо было: рейтар 4307 + полк Саса, драгун 1348 чел. и солдат 5036 чел.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 468. Л. 424

⁸⁶ Там же. Л. 426.

⁸⁷ Там же. Л. 433.

⁸⁸ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 246.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 468. Л. 702.

⁹⁰ Там же. № 475. Л. 506.

⁹¹ Там же. Л. 505.

⁹² Там же. Л. 493.

⁹³ Там же. Л. 496.

⁹⁴ Там же. № 468. Л. 518–521.

⁹⁵ Там же. № 475. Л. 436–437.

⁹⁶ Там же. Л. 436–437.

⁹⁷ Там же. Л. 491.

⁹⁸ Там же. № 468. Л. 518

⁹⁹ Там же. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. № 230. Л. 76–78.

¹⁰⁰ АЮЗР. Т. 5. С. 120–125.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 468. Л. 493–495.

¹⁰² Летопись Самовидца. С. 35.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 13. Столбцы Приказного Стола. № 230. Л. 10–12.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 324; Петровский М. Указ. соч. С. 391.

- ¹⁰⁵ Там же. Л. 309. С. 392–393.
- ¹⁰⁶ АЮЗР. Т. 5. С. 125–126.
- ¹⁰⁷ Летопись или описание краткое... С. 21.
- ¹⁰⁸ Краткое описание Малороссии... С. 259.
- ¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 15. Столбцы разных столов. № 82. Л. 24.
- ¹¹⁰ Там же. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. № 230. Л. 76–78.
- ¹¹¹ Там же. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола № 468. Л. 493–495.
- ¹¹² Там же. Л. 493–495.
- ¹¹³ АЮЗР. Т. 5. С. 120–122.
- ¹¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 468. Л. 506–508.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 519.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 522–527.
- ¹¹⁷ Там же. С. 120–125.
- ¹¹⁸ Там же. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 440–445.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 438–439.
- ¹²⁰ Там же. Л. 446–447.
- ¹²¹ Там же. Л. 269–273.
- ¹²² Там же. № 468. Л. 554–660.
- ¹²³ Там же. Л. 269–273.
- ¹²⁴ Летопись Самовидца. С. 35–36.
- ¹²⁵ Там же. С. 36.
- ¹²⁶ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 15. Столбцы разных столов. № 82. Л. 68.
- ¹²⁷ Там же. Л. 68.
- ¹²⁸ Там же. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 468. Л. 518–521.
- ¹²⁹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 308; *Петровский М.* Указ. соч. С. 392.
- ¹³⁰ *Величко С.* Указ. соч. С. 27.
- ¹³¹ *Jerlicz J.* Latorisic albo kroniczka. Т. 2. S. 65–66.
- ¹³² РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 499. Л. 97–98.
- ¹³³ Там же. № 468. Л. 510.
- ¹³⁴ В то время в Стародубе был наказной полковник: Там же. Оп. 15. Столбцы разных столов. № 82. Л. 85.
- ¹³⁵ АЮЗР. Т. 5. С. 115–117. – Пехотные полки И. Мозыри и И. Лиштвана были набраны из «охочих» посполиных людей, которые не вписаны в казацкий реестр.
- ¹³⁶ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского Стола № 499. Л. 62–63.
- ¹³⁷ *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 256.
- ¹³⁸ ПМК. Т. IV. Отд. III. С. 182–183.
- ¹³⁹ Там же. С. 189–190.
- ¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. № 230. Л. 76–78.
- ¹⁴¹ Там же. Л. 10–12.
- ¹⁴² Там же. Оп. 12. № 475. Л. 321; *Петровский М.* Указ. соч. С. 391.
- ¹⁴³ Летопись Самовидца. С. 36.
- ¹⁴⁴ *Jerlicz J.* Latorisic albo kronicka. Т. 2. S. 65–66.
- ¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. № 230. Л. 76–78.
- ¹⁴⁶ Там же. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 323–324; *Петровский М.* Указ. соч. Приложение. С. 391–392. – При публикации документа допущена ошибка: вместо 117 знамен указано 107.
- ¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского Стола № 468. Л. 510–511.
- ¹⁴⁸ Там же. Оп. 13. Столбцы Приказного Стола. № 230. Л. 10–12.
- ¹⁴⁹ АЮЗР. Т. 5. С. 125–126.
- ¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 15. Столбцы разных столов. № 82. Л. 73.
- ¹⁵¹ Там же. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 769. Л. 240.
- ¹⁵² Там же. № 475. Л. 308; *Петровский М.* Указ. соч. С. 392–393.
- ¹⁵³ Летопись Самовидца. С. 36.
- ¹⁵⁴ *Jerlicz J.* Latorisic albo kroniczka. Т. 2. S. 65–66.
- ¹⁵⁵ *Гордон П.* Указ. соч. С. 121.
- ¹⁵⁶ Летопись или описание краткое... С. 21.
- ¹⁵⁷ *Мыщик Ю.А.* «Летописец» Дворецких – памятник украинского летописания века // Летописи и хроники. 1984. М., 1984. С. 230.
- ¹⁵⁸ Черниговская летопись // Южнорусские летописи, открытые и изданные Н. Белозерским. Киев, 1856. Т. 1. С. 64.
- ¹⁵⁹ *Величко С.* Указ. соч. С. 28.
- ¹⁶⁰ *Мищик Ю.* Віршована хроніка про битву під Каневом 1662 року... С. 73–74.
- ¹⁶¹ *Софонович Ф.* Указ. соч. С. 257.
- ¹⁶² *Грабянка Г.* Указ. соч. С. 99.
- ¹⁶³ *Літвіненко Е.В.* Указ. соч. С. 122.
- ¹⁶⁴ *Wimmer J.* Materiały do zagadnienia organizacji i liczebności armii koronnej... S. 228–241.
- ¹⁶⁵ Дополнения к тому III-му Дворцовых разрядов. СПб., 1854. Стб. 345–346.
- ¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола № 468. Л. 510–511.
- ¹⁶⁷ Там же. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. № 230. Л. 1–8.
- ¹⁶⁸ *Мищик Ю.* Юрій Хмельницький // Володарі гетманської булави. Історичні портрети. Київ, 1994. С. 244.
- ¹⁶⁹ История русів. Київ, 1991. С. 206.
- ¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 324; *Петровский М.* Указ. соч. С. 391–392.
- ¹⁷¹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. № 230. Л. 21, 99.
- ¹⁷² Там же. Л. 73а.
- ¹⁷³ Там же. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 312; *Петровский М.* Указ. соч. С. 392–394
- ¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола № 499. Л. 62–63.
- ¹⁷⁵ Там же. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. № 230. Л. 21, 99
- ¹⁷⁶ Там же. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола № 539. Л. 13.
- ¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола № 499. Л. 1. – Именного списка обнаружить не удалось.

- ¹⁷⁸ Там же. Л. 151.
- ¹⁷⁹ АЮЗР. Т. 5. С. 125–126.
- ¹⁸⁰ Так, например, соотношение потерь поляков и шведов в битве при Кирхгольме (1605) составило 100/5000, имперцев и чехов при Белой горе (1620) – 700/5000, испанцев и голландцев при Калло (1638) – 284/2500, англичан и шотландцев при Вустере (1651) – 200/3000. Можно также вспомнить более позднюю битву при Ставучанах (1739), где русские потеряли 13 чел. убитыми и 54 ранеными, тогда как турки более 1000.
- ¹⁸¹ В качестве аналогии можно вспомнить гибель около 1000 всадников отряда Б.П. Шереметева в реке Нарове в ходе бегства с поля боя под Нарвой в 1700 г. Это при том, что Нарова намного уже Днепра.
- ¹⁸² РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 309–310; *Петровский М.* Указ. соч. С. 392–394.
- ¹⁸³ АЮЗР. Т. 5. С. 125–126.
- ¹⁸⁴ Хмельницкий Юрий // *Русский биографический словарь*. Т. «Фабер-Цявловский». М., 1999. С. 368.
- ¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 320; *Петровский М.* Указ. соч. С. 396.
- ¹⁸⁶ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 320; *Петровский М.* Указ. соч. С. 396.
- ¹⁸⁷ *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С.257.
- ¹⁸⁸ *Летопись Самовидца*. С. 37.
- ¹⁸⁹ *Гряблянка Г.* Указ. соч. С. 99–100.
- ¹⁹⁰ *Величко С.* Указ. соч. С. 28.
- ¹⁹¹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 316; *Петровский М.* Указ. соч. С. 394.
- ¹⁹² РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 316; *Петровский М.* Указ. соч. С. 394.
- ¹⁹³ *Барсуков А.П.* Списки городовых воевод и иных лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. М., 2010. С. 28–29.
- ¹⁹⁴ Дополнения к тому III-му Дворцовых разрядов. СПб. 1854. Стб. 345–346.
- ¹⁹⁵ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 505.
- ¹⁹⁶ Там же. № 499. Л. 98–99.
- ¹⁹⁷ Там же. № 475. Л. 316–317; *Петровский М.* Указ. соч. С. 394–395.
- ¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 499. Л. 98.
- ¹⁹⁹ Там же. № 475. Л. 317; *Петровский М.* Указ. соч. С. 395.
- ²⁰⁰ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 769. Л. 240.
- ²⁰¹ Там же. № 475. Л. 318; *Петровский М.* Указ. соч. С. 395.
- ²⁰² РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 319. С. 396.
- ²⁰³ Там же. Л. 319. С. 396.
- ²⁰⁴ *Летопись Самовидца*. С.37.
- ²⁰⁵ *Мицик Ю.* Віршована хроніка про битву під Каневом 1662 року... С. 76.
- ²⁰⁶ ПКК. Т. IV. Отд. III. С. 190–191.
- ²⁰⁷ *Літвіненко Е.В.* Указ. соч. С. 118.
- ²⁰⁸ Там же. С. 122. – Численность армии Г.Г. Ромодановского М. Маеір оценивает в 36 000 чел., что далеко не соответствует действительности.
- ²⁰⁹ *Jerlicz J.* Latorpisec albo kroniczka. S. 66–67.
- ²¹⁰ *Софонович Ф.* Указ. соч. С. 257.
- ²¹¹ В издании Летописи Самовидца 1846 г. пропущено слово «гармати», т. е. пушки. – См.: *Літопис Самовидця*. Київ, 1971. С. 87.
- ²¹² *Летопись Самовидца*. С. 37.
- ²¹³ *Величко С.* Указ. соч. С. 28–29.
- ²¹⁴ *Гряблянка Г.* Указ. соч. С. 177–178.
- ²¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 539. Л. 180–181.
- ²¹⁶ Там же. № 559. Л. 20.
- ²¹⁷ *Заруба В.М.* Указ. соч. С. 59–60.
- ²¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 354; *Петровский М.* Указ. соч. С. 397.
- ²¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 354; *Петровский М.* Указ. соч. С. 397.
- ²²⁰ Однако не исключено, что у Ю. Хмельницкого было не два, а только один «Поднестрский» т. е. Подольский полк.
- ²²¹ *Крикун М.* Між війною і радою. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII – на початку XVIII століття. Статті і матеріали. Київ, 2006. С. 73–74.
- ²²² *Бодянский О.М.* Реестра всего Войска Запорожского после Зборовского договора с королем польским Яном Казимиром, составленные 1649 года, октября 16 дня. М., 1875. Предисловие. С. 13–14.
- ²²³ *Ossoliński Ł.* Cudnow-Slobodyszczce 1660. Zabrze, 2006. S. 103.
- ²²⁴ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 354; *Петровский М.* Указ. соч. С. 397.
- ²²⁵ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 527. Л. 7.
- ²²⁶ Там же. Оп. 15. Столбцы разных столов. № 82. Л. 11.
- ²²⁷ *Ковальский Н.П., Мыцьк Ю.А.* Анализ архивных источников по истории Украины XVI–XVII вв. Днепропетровск, 1984. С. 49.
- ²²⁸ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 355; *Петровский Н.Н.* Указ. соч. С. 397.
- ²²⁹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 356; *Петровский Н.Н.* Указ. соч. С. 397.
- ²³⁰ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 356–357; *Петровский Н.Н.* Указ. соч. С. 397.
- ²³¹ *Мицик Ю.* Віршована хроніка про битву під Каневом 1662 року... С. 76.
- ²³² РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 357; *Петровский М.* Указ. соч. С. 397.

- ²³³ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 357; *Петровский Н.Н.* Указ. соч. С. 398.
- ²³⁴ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 361; *Петровский Н.Н.* Указ. соч. С. 397.
- ²³⁵ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Реестр делам Крымского двора с 1474 по 1779 года. Симферополь, 1893. С. 166, 171, 172, 184.
- ²³⁶ Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году... С. 304.
- ²³⁷ Там же. С. 80.
- ²³⁸ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 177.
- ²³⁹ *Литвіненко Е.В.* Указ. соч. С. 122.
- ²⁴⁰ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 769. Л. 240.
- ²⁴¹ Там же. № 499. Л. 155.
- ²⁴² Там же. Л. 62–63.
- ²⁴³ Там же. № 527. Л. 415.
- ²⁴⁴ ПКК. Т. IV. Отд. III. С. 190–191.
- ²⁴⁵ *Литвіненко Е.С.* Указ. соч. С. 122.
- ²⁴⁶ *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 258.
- ²⁴⁷ *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 106.
- ²⁴⁸ *Яковлева Т.Г.* Указ. соч. С. 255.
- ²⁴⁹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 499. Л. 99.
- ²⁵⁰ Там же.
- ²⁵¹ Там же. № 475. Л. 359; *Петровский М.* Указ. соч. Приложение. С. 398.
- ²⁵² РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 769. Л. 241.
- ²⁵³ Там же. № 499 л. 155
- ²⁵⁴ Там же. № 475. Л. 359; *Петровский М.* Указ. соч. С. 398.
- ²⁵⁵ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 475. Л. 367–368.
- ²⁵⁶ Там же. Л. 392–394.
- ²⁵⁷ Там же. № 499. Л. 19–20.
- ²⁵⁸ Там же. Л. 16–18.
- ²⁵⁹ Там же. Л. 16, 19.
- ²⁶⁰ Там же. Л. 19–20.
- ²⁶¹ *Величко С.* Указ. соч. С. 29.
- ²⁶² *Кривошея В.В.* Генеалогія українського козацтва. Написи історії козацьких полків. Київ, 2004. С. 150.
- ²⁶³ Там же. С. 188.
- ²⁶⁴ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола № 499. Л. 13–14.
- ²⁶⁵ *Веселовский С.Б.* Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 3. М., 1911. С. 3–53.
- ²⁶⁶ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 15. Столбцы разных столов. № 8. Л. 1–255.
- ²⁶⁷ Там же. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 499. Л. 401–411.
- ²⁶⁸ Там же. Л. 94–100.
- ²⁶⁹ Там же. Л. 405.
- ²⁷⁰ Там же. № 769. Л. 246–247.
- ²⁷¹ *Величко С.* Указ. соч. С. 29.
- ²⁷² *Jerlicz J.* Latorisic albo kroniczka. S. 66–67.
- ²⁷³ Летопись или описание краткое... С. 21.
- ²⁷⁴ *Корнієнко М.П., Кривошея В.В.* Персональний склад старшина правобережних полків (1648–1678 рр.). Київ, 2000. С. 61, 70.
- ²⁷⁵ *Барсуков А.П.* Списки городовых воевод и иных лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. М., 2010. С. 29.
- ²⁷⁶ «Копейного полку надобно на семь знамен тафты белой, да на 1000 копей тафты по четь аршина на копье, розных цветов белой, черной, красной, лазоревой, зеленой, желтой, алой, голубой, дволичной, вишневой, да в то же в восемь рейтарских полков надобно 40 труб, 20 пар литавр и на знамена тафты розных цветов, в рейтарские полки по присылке труб и литавр и тафты, что великий государь укажет. В пешех пяти салдацких полках знамена все избились, а надобно тафты в пешех салдацкие полки в Яковлев полк Лесли белой тафты, в Яганов полк Инволта, в Осипов полк Спешнева красной тафты, а репы розных цветов, в Яганов полк Фаназагера лазоревой тафты, в Дириков полк Графа алого цвету тафты, и о тафтах и о знаменах в пешех полки что великий государь укажет. Золота и серебра сусального и красок и алифы, чем писать знамена в копейной и в рейтарские полки... что великий государь укажет» (РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. № 499. Л. 267.)
- ²⁷⁷ *Кривошея В.В.* Генеалогія українського козацтва: Переяславський полк. Київ, 2004. С. 23.
- ²⁷⁸ *Величко С.* Указ. соч. С. 31.
- ²⁷⁹ ПКК. Т. IV. Отд. III. С. 230, 260.

Серия: «Ратное дело»

Игорь Бабулин

КАНЕВСКАЯ БИТВА 16 ИЮЛЯ 1662 г.

Научный редактор серии: *А.В. Малов*

Макет и обложка: *В.А. Передерий*

Художник: *Ю.М. Юров*

Верстка: *М.Е. Кузнецова*

Корректор: *Ю.В. Хамзина*

Фонд «Русские Витязи»

125009, Москва, Нижний Кисловский переулок, д. 6, стр. 1.

Тел.: +7 (495) 690-27-98, 690-32-81

fsark@yandex.ru; fsa12@yandex.ru

aerospaceproject.ru; русские-витязи.рф

Исполнительный директор: Ю.М. Желтоногин

Главный редактор: О.Г. Леонов

Руководитель издательских и медиа-проектов: С.А. Попов

Тираж 1200 экз.

Формат 84 × 108/16

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк».

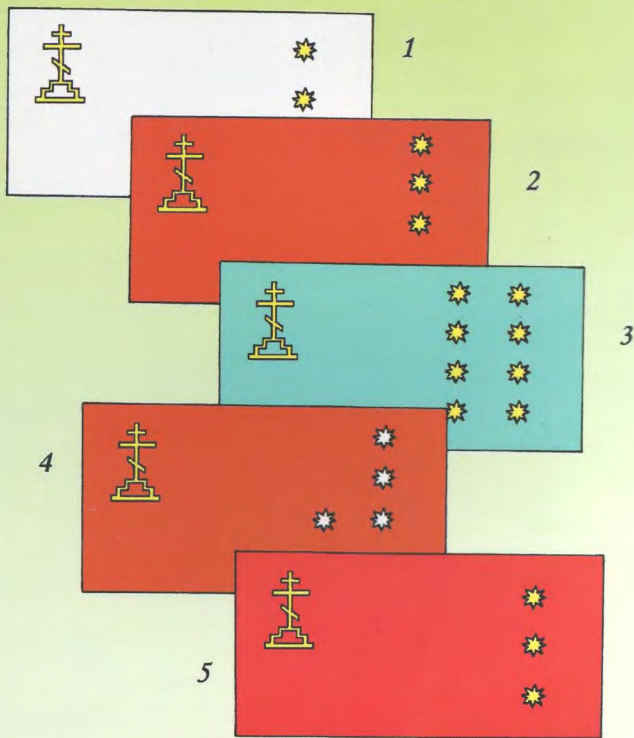
Украина, 61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51.

Тел.: + 38-057-717-53-57

Заказ № 3759

*Ротные знамена полков солдатского строя
Белгородского разряда в 1663 году.*

Реконструкция И.Б. Бабудина

1. Белгородский полк (Якова Лесли)
2. Яблоновский полк (Ягана Нивалта)
3. Усердский полк (Ягана Фанзагера)
4. Карповский полк (Осипа Спешнева)
5. Усманский полк (Дирижа Графа)

Прим. Число звезд на знамени означает номер роты.

Бабулин Игорь Борисович, родился в г. Грозном (1968). В 1993 г. окончил исторический факультет Калужского государственного педагогического института им. К.Э. Циолковского, в 2000 г. — Юридический институт МВД России. Более 20 лет служит в органах внутренних дел, подполковник юстиции. Работал в подразделениях дознания, следствия, преподавал правовые дисциплины в УЦ УВД Калужской области и Калужском филиале Юридического колледжа Международной полицейской ассоциации.

В 2013 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук в Институте российской истории РАН по теме: «Борьба за Украину в гетманство И. Выговского: военные события 1658–1659 гг.»

Со времени учебы на историческом факультете увлекается военной историей XVI–XVII вв. Автор более 20 публикаций по истории вооруженных сил и войн эпохи правления царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.).

Область научных интересов: военная история России XVII в.

Книги серии «Ратное дело» посвящены войнам, сражениям, походам и осадам в первую очередь в истории России. Особое внимание уделяется слабоизученным или вовсе неизвестным военным событиям. Серия обращена прежде всего к широкому кругу читателей — любителей военной истории и истории Отечества, но будет интересна и профессионалам. Подобная универсальность достигнута благодаря привлечению к работе над серией ведущих специалистов-историков. С одной стороны, это позволило гарантировать оригинальность и качество содержания книг. С другой — авторы серии взяли на себя труд рассказать об описываемых событиях доступным повествовательным языком.

В серии «Ратное дело» вышли следующие книги:

И. Курукин. На пути в Индию. Персидский поход 1722–1723 гг.

В.А. Артамонов. Дунайский поход Петра I. Русская армия в 1711 г. не была побеждена.

Д.С. Рябушкин. Остров Даманский. Пограничный конфликт. Март 1969 г.

И.Б. Бабулин. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.)

А.Н. Лобин. Взятие Смоленска и битва под Оршей 1514 г.

А.И. Филошкин. Закат северных крестоносцев: «Война коадьюторов» и борьба за Прибалтику в 1550-е гг.

Готовятся к выходу:

О.Ю. Куц. Азовское осадное сидение 1641 г.

Д.Н. Никитин, Н.И. Никитин. Покорение Сибири.

О.А. Курбатов, Я.Н. Рабинович. Борьба за Тихвин в 1613 г.

